

A close-up photograph of two women wearing highly decorative, ornate masquerade masks. The masks are primarily white and gold, with intricate scrollwork and patterns. The woman on the left has her eyes closed and is wearing a red flower in her hair. The woman on the right has her eyes open and is looking towards the camera. They are positioned as if about to kiss or are in the middle of a kiss. The background is dark and out of focus.

Виктория Старкина

**Калина
Интернешнл**

Виктория Старкина Калина Интернешнл

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53929974

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-03724-3

Аннотация

Книга написана в популярном жанре магического реализма. Когда молодая учительница Кристина Серова внезапно стала женой графа, миллиардера Антонио Манрике, она думала не о деньгах, а лишь о любви и семейном счастье. Но светское общество отвергло молодую графиню, а семья мужа объявила новоявленной родственнице настоящую войну. Проблемы сыплются как из рога изобилия, и преследующий Кристину призрак проклятого капитана, зловещего вестника несчастий рода Манрике, – лишь одна из них. Книга о жизни современной Испании, полная ярких деталей, хорошо понятных тем, кто знает Испанию изнутри. Прочитав ее, читатели побывают в этой стране, ступят на залитые солнцем улицы испанских городов и Канарские берега, войдут в дома представителей высшего общества, пересекут моря, заглянут в прошлое и будущее и задумаются: является ли наш мир единственным или же мы существуем во множестве параллельных реальностей и наши лица – лишь маски, а наших любимых мы встречали когда-то прежде в другой жизни.

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. Мезальянс	8
Глава 2. Алоиза	27
Глава 3. Заветная мечта	33
Глава 4. Завещание	49
Глава 5. Письмо.	67
Глава 6. Большие перемены	83
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ЖЕЛЕЗНАЯ КРИС	99
Глава 1. Затонувший корабль	99
Глава 2. Алоиза	118
Глава 3. Черная душа	128
Глава 4. Шипы и розы	145
Глава 5. Алоиза	164
Глава 6. Друзья и враги	170
Глава 7. В одной шлюпке.	190
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ДАНИЭЛЬ	223
Глава 1. Лансароте	223
Глава 2. В Барселоне	239
Глава 3. Первая встреча	255
Глава 4. Словно Дракула	280
Глава 5. Бал-маскарад	297
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ТЕРРАНОВА	318
Глава 1. Окончание строительства	318

Глава 3. Кристиэль	362
Глава 4. Игра.	382
Глава 5. Проклятый капитан	389
Глава 6. Калина Интернешнл	407

Виктория Старкина Калина Интернешнл

Bigger than life

ЧАСТЬ

ПЕРВАЯ

.

КРИСТИНА

Предисловие

Очень часто я получаю вопросы от тех, кто прочитал книгу: читатели спрашивали о ее смысле, и я поняла, что лучше написать несколько пояснительных слов здесь, чтобы дальнейший текст не обманывал ваши ожидания.

Итак:

– в книге нет параллельных миров, других пространств, мистики,

– как нет и тайны, детективной загадки, которую читателям предстоит разгадать. Но есть интересный сюжет, счастливая любовь, современная Золушка, города будущего и очень узнаваемые и атмосферные описания испанских городов (какое-то время я жила в Испании).

Но есть символизм: под "игрой" здесь понимается наша жизнь. Верю в то, что все мы находимся до рождения где-то, но когда приходим в мир – забываем, где мы были прежде, как не помним, зачем пришли сюда. Мы не помним тех, кого знали раньше, и лишь случайно узнаем их лица под новыми масками. И я верю: мы все знаем, что правильно, а что нет, что хорошо, а что плохо – до рождения. Но когда оказываемся здесь, соблазны этого мира обрушиваются на нас и мы забываем том, что знали. От нас требуется так мало – лишь следовать простым правилам и не нарушать простые законы.

И даже этого мы не в состоянии исполнить.

"Калина Интернешнл" книга для тех, кто любит прочитать и подумать над прочитанным, здесь не все так просто. Из серии: "Прочитал, ничего не понял, вернулся назад, разобрался, понял!"

Удачи вам в этом, дорогие читатели!

Глава 1. Мезальянс

Женившись на Кристине Серовой, граф Антонио Манрике де Алькасар де Луа дель Корто-Реал, человек неглупый, почтенный и всеми уважаемый, совершил мезальянс. Этот неожиданный союз буквально взорвал все светские хроники Европы и вызвал настоящий переполох в семье самого графа. Со дня свадьбы прошел почти год, но интерес репортеров, богачей, да и простых испанцев к жизни новоиспеченных супругов не только не утихал, напротив, становился все более неумемным. Газеты и журналы пестрели фотографиями, сделанными на официальных приемах, церемониях и просто на улице, возле дома, в ресторане, на курорте, в церкви, – в общем, везде, где расторопным фотографам удавалось подловить супружескую чету. Вот Кристина в черной шляпе и черном же элегантном платье ведет под уздцы великолепного гнедого скакуна. Вот она стоит в главной зале особняка Манрике, окруженная портретами предков мужа в золоченых тяжелых рамах, и сама она в красивом вечернем наряде со шлейфом, под стать ослепительным гранд-даммам на полотнах. Вот они стоят в обнимку с мужем, голова к голове, на черно-белой фотографии, сделанной в холле роскошного отеля в Марбелье. А вот они пришли на ип-

подром, на концерт, на весенний бал – и всюду вместе, всюду выглядят счастливыми, влюбленными, а Кристина еще и чуть лукавой, беззаботной, юной и восторженной. В год свадьбы в ней было столько жизни и веселья, сколько не было никогда прежде, и не будет после. Ведь этот год был особенным для нее. Поэтому столь сильное любопытство вызывал не почтенный супруг, а именно молодая графиня, чей стремительный взлет потряс публику не меньше, чем вероятно некогда в сказочном королевстве впечатлила подданных история женитьбы принца на бедной сироте Золушке. Но для того, чтобы было ясно, в чем именно состоял мезальянс – позвольте рассказать, кем был Антонио Манрике де Алькасар и кем была его молодая супруга.

Антонио Манрике де Алькасар де Луа дель Корто-Реал, испанский гранд, наследник древнейшей фамилии, аристократ, в чьих жилах текла кровь королей Наварры, был мужчиной весьма солидного возраста: в сентябре ему минуло пятьдесят семь. Невысокий, с посеребренными сединой некогда черными как смоль, волосами, широкими бровями, высоким лбом и орлиным носом, он мог быть, если представить его в латах, конкистадором с древней гравюры, Эрнандо Кортесом, завоевателем Мексики. Спокойный, рассудительный, прекрасно образованный, с тихим голосом, но отчетливой речью, он разительно отличался от своих шумных и темпераментных соотечественников. Любил рассуждать о политике и истории, о социальных проблемах и экономическом

кризисе, отличался здравомыслием и железной логикой во всем, что касалось как обычной жизни, так и работы, которой он уделял неизменно много времени.

Кроме того Антонио Манрике был богат. Семейное достояние, идущее еще с феодальных времен, полученное в качестве вознаграждения за участие в военных походах и морских завоеваниях, его семья многократно преумножила, значительно преуспев в бизнесе. Его дед, Эухенио Манрике, основал несколько химических предприятий, которые использовали новые в те времена технологии, а после обзавелся сельскохозяйственными угодьями и месторождениями цинка и свинца в Андалусии. Собственно, в основном именно цинку и свинцу, а также производству бытовой химии, семья Манрике и была обязана своим теперешним грандиозным состоянием. После смерти первой жены, страдавшей тяжелой формой лейкоза, граф долго оставался одним из самых желанных холостяков страны, после наследного принца Астурийского, разумеется. Кстати, даже их свадебные церемонии состоялись почти одновременно – Антонио пришлось перенести свадьбу на сентябрь, чтобы уступить пальму первенства будущему королю. И едва отшумели сплетни, порожденные королевским бракосочетанием – ведь невеста принца, донья Летисия Ортис, не была особой королевских кровей и их историю восприняли, как некое новое явление демократии, но одновременно, и как дань романтической влюбленности, – и тут граф Манрике подкинул новый

повод для кухонных обсуждений, да еще какой!

Графиня Роза, его первая супруга, умерла, не оставив Антонио детей, и потому многочисленные родственники нередко призывали холостяка повторно связать себя узами брака и родить, наконец, наследников. Но даже чадолюбивые старушки Манрике де Альксар, вытиравшие в присутствии Антонио крокодильи слезы и жалевшие несчастного бездетного вдовца, не могли ни предположить, ни пожелать того, что случилось в итоге.

Кристине Серовой едва исполнилось двадцать три, и она была более чем на четверть века младше своего супруга. Девушка родилась в Саратове, в семье строителя и учительницы, а когда ей минуло двенадцать, родители перебрались в Испанию. Сначала отец уехал по рабочему контракту, семья последовала за ним. Планировали через два-три года возвратиться в родное Поволжье, а потом привыкли, выучили язык. Кристина к тому времени уже училась в испанской школе, но продолжала дома с матерью заниматься по российской программе: мать была недовольна уровнем образования в школах Барселоны. Через несколько лет девушка, прекрасно сдав экзамены, поступила в университет, а после выпуска снова отправилась в школу. На этот раз в качестве учителя математики. Скромная учительница-эмигрантка, сутулившаяся, краснеющая и заикающаяся каждый раз, когда ей предстояло заговорить даже со старшими коллегами, живущая с матерью и отцом в крошечной квартирке на окраине

города, там, где селились бедняки, как, чем могла она заинтересовать столь завидного жениха? Разве что, своей молодостью?

Отчасти это так и было. Антонио привлекла удивительная звонкая юность девушки, а еще ее стройная фигурка, огромные синие глаза, необыкновенная лучистая улыбка – Кристина улыбалась редко, но когда улыбалась, казалось, что из-за туч выглядывало жаркое южное солнце, – и конечно, ее волосы – длинные, темно-рыжие. Волосы Кристины были весьма необычны: чаще всего обладатели огненной шевелюры отличаются еще и курчавостью, их волосы легкие, шелковистые и закручиваются в спиральки и локоны, что генетически обусловлено строением волосяной луковицы. Однако у Кристины волосы были тяжелыми и плотными, как у азиатских девушек, но, тем не менее, обладали удивительно редким оттенком, – так вспыхивает медь, когда на нее падают лучи света.

Что могли подумать люди, увидевшие фото молодоженов Манрике де Алькасар в журналах и выпусках светской хроники? Что думали родственники Антонио, и особенно его воинствующая тетка, донья Лурдес, возненавидевшая Кристину с первой секунды? Разумеется, ситуация была ясна им – как на ладони. Есть мужчина. Уже немолодой, но мечтающий вернуть свою юность или хотя бы отсрочить старость, стремящийся найти что-то, что дало бы новый импульс угасающей страстности его натуры, богатый и уверенный в се-

бе. И есть девушка – юная и привлекательная, честолюбивая, мечтающая о красивой жизни. О принце и стремительном взлете Золушки. Они встретились в самый неподходящий момент, когда бес ловко ткнул графа кулачком в ребро, а Кристина, измученная трудностями эмигрантской жизни, решила продать свою молодость, обменяв ее на звонкую монету и возможность войти в высшее общество, обретя заманчивый титул графини. И потому, если донью Летисию в Испании приняли на ура в качестве прекрасной принцессы и королевы, то Кристину Серову восприняли «в штыки», она не вызывала ни симпатии, ни восхищения, только всеобщий интерес, да сквозившую в неприязненных колких взглядах зависть, ведь общество не любит корыстных, лицемерных и лживых. Этому немало способствовали и высказывания самого семейства Манрике, оказавшегося неготовым принять Кристину с распростертыми объятиями.

Таким было всеобщее мнение, и оно было столь логичным, столь вписывающимся в наше представление о мире, что его мгновенно подхватили и растиражировали журналисты, передавали из уст в уста на светских раутах, и никто ни разу не поставил под сомнение его истинность. Этого не требовалось: не было ничего, что заставило бы задуматься о возможности иного толкования событий, а значит – история получилась гладкой и четкой, – не придерешься.

И, тем не менее, от первого и до последнего слова, это представление было ошибочным. Сколько выводов сделано

на таких идеально-логичных построениях, сколько огульных приговоров вынесено, сколько навешено ярлыков! В действительности же все было куда проще. Антонио Манрике, и правда, был очарован юностью и красотой девушки, однако не эта причина заставила его надеть на тоненький пальчик Кристины заветное золотое кольцо. О том, какой же была истинная причина, побудившая его вновь полюбить, еще не раз будет сказано на страницах этого повествования.

Что же касается самой Кристины, то она, случайно столкнувшись с графом Манрике на музыкальном фестивале, куда пришла с подругами, сначала была удивлена его вниманием и необычной аристократической манерой держаться. Ей казалось забавным, даже нелепым, что этот солидный мужчина заинтересовался ею, что разговаривает с ней, молоденькой девчонкой, на равных, а когда смотрит на нее, в его в глазах вспыхивает что-то похожее на восхищение и нежность, как если бы перед ним стояла его внезапно повзрослевшая дочь. После, узнав графа ближе, Кристина оценила благородство его натуры, помыслов и устремлений, широкий кругозор, заботу и доброе отношение. А через некоторое время и вовсе поняла, что не представляет жизни без этого уже немолодого мужчины и полюбила его так искренне и глубоко, как способно любить только очень юное сердце, не ведающее пока иных страстей и желаний. Антонио Манрике стал ее первой любовью и, как надеялась сама Кристина, последней.

Дальше последовало обручение, знакомство с семьей,

злые взгляды доньи Лурдес и синьоры Вельды, матери Антонио, – отец его умер много лет назад, а многочисленные кузены и кузины, мечтавшие поближе подобраться к состоянию графа, никак не могли входить в число поклонников Кристины. Девушка прекрасно понимала, что союзников в семье Марнике де Алькасар у нее нет.

Разве что Джайса. Джайса Альварес де Корте-Реал. Дочь доньи Лурдес. Она была непохожа на всех остальных. Джайса появлялась в особняке Манрике нечасто. Она жила в просторной квартире в центре Барселоны, кроме того много путешествовала и вела очень активную жизнь, пожалуй, даже слишком, поэтому времени на близкое знакомство с новой родственницей у нее обычно не хватало.

И вот как раз сейчас, повернув за угол в бесконечном коридоре дома Манрике, Кристина увидела Джайсу, которая наконец-то остановилась у них погостить. Всего на пару дней, не больше, и скорее всего руководствовалась не желанием увидеть родственников, а каким-то своим личным, только ей известным интересом. В белом воздушном платье она сидела на подоконнике, элегантно вытянув длинную ногу. Девушка была младше ее на два года, кроме того, она была удивительно хороша собой – зеленоглазая блондинка, что редкость для Испании, с гладкой алебастровой кожей, удивительными пропорциями, миниатюрной хрупкостью и грацией достойной балерины лучшего театра. Неудивительно, что уже несколько лет она считалась одной из самых перспектив-

ных фотомоделей Европы. Если уж откровенно, Джайса давно сделала бы успешную карьеру и украсила собой обложки модных журналов по всему миру, но негативное мнение матери о модельном бизнесе, как о занятии недостойном аристократки, останавливало девушку. Донья Лурдес обладала авторитарным характером и действовала на любого собеседника, словно удав на кролика. А уж Кристина и вовсе лишалась дара речи, стоило ей лишь только увидеть, пусть изда-лека, тетку своего мужа.

– Привет, – Джайса помахала ей рукой. – Иди сюда!

– Привет, – Кристина осторожно приблизилась и улыбнулась. – Почему ты сидишь на подоконнике?

– А что нельзя? Ты мне запретишь? – Джайса лукаво взглянула на нее своими огромными зелеными глазами, обрамленными густыми ресницами, искусственными, разумеется. – Ты ведь теперь хозяйка в этом доме!

– Да брось, какая из меня хозяйка! – Кристина махнула рукой и покраснела, – Конечно, сиди, где угодно. Просто, мне показалось это немного странным. Обычно тут никто не сидит.

– Я люблю сидеть на подоконнике. Но ты права. Я странная. Так считают все.

Кристина промолчала, она не знала, что следует ответить, услышав подобное признание, тем более, что кузина ее мужа и правда была несколько своеобразной и отличалась в высшей степени эксцентричным поведением, а Джайса вдруг

вскинула на нее свои веселые зеленые глаза, всегда сияющие восторгом, и произнесла:

– Знаешь, я подумала, что мы могли бы с тобой стать подругами! Смотри, – она принялась загибать изящные тонкие пальцы, унизанные тяжелыми кольцами, – Мы примерно одного возраста. Это раз. Нам всегда есть о чем поговорить. Это два. Ты – единственная, кто поддержал мое желание быть моделью. А я – ваш брак с Антонио. Это три. Кроме того, мы обе – жертвы общественного мнения. Меня все считают дурочкой, а тебя – хитрой стервой. Это четыре. Разве не повод стать подругами?

– Во-первых, я не считаю тебя дурочкой, – протестующее начала Кристина, но Джайса перебила ее.

– Брось! Ты первая же и должна считать! Ты умнее их всех вместе взятых. Умнее всех в этом доме! Ты же преподавала математику, а я даже в младших классах не могла решить ни одной задачки! Да что там, сама знаю, что я, и правда, дурочка. Ну и что в этом такого? Всем что ли быть умными! Зато я красавица. К тому же, я ведь тоже не считаю тебя хитрой стервой. Ну, если только немного хитроватой... и стервоватой...

– Но... я вовсе не хитровата. И совсем не стерва, – растерянно покачала головой Кристина.

– Ты просто пока себя не знаешь! Ну! – Джайса протянула ей руку. – Так что насчет дружбы?

Кристина улыбнулась и сжала протянутую руку девушки.

Ей так нужна была подруга, хоть один человек, кому можно если не довериться, то хотя бы перекинуться словом в этом доме! Она бы мечтала перевезти сюда маму, но той будет слишком тяжело в этой атмосфере всеобщей ненависти, где воздух словно пропитан ядом... она сама не осталась бы здесь ни одного дня, если бы ни муж!

Кристина вздохнула.

– Ладно, Антонио вернулся, ждет меня в комнате. Уже поздно. Я пойду.

– Отличного вечера, – с готовностью кивнула Джайса. Когда та уже скрылась за поворотом, она снова окликнула, – Кристина! Эй!

Кристина вернулась и высунулась из-за угла.

– Отвечая на твой вопрос – почему я сижу на подоконнике. Потому что жду Франси. Он сегодня должен петь серенаду. Он немного провинился, приударил за Марией Конте. Не знаю, как далеко у них зашло. Но теперь посылает мне цветы, поет серенады и приглашает на романтические свидания. Потом идем ужинать!

– Надеюсь, серенада и ужин понравятся тебе! – Кристина подмигнула новой подруге. – Спокойной ночи.

– Спокойной ночи! – безмятежно откликнулась Джайса, грациозно повернулась и принялась вглядываться в темноту ночи, благоухающей пьянящим ароматом цветущих апельсиновых деревьев, в надежде разглядеть силуэт своего поклонника. Франси, сын богатого бизнесмена, владельца сети

модных домов не так уж сильно интересовал ее, но Джайса относилась к своим многочисленным поклонникам с болезненностью коллекционера и не согласилась бы отпустить ни одного. Ведь у нее было много свободного времени и совсем никаких целей, поэтому коллекционирование влюбленных мужчин и их подарков отлично заполняло пустоту в жизни богатой красавицы.

Разве такой была жизнь эмигрантов, тех, кто переехал в Европу, пытаясь сбежать от бедности и безысходности, надеясь обрести лучшую жизнь! Надежды сбылись не у всех, мало кто сумел найти себя в новой среде: хорошенькие женщины подыскивали немолодых, неприметных мужей, лишь бы удержаться в стране, лишь бы получить заветное гражданство. Кто-то так и не справился с изучением языка и был вынужден трудиться на самых тяжелых работах: на стройках, в рыбных магазинах, стоя по колено в отрезанных хвостах и чешуе с раннего утра до поздней ночи, на апельсиновых и миндальных плантациях, на винодельнях и маслодельнях. Уборка чужих домов уже считалась престижной работой среди эмигрантов, потому что требовала хотя бы примитивного знания испанского, и довольно скоро такой работой смогла похвастаться Татьяна Серова, мать Кристины. Она убирала по два-три дома в день, что позволяло хоть немного сводить концы с концами, в то время как отец почти сутками трудился на стройках.

Они ютились в крошечной квартирке-студии, Кристи-

на спала на балконе, куда ей установили кровать, а через несколько лет, когда девочка подросла, отец смастерил загородку между балконом и остальной комнатой, подарив таким образом дочери намек на уединенность. Однако ее письменный стол стоял в общей комнате, поэтому Кристина всегда очень торопилась закончить уроки побыстрее, до прихода родителей, что делало почти невозможными для нее игры с другими детьми, если только в школе и в выходные.

Семье Серовых еще повезло: у них была всего одна дочь. Но многочисленные соседи: русские, украинцы, молдаване и румыны, те, у кого было двое, трое детей, жили в сходных условиях, спали в одной комнате, делали уроки по очереди, ведь стол бы один, и старались проводить как можно меньше времени дома – просто потому что не помещались там.

А совсем рядом находились апартаменты, где жили беженцы из африканских стран, пакистанцы, арабы и многочисленные марокканцы. Их квартиры отличались шумностью, большим количеством проживающих, громкими играми детей, а еще горами мусора, которые не успевали выметать уборщики, раз в неделю избавлявшие квартал от накопившейся грязи и отходов. Многие к тому же держали домашних животных, с ними гуляли здесь же, во дворах и на улицах, – до ближайших парков было далеко, – поэтому ходить по мостовым требовалось осторожно, чтобы не угодить ногой в нечистоты.

Кристина с детства приучила себя к осторожности и не

только там, где требовалось смотреть под ноги, но и там, где требовалось смотреть вокруг. Она сторонилась марокканских подростков, с явным недобрым интересом поглядывающих на белокожую рыжеволосую девочку, приучила себя возвращаться домой засветло, избегала пустырей и темных проулков, где водили дружбу эти компании, опускала глаза, когда случалось пройти мимо, старалась не носить открытую одежду. Эту привычку носить строгую, закрытую одежду она сохранила на всю жизнь, тем более удивительно, что в таком образе, приставшем скорее выпускнице монастырской школы, а не юной красавице, девушка привлекла внимание графа. Видимо, он был уже в том возрасте, когда можешь видеть не только сквозь одежду, но и сквозь кожу, сквозь ткани тела, проникая взглядом в те сокровенные уголки, где прячется от посторонних пугливая субстанция, именуемая душой.

Со временем подростки привыкли к Кристине, не трогали ее, зная, что она – соседка, принадлежит к тому же миру, миру отверженных бедняков, которым непросто устроиться на чужбине. Несколько раз она отклонила приглашения на вечеринки и дискотеки, после чего марокканцы прониклись к ней уважением и перестали обращать внимание, переключившись на более открытых к общению девушек, в основном румынок, подрабатывающих по вечерам в барах, стриптиз-клубах, а зачастую и просто стоящих на улице, в ожидании очередного клиента.

Когда Кристина поступила в университет, она пересели-

лась в небольшую комнатку в кампусе, которую делила с двумя другими девушками, а после, уже устроившись в школу, сняла скромную студию в том же доме, где жили родители, просто чтобы чувствовать себя чуть более свободно и не мешать отцу с матерью жить своей жизнью. Кроме того, ей нужно было пространство, чтобы разложить книги и учебники, чтобы, сидя вечерами, проверять работы своих учеников, а также тишина, чтобы продумывать учебный план, разрабатывать программу, ей так хотелось объяснить ученикам, что математика – не просто скучная и трудная наука, не просто игра с цифрами, последовательность бессмысленных значков, но некое сочетание формул, позволяющих понять и описать законы, по которым устроена Вселенная. В мире нет ничего, что нельзя передать числом. Все, что познается – имеет число, так говорил еще Пифагор. Нет формы, которую нельзя объяснить геометрией, нет гармонии, которую нельзя свести к золотому сечению, нет события, под которое нельзя подвести теорию вероятности, нет истории, которую нельзя измерить статистикой. Все они – грани алмаза, именуемого математикой, и именно это хотела рассказать Кристина своим ученикам.

– Учитесь хорошо, – говорила она. – Не потому, что это позволит вам поступить в университет и сделать карьеру. Я знаю тех, кто сделал отличную карьеру, но учился пре-скверно. Не потому, что хорошие оценки в школе дадут вам шанс заработать много денег – нет, совершенно необязатель-

но. Многие миллионеры не заканчивали школ. Не для того, чтобы стать великими учеными или деятелями культуры, ведь, как мы знаем, даже Эйнштейн был изгнан из школы. Не для того, чтобы заполнить голову знаниями, которые никогда вам не пригодятся. Не для того, чтобы воспитать хороших детей – потому что часто из хорошо воспитанных детей получаются мерзавцы и преступники. Учитесь, потому что учеба позволяет сформировать внутри каждого человека стержень, каркас, поддерживающий его на плаву. Этот стержень не поможет вам стать богатыми или знаменитыми. Но поможет выдержать, если вдруг, волею случая, вы потеряете богатство и славу. Поможет не заблудиться и не потеряться в жизни. С ним вы не обязательно достигнете вершины, но уж точно – не пропадете. Вы сможете выдержать и пройти свой путь до конца, любой путь, какой будет вам уготован, даже самый сложный из всех. Учитесь хорошо ради этого.

Кристина немного успела вложить в головы своих учеников. Она не отработала и года, когда Луиса, одна из тех девушек, с которой они жили в кампусе, уговорила ее в период летних каникул отправиться на музыкальный фестиваль, проходивший в Жироне, неподалеку от Барселоны. Кристина, вопреки обыкновению, согласилась. В основном потому что любила музыку и соскучилась по своей подруге – девушки давно не виделись. Именно на этом фестивале, согретом лучами заходящего летнего солнца, по-особенному освещавшему волосы Кристины, она и познакоми-

лась с Антонио. Случайно оказавшийся на фестивале граф, привезенный сюда друзьями-меломанами, скучал, оглядывался по сторонам, а потом взгляд его задержался на огненных вспышках, появлявшихся на прикрытых шляпкой волосах незнакомой девушки, едва только на них падали солнечные лучи. Эти вспышки почему-то попадали в такт музыке, вероятно, потому что девушка ритмично пританцовывала, но Антонио это позабавило, казалось, что волосы, подобно странному дополнительному эффекту, вносили свой вклад в световую симфонию фестиваля. Почувствовав его взгляд, девушка обернулась, их глаза впервые встретились, она смутилась и отвернулась. А граф Манрике вздрогнул от неожиданности. Эта девушка ничем не напоминала Розу, его первую жену, но почему-то он увидел между ними странное, несуществующее сходство, и уже тогда знал, что попробует хотя бы заговорить с незнакомкой.

Так, довольно скоро, Кристина стала графиней, оставила школу и поселилась в том особняке, где только что болтала с сидевшей на подоконнике Джайсой и который теперь стал ее новым домом, пусть лишенным уюта и теплоты.

Войдя в свою комнату, Кристина застала мужа уже в пижаме – он вышел из ванной с полотенцем на шее, потом небрежно бросил его на подголовник кровати, присел на край и посмотрел на жену.

– Ты выглядишь уставшим, – с беспокойством сказала она, подошла ближе и положила руки ему на плечи. – Все в

порядке?

– День был тяжелым, – он поднял к ней лицо и ласково улыбнулся. – Я действительно немного устал.

Кристина поцеловала мужа в лоб, он крепко сжал ее талию, потом она осторожно освободилась, направилась в ванную, приняла душ и вышла, одетая в длинную тонкую ночную сорочку, заплетя волосы в перекинутую через плечо растрепанную косу. Антонио к тому времени уже погасил свет, оставив включенным лишь прикроватный ночник, он не любил спать в полной темноте, и Кристине пришлось к этому привыкнуть.

– Я боюсь, – сказала она мужу, опускаясь на кровать.

– Чего? Игры?

Кристина молча кивнула, откинула одеяло и вытянулась на белой шелковистой простыне. Антонио положил руку ей под голову и повернул к себе.

– Не бойся. Помни, это всего лишь игра. Выиграть в ней нельзя, понять ее тоже. Просто сразу прими это.

– Зачем же вы играете, если нельзя выиграть?

– Так заведено много лет. Не только в моей семье. Все так называемое высшее общество играет в эту игру. Знаешь, вроде как раньше были масоны, «посвященные». Они плели заговоры и творили интриги. Говорят, проводили ритуалы и колдовали. А теперь – мы просто играем. Отнесись к этому как к походу в простое казино или в зал игровых автоматов. У тебя будет возможность получить денежный приз.

– И все-таки... В ней же есть правила. Логика. Я бы хотела ее просчитать... – задумчиво сказала девушка.

– Ты – математик, но не все в жизни поддается расчетам, да-да, знаю, мы уже не раз спорили на эту тему! Ты большая спорщица, дорогая, знал бы – не женился на тебе! – рассмеялся Антонио и ласково погладил жену по рыжим волосам. – Хотя... бывает, я тоже надеюсь, что однажды придет день, и я пойму, кто есть кто. Кто скрывается под маской. Чего они хотят. И в чем же все-таки смысл этой проклятой игры! Мы будем в масках, я же говорил тебе? Всех этих людей, – ну не всех, но абсолютное большинство, – мы встречали в реальной жизни, а многих знаем и весьма хорошо. Их невозможно узнать... Это невероятно, удивительно, потрясающе! Они совсем другие там... Как будем другими и мы. Не волнуйся, моя девочка, верь, у тебя все получится!

– И все-таки, я думаю, можно найти логику и просчитать ходы... – начала было Кристина задумчиво, но не договорила, потому что муж крепко обнял ее и закрыл ей рот поцелуем.

Глава 2. Алоиза

Алоиза вошла в зал под руку с Рони. На ней было длинное ярко-синее платье с глубоким декольте, темные волосы сколоты шпильками, на лице – серебряная маска. Рони был в шелковом плаще, скрывавшем его фигуру целиком, лишь изредка проглядывала белоснежная рубашка. На лице – точно такая же серебряная маска, чтобы всем было ясно – они пришли сюда вместе.

Актриса и художница, авантюристка и искательница приключений, Алоиза рассчитывала выиграть, если не сегодня, то однажды. Но она совершенно не знала правил, для нее игра только началась. В то время как ее спутник был уже опытным игроком и еле слышно рассказывал ей правила, она кивала, силясь запомнить.

Медленно протянула затянутую в белую кружевную перчатку руку и взяла бокал с шампанским, почувствовав его ледяной холод, сделала глоток и зажмурилась от удовольствия – все равно под маской никто не видит глаз! Рони повторил ее жест: подхватил бокал и быстро осушил его. Кивнул какому-то господину, прошептав ей на ухо – это барон фон Рейзен, австриец. Богач, владеет несколькими пивоваренными заводами. А пиво в Австрии – что вино в Испании, золотое дно!

– Да уж, – усмехнулась Алоиза. – Так и есть. Ты как всегда

говоришь верно!

Они приблизились к большому зеленому столу, точно как для игры в покер, только чуть больше и шире, Рони отодвинул стул для своей прекрасной спутницы, пропуская ее вперед.

– Рони, что это за чудесное видение с тобой? – поинтересовался кто-то.

– Алоиза. Моя... Я являюсь опекуном этой девушки. Она сирота, лишилась родителей, когда была еще совсем малюточной.

– Ах, опекун... – насмешливо протянул кто-то. Алоизе не понравился его тон, он словно цинично намекал на какие-то непозволительные отношения между опекуном и его подопечной, и девушка бросила на говорившего гневный взгляд из-под маски. Он показался ей невысоким, плотным рыжеволосым мужчиной со щетиной на лице, однако определить его возраст было невозможно.

– Это – Микеле, итальянский скрипач, говорят, гениален, второй Паганини, – шепнул на ухо Рони.

– Скрипач? – Алоиза поморщилась. – А по виду не скажешь... смахивает на Мефистофеля. Впрочем, про Паганини тоже говорили, что характером он – сам Сатана.

– Это верно и про Микеле, – хихикнул Рони. – Точно, Сатана!

Чуть погодя, Рони представил Алоизе семью Бланкесов, известных бизнесменов из Ла-Коруньи, а после и некоего То-

маса Ф. – голливудского актера, пребывающего здесь инкогнито. Тот был высоким, стройным, но, пожалуй, слишком худым и субтильным, чтобы показаться привлекательным, зато отличался истинно голливудской искусственной улыбкой, и Алоиза постаралась запомнить ее. Она пыталась запомнить характерную черту каждого, в надежде, что это поможет в игре, но совершенно не представляла, что их ждет.

Еще примерно минут пятнадцать они поддерживали бес-содержательную светскую беседу, как вдруг свет стал неярким, теплым, послышались тихие звуки чарующей музыки. Даже скрипач Микеле признавал, что никогда бы не смог не только исполнить, но и просто услышать внутри себя столь совершенную мелодию. Голоса смолкли. А потом, будто по волшебству, прямо из воздуха появилась колода карт, которую бесстрастно раздавала рука крупье.

– Что это? Как такое возможно?! – изумленно прошептала Алоиза, склонившись к уху своего опекуна.

– Невидимая рука Адама Смита, – со смешком ответил он. – Знаешь, как в экономике, рука, которая управляет свободным рынком? В колледже я всегда думал «как это, невидимая рука?» Не думал, что доведется дожить до этого!

– Но карты появляются сами собой... из воздуха...

– Поверь, это не самое удивительное в игре, – голос Рони стал серьезным. – Скоро ты и думать забудешь про невидимого крупье!

Они сыграли партию, девушке даже удалось сделать

несколько ходов, но она так и не поняла, были ли они успешными или неудачными. Крупье снова скинул карты, Томас Ф., перевернув свои, выругался по-английски, донья Бланкес приглушенно рассмеялась, остальные казались сосредоточенными и задумчивыми. И только Алоиза отчетливо понимала, что она совершенно ничего не понимает: правила оставались для нее недоступными, она играла вслепую, просто бросала карту за картой, если нарушала, невидимая рука возвращала ей карту обратно, пока, наконец, колода не закончилась. Крупье объявил последнюю раздачу.

– Ставок больше нет, – произнес его бесстрастный лишенный всего человеческого голос с нотками хрусталя и металла одновременно.

– Кажется, сегодня без эксцессов, – дружелюбно заметил фон Рейзен.

– Сплюньте! – перебил голливудский актер. – Здесь никогда не знаешь, когда что-то случится, а вам лишь бы сгладить!

– Я не глазлив, – тут же возразил барон, – Напротив, приношу удачу. И вот вам – туз в доказательство.

– Неплохо, – уважительно заметил Микеле, сбросив двух королей. Алоиза тоже бросила короля, Микеле как-то неодобрительно взглянул на нее, и даже сквозь маску девушка поняла, что чем-то вызвала его неприязнь. Возможно, он просто недолюбливает женщин?

Игра продолжалась в молчании, они сбрасывали карту за

картой, некоторые крупье возвращал назад – очевидно не только ошибки, но и шулерство здесь не поощрялось. А потом с картой в руке остался лишь Рони.

– Ну вот, началось, – Томас Ф. вытер взмокший от напряжения лоб. – Как раз то, о чем я предупреждал!

– Да будет вам каркать-то! – возмутился Микеле. – Подумаешь, последняя карта! С кем ни бывало, в каждой игре кто-то остается последним, и что с того?

– Ну же! – взволнованно прошептала донья Бланкес, – Переверните, посмотрим скорее, что там!

– Возможно, все не так уж плохо, друг мой, – снова весьма дружелюбно произнес фон Рейзен. – Доверьтесь Фортуне! Она капризна, но не глупа! Даже если проиграете – какая разница, вы ведь сказочно богаты!

Рони пожал плечами, помедлил, а потом перевернул карту. На его ладони лежал черный джокер – это была сильнейшая карта в колоде. Но Рони непроизвольно вздрогнул, потому что вместо лица джокера на него смотрел белеющий на темном фоне череп с пустыми глазницами и шутовским колпаком на полированной голове.

Остальные пожалы плечами и опустили глаза. Повисла какая-то напряженная, зловещая тишина.

– Зато, кажется, партия осталась за мной, я выиграл, – заметил Рони, и его всегда уверенный голос дрогнул.

Когда игра была окончена, зажегся полный свет, музыка стихла, и гости медленно потянулись к выходу. Алоиза по-

ложила ладонь на рукав опекуна и взволнованно спросила:

– Что она значит? Эта карта? Ты же выиграл, да?

Рони неопределенно пожал плечами.

– Да кто ж его разберет, – ответил он. – Не знаю. Просто этот череп показался мне жутковатым и даже каким-то зловещим в первую секунду. Признаюсь, душа ушла в пятки. Но, пустяки, это всего лишь джокер! А джокер – есть джокер, дорогая. Мы получили кучу денег! И вполне можем отпраздновать сегодня кутить!

– Кутить – отличная мысль! – радостно улыбнулась девушка, которой не терпелось сорвать с лица опостылевшую тесную маску. – Скорее, скорее, идем кутить!

Они вышли на улицу, вдохнули свежий слегка прохладный воздух и пошли пешком в сторону парка, не сговариваясь, потому что решили просто прогуляться в тишине, остыть, успокоиться, избавиться от влияния адреналина, вновь обрести ровное дыхание и холодную голову, прежде чем окунуться в веселую атмосферу ночных заведений, которыми так знаменита Барселона.

Глава 3. Заветная мечта

На улицы Барселоны опустилась летняя ночь. В небе сияла полная луна, по диску которой, словно летящие на метле ведьмы, пробегали черные облачка. Уже было поздно. Настолько поздно, что под окнами стихли звуки музыки, характерные гитарные переливы, веселые выкрики, топот детских ножек и автомобильные гудки.

Уже покинули прибрежные рестораны толпы туристов, и там, где еще недавно белоснежной пеной кавы наполнялись хрупкие бокалы, а шустрые официанты разносили подносы с тапас и тортильей, метали на столы блюда с тонко нарезанным хамоном и овечьим сыром, где стучали каблучки танцовщиц и слышались глухие удары кастаньет, где раздавались громкие выкрики веселых посетителей и звон посуды, наступила тишина. Окутала она и дом Манрике де Алькасар, который погрузился в спокойный и беззаботный сон. Прислуга разошлась по своим комнатам, нигде не раздавалось ни звука, не хлопали двери, не скрипели ступеньки.

Летняя ночь в Барселоне! Что может быть прекраснее, пленительнее, загадочнее! Огни танцующих фонтанов, шумные стайки молодежи, веселые компании туристов, щелкающих фотоаппаратами, вечно спешащих, но застывающих, словно изваяния, стоит лишь им увидеть восхитительные каменные кружева Саграда Фамилии. Готические шпили, по-

грузившиеся в сон грифоны и горгульи, покачивающиеся в порту белоснежные мачты парусных яхт, черные неутомимые волны моря, беспрестанно набегающие на берег. Смеющиеся сеньориты и полные достоинства кабальеро, каждый из которых, даже если сейчас он просто лавочник или бармен в заведении за углом, прекрасно помнит, что в его жилах течет кровь благородных идалго, – потому что в этой стране просто нет ни одного человека, в ком не текла бы кровь благородных идалго. И все же, Барселона – это не Испания, здесь у подножья Пиренейских гор, на границе с Францией, еще живет каталанский дух, дух свободы. Здесь живы обычаи, традиции, язык древнего народа, который продолжает неутомимо бороться за независимость, мечтая законсервировать, сохранить, удержать полученное от предков, оградиться от вездесущей глобализации, от «кипящего котла», где плавятся сотни цивилизаций, смешивая народы и нации в единую расу, не помнящую истории, забывшую о прошлом, поглощенную прогрессом, заигрывающую с неизвестным будущим. Но сейчас все они, сторонники и противники глобализации, памятуя о том, что завтра – понедельник, погрузились в сон.

И только в своей комнате Кристина и Антонио, вернувшиеся после игры, никак не могли уснуть, столь сильное волнение охватило обоих: опасения, смешанные с восторгом и легким чувством удовлетворения, что партия осталась позади и окончилась без потерь. Кристина уже успела поделиться

с мужем своими впечатлениями по дороге домой, она была удивлена, возможно, даже восхищена, очарована и смущена таинственной неясностью происходящего в игровом зале. Она пыталась, но не сумела не только понять суть игры, но даже сколько-нибудь запомнить правила, узнать, хотя бы совсем поверхностно, ту логику, которой подчинялось действие. Нет, все стало еще более таинственным, чем прежде: незнакомые люди, непонятные карты, странный невидимый крупье, тихая музыка и неяркий свет, высокие ставки и ходы, сделанные наугад, непредсказуемые выигрыши и потери. Кто и когда сможет объяснить ей все это? Антонио, похоже, сам не очень-то разобрался в устройстве странной игры. А главное, зачем же все это нужно? Для чего? Просто, чтобы убить время?

– Ну что, – тихо спросила Кристина, – тебе удалось хотя бы немного приблизиться к разгадке? Ты узнал кого-нибудь? Или что-нибудь?

Антонио помолчал, потом отрицательно мотнул головой и улыбнулся в темноту.

– В какой-то момент мне показалось, что истина где-то рядом. Мысль мелькнула, словно искра, – и исчезла, погасла. Возможно, сейчас я засну – и мне удастся понять... А потом проснусь – и забуду свой сон, как было уже сотни раз...

– Будет славно, если удастся понять до утра, – подхватила Кристина. – Насколько я помню, у тебя завтра важная встреча с инвесторами. От которой многое зависит.

– Да, – Антонио вздохнул. – Я о ней и не забывал. В последнее время спрос на руду и прочие минералы стремительно падает. Мои директора начинают задумываться о том, чтобы менять сферу деятельности. К тому же наши запасы почти истощились, скоро продавать будет нечего.

– И что они предлагают?

– Они хотят податься в новые технологии, как и все сейчас. Связь, коммуникации, компьютеры. Говорят, за этим будущее, в этих отраслях ожидаются сверхприбыли. Хотя, мне милее традиционные производства, я же стар, ты знаешь!

– Прекрати! Ты совсем не старый, не наговаривай на себя! Но... знаешь, Испания не так уж сильна в сверхновых технологиях, – в голосе молодой жены графа послышались нотки сомнения. – Вряд ли из этого планов что-то выйдет.

– Вот и я о том же, – подтвердил он.

Кристина приподнялась на локте, откинула упавшую на лицо рыжую прядь, а потом с интересом взглянув на мужа, спросила:

– Милый, а ты никогда не думал о судоходстве? Я вот тут размышляла об этом на досуге... Ведь мы живем у моря, в городе есть крупный порт... Это могло бы стать прибыльным занятием. Помнится, некогда ваша семья именно так и приобрела славу...

– Нет, – Антонио безнадежно махнул рукой. – Об этом не стоит и думать! В море нам не везет. Мой дед в войну столк-

нулся с английскими кораблями и те потопили весь наш торговый флот вместе с поистине бесценным грузом. До этого еще мой прадед попытался восстановить традицию, но его единственный корабль утонул в шторм. Нам не стоит связываться с морем.

– Это из-за Проклятого капитана? – на губах Кристины мелькнула улыбка. – Ты веришь в него?

– Ну, а как не верить! Это часть семейной истории. Рад бы не верить, да не могу!

– Расскажи мне о нем, – попросила девушка. – Ну, пожалуйста! А то я все время слышу лишь какие-то отрывки, искажающие истинную картину.

Она, не дожидаясь его согласия, легла поудобнее на подушку и приготовилась слушать. Графа всегда восхищала эта ее восторженная, почти детская любознательность. И Антонио Манрике с готовностью пустился в повествование, забыв о предстоящей встрече с инвесторами.

Он рассказал своей жене о доне Августине Хулиане Манрике, одном из основателей древней фамилии. Дон Августин родился красивым мальчиком, а со временем стал подающим надежды молодым дворянином. Отец ждал для сына блестящей военной или государственной карьеры, но дон Августин бредил морем. Он слышал, как оно шумит в голове, волны стояли перед глазами, а горизонт манил с невероятной силой. И Августин решил не противиться судьбе. Он стал офицером королевского флота, одним из тех, кто отпра-

вился отстаивать интересы Испании в Новом свете. На молодого офицера, отличавшегося бесстрашием и необычайными способностями к мореходству, сам король возлагал большие надежды, однако действительность оказалась довольно печальной: дон Августин вдруг понял, что королевская служба не привлекает его. Он не привык подчиняться, в его сердце было слишком много страсти, ярости, несдержанности и жажды, граничащей с жадностью, а также гордости, быстро превратившейся в гордыню. Оно просило свободы, а душа хотела лишь золота и власти. И он примкнул к корсарам, бороздившим просторы Южного полушария. Топил корабли, грабил города. Он обретал все более громкую славу и был известен как своей удачью, так и жестокостью к побежденным. Он сжигал дотла города и деревни, топил корабли и истреблял все живое, что попадалось ему на пути, будь то индейцы или земляки-испанцы. Ни для кого не находил капитан Августин ни милосердия, ни жалости. Однажды его корабли столкнулись с испанским королевским фрегатом и после ожесточенной битвы пустили судно ко дну вместе с командой. Капитан фрегата, прославленный мореплаватель дон Барталомео Сантьяго-дель-Агирре по легенде проклял дона Августина, назвав предателем и пожелав тому вечно скитаться по морям, причиняя горе и несчастье всем своим потомкам, которые встретятся на его пути. В ответ Дон Августин лишь зловеще расхохотался. А через несколько дней отчаянный пират и его команда попали в суровый шторм,

волна смысла с палубы обоих сыновей дона Августина, и они больше не показались на поверхности. Так корсар узнал о том, что проклятье начало сбываться. Тогда он оставил свою команду, взяв лишь малую часть награбленного, и в одиночестве направился на паруснике в южные моря, за тропик Козерога, к берегам Антарктики, в надежде, что встретит там не потомков, а свою смерть. Однако старуха с косою не спешила за ним. Говорят, что до сих пор Проклятый капитан бороздит моря и океаны, принося несчастья мужчинам из рода Манрике, осмелившимся подняться на палубу корабля. Такова легенда, которая из поколения в поколение передается в нашей семье. И как бы смешно это ни звучало – всем до единого моим предкам, действительно, не везло в море!

Антонио замолчал и погладил жену по плечу.

– Ты спишь? – осторожно спросил он.

– Нет. Слушаю, – откликнулась в темноте Кристина и жала его ладонь. – Интересная история. Но это всего лишь легенда... Правда?

– Говорят, – продолжил Антонио, – Что если однажды кто-то сумеет снять проклятие с капитана, тот появится на берегу. И тогда в благодарность за искупление Дон Августин поцелует руку своему спасителю, а потом снова уйдет в море, где наконец-то встретит смерть. И тогда наша семья сможет вернуться к судоходству. Все мы мечтаем об этом, в нас живут гены Проклятого капитана. Я мечтал пойти в мореходное училище, мечтал командовать военным кораблем, но...

Отец пригрозил лишить наследства – пришлось изучать социологию и финансы. Вот так, моя дорогая.

– Наверное, он был прав. Твой отец. Зачем связываться с проклятьем, зачем идти в море, когда и на суше полно работы! Ладно, давай спать, дорогой. Тебе предстоит сложный день, нужно отдохнуть и хорошо выспаться. Спокойной ночи!

Она легко поцеловала мужа на ночь, прижалась щекой к его плечу, закрыла глаза и уже почти погрузилась в дрему, когда Антонио вдруг шепнул:

– Кристина!

Она тут же поднялась, встрепенулась, и сон как рукой сняло: что-то в его голосе взволновало ее, заставив насторожиться, встревожиться.

– Что-то случилось?!

– Нет-нет, ничего. Не пугайся, извини, что разбудил. Просто я хотел кое о чем рассказать. Это нечто важное для меня... Почему-то, сам не знаю почему, я подумал, что будет лучше сказать об этом сегодня. Сейчас. Конечно, у нас впереди еще долгие годы, но никогда нельзя откладывать на завтра самое важное. Согласна? Иначе рискуем потерять момент, пропустить то, что как нам казалось, еще даже не успело начаться.

Подобное таинственное и странно торжественное вступление еще больше не понравилось девушке, оно навеяло мысли о том, что у мужа есть какие-то тайны, темные стра-

ницы его жизни, которые никогда не открывались перед ней, словно запертая комната в доме Синей бороды. Может быть, у него есть другая любовь? Университетская подруга, посылающая ему страстные письма? Еще одна семья, внебрачные дети, о которых он не рассказывал молодой жене? А что если его компания замешана в каких-то нечестных делах, связана с мафией, что если его собираются судить? Или кто-то шантажирует... Или... сотня догадок промелькнула в одно мгновение в хорошенькой головке молодой графини Манрике, но вслух она произнесла только:

– Конечно. Я тебя слушаю. Расскажи мне.

Антонио между тем улегся на спину, подложив одну руку под голову и, глядя в потолок, задумался. Молчал он долго, а Кристина терпеливо ждала, чувствуя, как сердце от волнения стучит все быстрее. Но она не торопила мужа, позволяя ему собраться с мыслями.

– Не знаю, с чего начать, – произнес он, наконец. – Начну, пожалуй, издалека. Не секрет, моя девочка, что все вокруг шушукаются, перешептываются, недоумевают, почему я женился на тебе. Ты это замечаешь, уверен. У кого-то хватает смелости сказать об этом открыто, большинство переглядываются за нашими спинами, разводят руками. Конечно, все думают... Впрочем, ты знаешь, что они думают. Что очаровательная охотница за деньгами вскружила голову стареющему дураку. Что меня привлекли твои красота и юность. И отчасти, да, они правы. Так и есть, я мало чем отличаюсь от

других мужчин. Ты красива, ты обезоруживаешь очарованием юности. Все это так, и да, я иногда теряю голову, иногда у меня замирает сердце, когда я вижу тебя, когда думаю, что ты – моя жена. Когда вспоминаю блики солнца на твоих волосах в момент нашей встречи. Ты показалась мне волшебницей, ангелом, спустившимся на землю... И все-таки, я выбрал тебя не поэтому, Кристина. Не за красоту. Не за молодость. Красивых девушек много, молоденьких еще больше.

– И почему же ты выбрал меня? – чуть лукаво улыбнулась Кристина. – Вероятно, за мой необычайный ум?

Они вместе рассмеялись, а потом Антонио продолжил.

– Это, конечно, тоже. А главное... Я знаю, что мои деньги тебе не интересны. И ты это знаешь. Но не знаешь другого: что они не интересны мне самому. Думаешь, мне нужно богатство? Совсем нет. Но изо дня в день я трачу силы, чтобы заработать больше, еще больше. Как думаешь, почему?

– Может быть, для наследников? – предположила Кристина. – Верю, они у нас еще будут, дай только время... Если бог позволит. Мы вместе всего лишь год, думаю, скоро обязательно у нас будут дети...

– Нет. Не для наследников. Наследникам нужно не так много. Потому что у меня есть мечта, Кристина. Я хочу построить город. Или даже страну. Что-то вроде Неограда. Город будущего, город, куда не просочится зло, рай на земле. Tierra Nueva... Терранова. Новая земля.

– Рай на земле – это утопия, – прошептала Кристина,

немного испуганно.

– Знаю. Но мне кажется, что если смогу разгадать эту игру... то, что движет ею, думаю, я смогу сделать так, чтобы мечта стала явью. Мне почему-то кажется, что между игрой и реальной жизнью есть какая-то связь... И тогда я не пожалю никаких денег, и самой жизни, чтобы мой чудесный город появился. Это главная цель, то, ради чего я живу. Ради чего работаю столько лет. Мои многочисленные родственники никогда не одобряют такого, никогда. Никто не поддержит эту безумную идею. Им нет никакого дела до рая на земле, до новых городов. До странных утопий, в которые я верю, до иллюзий, в которых живу. Они слишком земные, слишком эгоистичны, живут для себя, думают о себе. О своих семьях, своих деньгах, о прожитых и непрожитых днях. О светских сплетнях, деловых вопросах и прочих глупостях. Но, едва увидев тебя, заглянув в твои глаза, узнав ближе, я понял, что ты – тот человек, кто может разделить эту мечту со мной. Кто готов бороться и отдать за нее все на свете. Кто пройдет по этой трудной тропе рука об руку, кто поможет и поддержит, кто сделает так, чтобы огонь веры, горящий в моем сердце, никогда не погас. Ты тот человек, Кристина? Скажи мне! Ты такой человек?

Повисло молчание, потрясенная, она обдумывала его слова. Антонио напряженно ждал, не перебивая, испытывая то же волнение, что несколько минут назад чувствовала она сама, опасаясь узнать его тайну. А после Кристина уверенно

кивнула.

– Ну, конечно, – произнесла она. – Конечно, я пойду с тобой. Не знаю, как много может быть от меня толку, я ничего не умею и никогда не строила города. Но сделаю все, что смогу. Ради тебя. Ради твоей мечты. Нашей мечты. Не пойму только одного, почему же ты до сих пор не сделал ни одного шага в ее сторону? Почему?

– Мы сделаем этот шаг вместе, – пообещал он. – И незамедлительно, клянусь! Я не хотел идти по этой дороге один, мне нужен был надежный спутник. А теперь, мы обязательно сделаем этот шаг!

– И когда же?

– Завтра, – твердо ответил Антонио Манрике. – Мы начнем завтра же. После встречи с инвесторами. Не будем ничего откладывать. А сейчас спи, день предстоит трудный.

Кристина снова поцеловала мужа, их поцелуй был чуть более продолжительным, чем следовало бы для прощального поцелуя на ночь, потом она крепко прижалась к его плечу.

Закрыв глаза, Антонио погрузился в мысли о предстоящей встрече с инвесторами. Объемы добычи вот уже более десяти лет неуклонно снижаются. Пару лет назад, в начале тысячелетия, подорожало сырье, используемое для производства цветных металлов, нефтепродукты тоже дорожают. Совсем скоро рентабельность производства упадет, буквально через два-три года его заводы перестанут приносить прибыль. И уже сейчас нужно думать, как с этим справиться-

ся. Судоходство... Кристина не знает, о чем говорит. Жена совсем ничего не понимает в бизнесе, да, без сомнения море притягивает, это кажется романтическим и прекрасным, но сейчас новые времена, новые технологии. Может быть, податься в легкую промышленность, закупать текстиль, производить готовую одежду? Но это совершенно другая, незнакомая сфера. Да и вряд ли такая одежда может принести существенный доход. Нет, легкая промышленность не кажется перспективной. Сельское хозяйство тоже никогда не давало сверхприбылей. Нужно что-то иное, принципиально новое! Что-то, что позволит ему построить город, как построили Дубай арабские шейхи, прямо из песка, благодаря нефти, как построили башни Сингапура, благодаря финансовым корпорациям. Город, поднимающийся к небесам. Терранова, город будущего... Земля, где не будет проблем. Не будет войн и оружия, разбоев и грабежей, грубости и невежества. Земля первозданной красоты и нетронутой природы. Его мечта, его самая главная мечта, которая однажды воплотится в жизнь!

А Кристина, как и все женщины, лежа с закрытыми глазами, думала о любви. Она чувствовала себя бесконечно счастливой и благодарной небесам за счастье быть вместе с любимым человеком, за возможность ощущать его присутствие, думать о нем, говорить с ним. Благодарность за его любовь. Но главное, она была счастлива, что могла любить сама, ведь подобное искусство под силу не каждому. Кристина думала о том, что любовь Антонио дает ей радость разделить свое чув-

ство с мужем, дает ощущение защищенности и спокойствия, рождает в ее душе нежность и благодарность. В то время как ее собственная любовь позволяет окрасить все вокруг в совершенно другие цвета, заставляет иначе проживать мгновения, драгоценные, незабываемые, хотя на самом деле это были лишь обычные разговоры, простые дни и ночи, недели и месяцы, и однако каждый миг казался уходящим напрямую в вечность.

Кристина думала о том, как часто, когда она еще была маленькой девочкой, спорили они с мамой о том, что же лучше, любить или быть любимым. Мама приводила сотни аргументов, доказывая, что быть любимым гораздо лучше. Это дает спокойствие и уверенность, любящий человек не обидит тебя и не сделает больно. Женщине лучше быть любимой, чем любить самой, говорила мать. У Кристины тогда не было аргументов, чтобы возразить, и она просто молча слушала и запоминала. Не было у нее аргументов и теперь. Все слова матери казались логичными и правдивыми, почти математически выверенными и неопровержимыми.

Но сейчас Кристине казалось, что впечатления души, любящей души, идущей через пространство и время, бессмертной и вечной, гораздо ярче и сильнее, и каждое событие оставляет отпечаток лишь на любящей душе, мимо остальных же проносится, не задев, не оставив воспоминаний, и сливается с серой массой других ушедших в прошлое событий и происшествий, которые со временем будет невозмож-

но восстановить в памяти, невозможно отличить друг от друга.

Испанская ночь была жаркой, кондиционер выключили, чтобы не простыть, вентилятор же не спасал, и Кристина, почувствовав, что рубашка стала мокрой от пота, отодвинулась от мужа, отвернулась, перекатившись на край кровати, и постепенно погрузилась в сон. Ей снились панорамы чудесного города, удивительные здания, дороги, сады, каких не встретишь на земле, возможно, такие цвели некогда на улицах прекрасной Атлантиды.

Уставшая после долгого трудного дня, она спала очень крепко. И потому не ощутила произошедших перемен, не услышала легких шагов, тихого, замирающего дыхания, шелеста темных крыльев, не увидела мелькнувшего вдалеке света.

И лишь проснувшись наутро, когда солнце уже вовсю золотило кроны деревьев и было ясно, что таких ярких лучей не бывает в ранние часы, она удивилась, что муж не пошел на свою встречу, а продолжает спать, как если бы сегодня снова был выходной. Как же так! Он всегда был таким ответственным, он ждал этой встречи, говорил о ней столько раз, похоже, что он даже волновался! Так часто они обсуждали возможные темы для переговоров с инвесторами, которые неоднократно переносились по различным, чаще всего независимым от воли графа Манрике причинам. Но уже давно рассвело, уже даже не раннее утро! Почему же он не

покинул дом, почему до сих пор спит! Вот она, эта его ма-
нера никогда не ставить будильник и просыпаться самому!
Неужели, игра отняла у Антонио все силы... стоит ли будить
его, ведь на встречу он все равно опоздал... или, пусть спит
дальше и отдохнет?

Далеко не сразу, совсем не сразу, Кристина поняла, что в
постели рядом с ней лежит мертвец. Она вскрикнула, широ-
ко раскрыла глаза, прижала руку ко рту, оцепенев от ужаса,
не в силах даже позвать на помощь.

И уже потом, много-много часов спустя, когда потекли
первые слезы, когда миновал шок, когда горе обрушилось на
ее плечи, вдруг подумала о том, что же она будет делать те-
перь одна. В этом большом, ставшем в одночасье пустым до-
ме, где у нее нет друзей, а есть лишь недоброжелатели, меч-
тающие избавиться от непрошенной гостьи, так сильно отли-
чающейся от них, не соответствующей, не подходящей, ко-
торая не годится им не только в родню, но даже в прислугу:
они бы выбрали кого-нибудь расторопнее, услужливее, раз-
говорчивее, – кого угодно, только не похожего на нее.

Глава 4. Завещание

Мама была с ней весь этот месяц. Месяц пока шли похороны, бесконечные поминальные встречи, панихиды, отпевания, посещение церквей и семейных склепов. Только благодаря ее поддержке, Кристина и смогла выдержать навалившиеся на нее печальные обязанности.

В остальные часы мать даже не выходила из комнаты, сидела в небольшом помещении, отведенном для нее дочерью в особняке Манрике, рядом с комнатой самой Кристины. Молодая графиня больше не могла ночевать в спальне, где скончался супруг, и перебралась в другую, между спальнями матери и Джайсы.

Здесь была белая лакированная покрытая позолотой мебель, старинная, в стиле ампир: кровать с тяжелым белым балдахином, золоченый прикроватный столик и мягкий белый же ковер на полу. Кристине всегда нравилась эта комната, но сейчас она не замечала ее. Она ничего не замечала из-за слез.

– Скорее бы все это закончилось, скорее бы уйти отсюда, тебе станет полегче, вот увидишь, – вздыхала мать. С короткими светлыми волосами, невысокая и полноватая, Татьяна Серова бесконечно отличалась от женщин дома Манрике, как и своей испуганной, но широкой улыбкой, сеточкой морщин вокруг глаз, чуть неуклюжей походкой. Она чувствовала

ла себя чужой и никчемной в этом доме еще сильнее, чем сама Кристина.

– Конечно, мамочка, – кивала Кристина сквозь слезы. – Как только все закончится, мы сразу уйдем. Я не останусь в этом доме ни одной минуты! Но мы должны проводить Антонио в последний путь. И должны дождаться оглашения завещания. Я знаю, он что-то оставил мне. Конечно, совсем немного, мы прожили вместе всего год. И хорошо, что немного, не придется видеть злые лица его семьи. Но, я надеюсь, этого хватит, чтобы нам вернуться на родину. Папа уже не может больше работать, да и тебе тяжело. Я хочу, чтобы мы вернулись в Россию. Не хочу возвращаться в Саратов, хочу купить квартиру в большом городе, может быть в Петербурге или даже в Москве. Сейчас нам некуда ехать, у нас же ничего не осталось. Но если от мужа мне перейдет хоть что-то, надеюсь, смогу обеспечить вам старость. За себя я спокойна, пойду работать в школу, как раньше. Детям нужно учиться. Для учителя всегда будет работа.

– Как же они все тут тебя ненавидят, – мать погладила ее по голове. – Это и понятно... но чтобы настолько...

– Теперь – еще сильнее, чем раньше. Прежде они не любили меня только за то, что я не их круга. Что я иностранка, что молодая, что авантюристка. Что замуж вышла ради денег. Теперь еще хуже. Они считают, что это я виновна в смерти мужа...

– Но как! – с возмущением воскликнула мать, – Как они

могут такое говорить! Было же вскрытие! Врачи ясно сказали, что сердце...

– Они не обвиняют меня в убийстве, мама, – Кристина грустно усмехнулась. – Слава богу, хотя бы не в этом. Просто считают, что Антонио слишком старался соответствовать молодой жене, старался выглядеть моложе, вел себя как юноша, слишком много выходил в свет, пытался поддерживать себя в форме, злоупотреблял спортивными тренировками, диетами, да и медицинскими препаратами. Как будто графу и миллионеру нужно выглядеть лучше, чтобы удержать супругу, если я хотела лишь денег... У них нет никакой логики... конечно, они же не математики.

– Думаешь, Антонио умер из-за этого? Потому что связался с молодой?

Кристина замолчала и задумалась, задумалась надолго.

– Нет, – ответила она. – Я думаю, не из-за этого.

– Так от чего же он умер?

– Он умер из-за... – начала было она и не продолжила, махнула рукой и вздрогнула, словно почувствовав легкий холодок. – Неважно. Это настолько нелепо звучит, что я даже не хочу думать об этом. Наверное, от горя я совсем помешалась, мне мерещатся странные вещи. Наверное, он умер, потому что пришел его срок, мама. Так будет с каждым из нас однажды.

И вот, наконец, день настал. День, которого так ждала Кристина и остальные родственники Антонио Манрике де

Алькасар.

Кристина – чтобы побыстрее убраться из особняка и освободиться ото всего, что связывало ее с этой семьей. Родственники, чтобы узнать, какая именно часть огромного состояния им полагается. Не волновалась, казалось, одна только Джайса. Она знала, что покойный кузен хоть и любил ее больше других сестер, не оставит ей ничего, побоится тетки Лурдес – вся их доля достанется матери, а уж она знает, как распорядиться деньгами.

– Плевать мне, сфотографируюсь обнаженной для «Плейбоя», получу точно не меньше, – заметила Джайса на реплику Кристины, спросившей о причинах ее спокойствия. – Пусть матушка забирает все себе. Она с утра сама не своя, только что по потолку не бегают!

В день до торжественного оглашения завещания собралась вся семья Манрике де Алькасар, включая Кристину, а сама она пригласила на мероприятие дона Габриэля Ортиса и дону Луиса Торреальба.

– Помилуйте, дорогая, какое отношение я имею к почтенному семейству графа Антонио? – практически слово в слово ответили оба, когда Кристина позвонила этим достойнейшим сеньорам.

– Вы – лучшие друзья графа Антонио, – объяснила Кристина свое странное решение. – Во имя его памяти прошу вас поддержать меня. Я попросту, скажу честно, боюсь входить в эту залу одна. Просто боюсь.

Голос девушки дрогнул, было очевидно, что она не кривит душой. Уже не раз Кристина просыпалась ночью от ужаса, едва только во сне являлось ей суровое лицо доньи Лурдес, ее сдвинутые брови и мрачный взгляд. Боялась она и свою свекровь, да и остальных, тех, кто будет смотреть на нее глазами полными ненависти и осуждения, как на выскочку, как на убийцу Антонио. Она вспомнила первую встречу с семьей Манрике. Антонио привел ее на семейный обед, торжественно представил семье, пока еще как свою подругу и усадил рядом с собой. Повисло долгое молчание, глаза присутствующих буравили девушку. Потом принесли еду и началась беседа. Однако, когда обед подходил к концу, сеньора Вельда, мать Антонио, вдруг посмотрела на сына и прямо спросила:

– Неужели, ты думаешь, что тебе нужна такая девушка?

И тут же зашумели, загалдели остальные, до этого сдерживавшие эмоции и бурный средиземноморский темперамент, укрытый под железными масками аристократии. Кристина съжилась на стуле и покраснела, с ужасом ожидая, что ответит Антонио.

Он не ответил ничего. Только улыбнулся. И его улыбка совершенно ясно сказала: «Я сам знаю, какая девушка мне нужна».

Но теперь его не будет рядом, теперь некому будет поддерживать ее улыбкой.

Кристина надела черное строгое платье-футляр, чуть ниже колена, закрытое, с длинными рукавами и воротнич-

ком-стойкой. Закрутила волосы в тугий низкий пучок, сверху приколола маленькую шляпку с темной вуалью. Теперь лица почти не видно. Она машинально провела помадой по губам, однако постаравшись, чтобы губы не казались слишком яркими, а потом крепко вцепилась в спинку стула и прочитала молитву. Все, слава богу, скоро все закончится. Ей осталось выдержать всего один этот день. Еще раз увидеться с его семьей. Выслушать то, что написано в завещании, а после – уйти своей дорогой. Она недолго побыла графиней. Что ж, не в свои сани не садись! Недолго ее жизнь была озарена светом взаимной любви. Но ничего, многим не выпадает и такого.

Кристина вздохнула и направилась к выходу, мать в спину выдохнула: «Держись, дочка, удачи!»

Глядя вслед своей девочке, Татьяна Серова думала, что воспитывать ее следовало иначе. Она была всегда какой-то хрупкой и возвышенной, такой, какой должна быть девица из высшего сословия, может, поэтому граф и обратил на нее внимание. Но никак уж не дочь строителя-эмигранта, у которой нет даже собственного угла. Нет ничего. Странно, что она еще выдержала экзамены, вероятно, потому что учеба давалась ей легко. Если бы Кристина не смогла получить стипендию с первого раза, она бы уж точно не попробовала во второй. Борьба, преодоление не свойственны этой девочке. Даже сейчас, если Антонио не оставил ей ни гроша, она не скажет ни слова, не наймет адвокатов, она просто уйдет. Мо-

жет это и правильно, главное – скорее уйти из этого дома, где все настолько высокомерны, что забывают поздороваться.

Кристина отворила дверь и вошла в большую затененную залу, украшенную старинными гобеленами. В центре ее стоял огромный овальный стол из черного мрамора, на окнах – такие же черные с позолотой вазы. Обстановка торжественная и мрачная. И почти все были в сборе.

Во главе стола сидела сеньора Вельда в траурном платье, сухая и прямая как палка, морщинистая, с длинным аристократическим носом, черными, прожигающими все насквозь пронзительными глазами и ровными, словно стрельчатые арки, бровями. Она поджала тонкие губы и холодно кивнула Кристине. Донья Лурдес полноватая горбоносая брюнетка, чем-то отдаленно напоминающая знаменитую певицу Монтсеррат Кабалье, даже не потрудилась кивнуть. За мать Кристину приветствовала Джайса, помахала рукой. Джайса была блондинкой в отца – немецкого барона и крупного землевладельца, светловолосым был и Рей, Рейнальдо, старший брат Джайсы, – кутила и светский повеса, какого не знало испанское общество со времен самого Дона Хуана Тенорио. Надо отдать Рею должное – он был высок и красив, а в сочетании с прекрасным образованием, богатством и природным обаянием, действительно, превращался в грозу всех девушек Испании, от Бискайского залива до Средиземного моря, а также далеко за ее пределами. В отличие от матери он приветствовал Кристину словами:

– Госпожа графиня, – и даже поцеловал её руку, помог отодвинуть стул.

Кристина присела на краешек, положив руки на стол. Габриэль Ортис и Луис Торреальба уже были здесь, но за стол не сажались, стояли у окна. С другой стороны стола, напротив сеньоры Вельды, сидел довольно-таки молодой темноволосый мужчина, дон Алехандро Монтанья, семейный адвокат, один из самых известных юристов Барселоны, специализирующихся на делах о наследстве.

Вокруг стола стояли и старые слуги Антонио, и его няня тетушка Тереза, как обычно в темном полотняном старообразном платье, – в аристократических семьях было положено, что, умирая, хороший хозяин оставлял хоть что-то слугам, которые работали на него.

Все ждали, когда появится Леонардо, младший брат Антонио, вице-президент химической компании «Манрике норте» и один из совета директоров семейного холдинга, управляющего всем, что принадлежало этой семье. Теперь, после смерти Антонио, он должен возглавить холдинг, и потому его присутствие было обязательным для того, чтобы огласить завещание.

Кроме того, ожидали и дядю Антонио со стороны отца, сеньора Алваро, довольно-таки известного литературного критика и сценариста, отличавшегося желчным, даже скандальным характером.

В комнате царил тишина, только Алехандро Монтанья

шуршал бумагами, которые раскладывал на столе. Кристина буквально физически ощущала, как ползут минуты, медленно, словно улитки по обнаженной коже. Когда же все это, наконец, закончится, когда она освободится от гнетущей, тягостной атмосферы этого дома, когда снова станет свободной! Почему же они опаздывают, зачем судьба продолжает испытывать ее!

Наконец, хлопнула дверь, и в черном пальто и такой же черной, надвинутой на глаза шляпе появился Алваро. Несмотря на то, что он приходился покойному дядей, ему не исполнилось еще и пятидесяти, его кучерявые волосы уже посеребрила седина, проседь была и на тонких обрамлявших лицо бакенбардах. Алваро холодно поздоровался, поправил очки на чуть длинноватом прямом носу, но даже и не подумал извиниться за опоздание.

– Как же отвратительны эти пробки, – буркнул он, с грохотом отодвигая стул. Он всегда делал все, чтобы показать, что статус вольного художника позволяет ему не следовать этикету, принятому в этой семье веками. Алваро был, что называется, паршивой овцой в семье Манрике де Алькасар и в пример ему всегда ставили идеально-правильного Антонио... разумеется до тех пор, пока он не женился на Кристине, совершив по меркам своих родных чудовищный проступок.

– Кого ждем? Я что, не последний? – Алваро огляделся.

– Нет, у Лео затянулось совещание. Кто-то же должен

управлять делами теперь, когда Антонио с нами нет, – сеньора Вельда красноречиво взглянула на Кристину, словно поясняя, кто виноват в том, что ее сына с ними больше нет. Кристина опустила глаза и покраснела, чувствуя, что ее начинает бить дрожь. Еще немного и она уйдет, даже не дождавшись оглашения!

Но в эту минуту дверь снова распахнулась, и появился Леонардо, к слову сказать, младший брат был похож на Антонио, только чуть выше ростом, чуть более поджарый и на шесть лет моложе. Кристина вздрогнула, так сильно он напомнил ей мужа. Девушке казалось, что Лео относится к ней если не с симпатией, то с сочувствием, по крайней мере, с его стороны она не ощущала столь явной неприязни, как со стороны остальных родственников.

– Прошу прощения за опоздание, – Лео кивнул присутствующим. – Задержали дела, совет слишком затянулся. Нужно многое уладить сейчас. Поэтому, прошу, не будем откладывать, начинайте, дон Алехандро!

Он опустился на свободный стул рядом с матерью, в то время как головы всех присутствующих повернулись к адвокату. Тот откашлялся, медленно, словно интригуя, открыл крышечку с бутылки минеральной воды, поставленной перед ним, налил ее в стакан, сделал несколько глотков, чтобы промочить горло, а потом обратился к своим бумагам.

– Позвольте приветствовать вас, уважаемые дамы и господа. Все мы знаем, по какому печальному поводу мы здесь

собрались. Сейчас будет оглашено завещание недавно ушедшего дона Антонио Манрике де Алькасар де Луа, графа дель Корта-Реал. Позвольте, я оглашу список присутствующих, после чего вы все должны расписаться напротив своих фамилий. Чтобы подтвердить, что вы слышали оглашение.

Он зачитал список, после того, как все поставили подписи, дон Алехандро озвучил обязательную преамбулу, относящуюся в основном к законности происходящего, а также подтверждающую его право огласить завещание покойного. Также он объявил, что волеизъявление покойного, указанное в завещании является непреложным, ибо иного волеизъявления покойник сделать уже не сможет.

– Дон Антонио имел все шансы изменить завещание, если бы хотел. Но с того момента, когда он вызвал меня для его оформления, документ оставался неизменным. Господин граф никогда не пытался связаться со мной, чтобы внести корректировки в завещание.

– Что, вероятно, говорит о том, что умирать мой брат не планировал, – сухо заметил Лео.

– Возможно, – кивнул дон Алехандро. – Однако в глазах закона, это означает лишь, что завещание истинно. Итак, позвольте начать. Здесь всего несколько строк, оглашение не займет много времени.

– Приступайте, – кивнула сеньора Вельда.

Все присутствующие замерли в напряженном ожидании, Кристина вздохнула с облегчением – наконец-то! А Джайса

тихонько рассмеялась.

Оглашение все-таки заняло много времени, потому что дон Алехандро медленно и четко зачитывал имена и фамилии слуг, садовников, няни Терезы, каждому из которых Антонио Манрике оставлял от тридцати до пятидесяти тысяч, что было, несомненно, щедро, а няня Тереза даже громко всплакнула, поднеся платок к глазам. Теперь ей точно хватит на достойную старость, возможно, она даже отправится путешествовать, как всегда мечтала!

Наконец, перечисление слуг закончилось, и все снова вздохнули с облегчением.

Алехандро откашлялся и сделал глоток воды.

– Продолжаю, с вашего позволения, – произнес он. – Итак. Своей супруге, сеньоре Кристине Серовой де Манрике де Алькасар, я оставляю это письмо. Прошу передать ей его лично в руки, нераспечатанным. Прошу мою супругу считать данное письмо моим последним желанием и постараться исполнить его.

– Письмо? – удивленно спросил Лео, донья Лурдес насмешливо подняла брови, а на сухих губах сеньоры Вельды мелькнула еле заметная улыбка.

– Письмо?! – хихикнула Джайса. – Он оставил тебе письмо?! И только-то? Ничего себе!

– Вот это письмо, донья Кристина, – Алехандро протянул ей конверт, и девушка взяла его. – Прошу убедиться, что воля покойного исполнена – конверт запечатан и не вскрывал-

ся. Для верности я положил его также в еще один пластиковый конверт, который запечатал своей печатью. Она не сломана. Письмо сеньора Кристина прочтет позже, когда будет одна. Так хотел граф Антонио.

С замиранием сердца девушка смотрела на конверт. Для них это «всего лишь письмо», «только письмо», которое граф Манрике оставил своей жене. Для нее же – его голос, который она сможет услышать еще раз, слова, написанные его рукой при жизни! Но главное – то, что он хотел в нем сказать. Ведь очевидно, что в последнем письме заключено самое важное, вероятно, даже то, что муж не решался сказать пока был жив! Это письмо важнее, чем все остальное завещание!

Интуиция не подвела девушку: письмо оказалось значительно важнее, чем оставшийся текст завещания. Хотя и он сумел не на шутку изумить и даже озадачить всех присутствующих.

– Уважаемый дон Алехандро, – подала голос донья Лурдес, прерывая затянувшееся молчание и смешки Джайсы, – Если с письмом и госпожой Кристиной мы закончили, прошу вас, продолжайте! Также прошу тех, кто уже получил свою долю наследства удалиться. Все остальное касается только семьи Манрике де Алькасар.

Она вопросительно взглянула на сестру, сеньора Вельда едва заметно утвердительно кивнула. Ее слово было в доме законом – слуги медленно потянулись к выходу. Поднялась

за ними и Кристина. Ей ясно сказали: здесь жене графа больше делать нечего.

– С вашего позволения, сеньоры, – тихо сказала она. – Прощайте. Спасибо за все.

И направилась к выходу.

– С письмом, действительно, закончили, – подтвердил между тем адвокат совершенно невозмутимым тоном, – А вот с госпожой Кристиной еще нет. Прошу вас, сеньора, останьтесь, куда же вы?

Кристина с изумлением обернулась, словно не зная, что делать. За слугами закрылась дверь, а дон Алехандро указал ей на стул.

– Сядьте! – приказал растерявшейся девушке дон Габриэль, за что удостоился неприязненного взгляда Алваро. Ты не из этой семьи, говорил взгляд, так чего же ты раскомандовался? Однако прежде чем он успел высказать свое мнение вслух, Кристина поспешно села и снова придвинулась к столу. Очевидно, кроме письма муж оставил ей что-то еще. Он все-таки оставил ей какие-то деньги. Возможно, она даже сможет вернуться в Россию!

Дон Алехандро снова откашлялся и надолго углубился в бумаги, пока все напряженно ждали, чувствуя, что нервы натянуты, точно струны, каждый слишком хорошо знал, на что именно он потратит деньги Антонио ему полагавшиеся, каждый рассчитал все, до последнего цента, построил планы, предвидел исполнение мечты, а потом дон Алехандро про-

должил читать. Когда адвокат завершил чтение, в зале повисла такая тишина, что и в семейном склепе семьи Манрике было, вероятно, более шумно. Сейчас, даже если бы пролетел ангел, шелест его крыльев был бы несомненно услышан – так тихо вдруг стало.

Потом снова раздался суховатый кашель адвоката.

Граф Леонардо поднял голову и тихо спросил:

– Дон Алехандро, вы уверены, что умеете читать?

– Помилуйте, сеньор, взгляните сами! Я окончил Сорбонну и попросил бы...

Его прервал громкий смех Джайсы и последовавший за ним язвительный хохот Алваро, который, не стесняясь, указывал пальцем на взбешенное лицо доньи Лурдес.

А Кристина, вдруг резко отодвинув стул, не в силах совладать с охватившей ее паникой, выскочила из залы и побежала прочь, по длинному коридору, упиравшемуся в бывший кабинет ее мужа. Она вбежала в кабинет и закрыла за собой дверь. Джайса, дон Габриэль и дон Луис, друзья ее мужа, рванулись за девушкой. Остальные молчали в недоумении, хотя испытывали сейчас сходные чувства.

– Подумать только, – прошептала сеньора Вельда, – Мой сын ведь умер из-за нее! Если бы не эта женитьба, он был бы сейчас здесь, с нами! И он оставил ей все... Все до последнего гроша... этой...

Она не договорила, потому что не нашла слов, которыми можно было правильно описать Кристину.

– Этой рыжей кошке, – закончил за нее Алваро.

– Отличный поворот, прямо для твоего нового сценария, дядя! – заметил с усмешкой Рей. У него было множество долгов, в основном карточных, кроме того он присмотрел себе отличный гоночный автомобиль и потому рассчитывал на наследство дяди Антонио, но все равно, как и его сестра Джайса, старался улыбаться, сохраняя хорошую мину при плохой игре.

В кабинете Кристина стояла, опираясь на письменный стол мужа. Габриэль, Луис и Джайса окружили ее.

– Я откажусь, – поспешно произнесла девушка и нервно замахала рукой, не позволяя им произнести ни слова, – Мне ничего не нужно! Скажите им, я ото всего откажусь! Я не стану бороться с ними, не стану лишать семью состояния. Джайса, иди, скажи им, что я откажусь! Пусть они не делают такие страшные лица! Я сама считаю, что Антонио погорячился. Он был неправ! Оставить родных без наследства! Иди к ним, скорее, скажи, что я откажусь!

– Кристина, девочка, почему же? – изумленно спросил дон Габриэль.

– Мне не нужны такие деньги. Я не знаю, что с ними делать... Это ответственность, это ломает мою жизнь! И потом, я хочу уехать отсюда, из этого дома, не хочу никаких корпораций, хочу вернуться в школу, понимаете? И я не хочу бороться с ними. Не хочу иметь ничего общего с этой семьей! Они ненавидели меня всегда, а теперь ненавидят еще

сильнее! Я их боюсь! Да они просто убьют меня, отравят, Джайса, так?

– Не удивлюсь, – с улыбкой ответила ей подруга. – Зная мою матушку – вполне вероятно. Да и тетушка Вельда тоже не подарок.

– Хватит, я все решила. Я отказываюсь от этого наследства. Пусть дадут мне денег на квартиру, а остальное забирают себе, – твердо сказала Кристина, обретя некоторое подобие уверенности. Дон Габриэль и дон Луис понимающе кивнули.

И только дурочка Джайса, заметив белый конверт в руке молодой графини, вдруг сказала:

– Подожди, Кристина! Ты же еще не прочла письмо... а вдруг там что-то важное?

Теперь уже все неотрывно смотрели на письмо. Последняя воля Антонио, ее любимого мужа.

– Ты права, – согласилась Кристина. – Сначала письмо. Но, как он просил, я бы хотела прочитать его одна. Пожалуйста, возвращайтесь в залу, подождите, пока я прочту. Я скоро вернусь. И скажу всем, что отказываюсь от наследства. Подождите.

Дон Габриэль ласково потрепал девушку по плечу, стараясь приободрить, после чего все трое вышли из кабинета и тихонько прикрыли за собой дверь. Кристина осталась одна. В большой зале ее ждали люди, от нее зависела их судьба. Судьба новых нарядов для Джайсы и спортивной машины

для ее брата. Судьба новых возможностей для корпорации, о которых думал Лео, судьба так и не снятых фильмов для Алваро, судьба процветания семьи, о котором пеклись Лурдес и Вельда. Но Кристина не думала сейчас о них, она думала о прощальном письме мужа и о его просьбе. С замиранием сердца она вскрыла печать и развернула письмо.

Глава 5. Письмо.

Едва только Кристина увидела почерк мужа, как буквы заплясали у нее перед глазами, текст начал расплываться, а по щекам покатались слезы. Она вытащила носовой платок, вытерла лицо, потом, глубоко вздохнула, взяла со стола графин с водой, налила в стакан и сделала несколько глотков. Такие хрустальные графины стояли во всех кабинетах особняка и ежедневно обновлялись, даже если кабинетом никто никогда не пользовался. Сейчас Кристина готова была признать, что это было неплохой идеей. Успокоившись, она снова вернулась к письму.

«Дорогая Кристина, моя любимая жена, – начиналось оно, – если ты читаешь это письмо, значит, меня уже нет, ведь оно является неотъемлемой частью моего завещания. И прежде всего, хочу попросить прощения за то, что оставил тебя. За то, что дал клятву быть рядом с тобой всегда, но не смог ее сдержать. Прости меня. Но ты понимаешь, что жизнь и смерть не в наших руках, что есть высшая воля, которая определяет наши судьбы и отмеренное нам время. Верю, что однажды, когда твой путь закончится, мы обязательно встретимся снова.

Дорогая Кристина, наверное, тебя удивило, что все мое весьма внушительное состояние я оставляю тебе. Удивило, что не оставил ничего своим родным. Зная твою благород-

ную натуру, могу предположить, что такое решение ты нашла даже несправедливым. А зная твою робость и боязливость, предположу, что оно тебя напугало. Вероятно, ты понятия не имеешь, что делать с кучей денег, которая вдруг обрушилась на тебя. Боишься быть погребенной под этими золотыми горами. И однако, я ни на секунду не сомневаюсь в том, что мое решение является единственно верным.

Кристина, надеюсь, я успел рассказать тебе о моей мечте, о новом городе, новом мире, новой земле – о Терранове. Надеюсь, ты дала слово поддержать мою безумную идею и пройти этот путь со мной. Или, как теперь получается, без меня.

Прошу тебя, возьми мои деньги, мои компании, мои земли, используй все, чтобы воплотить мою мечту в жизнь, сам я уже сделать этого не смогу. Надеюсь, Господь позволит мне наблюдать за тобой с небес и направлять тебя, потому что путь этот не будет легким. Прошу, не обращай внимания на слезы, протесты, угрозы моих родных. Они не остались без куска хлеба и без крыши над головой. Каждый из них и так сказочно богат, ты это знаешь. Прошу, не позволяй им убедить себя, не позволяй запугать. Не допусти, чтобы они потратили мои деньги на роскошь и пиршества, на тряпки и машины, на свои бесконечные свары и интриги. Не допусти, чтобы выбросили мое состояние на ветер. И ты сама, не трать, прошу, мои деньги понапрасну. Обеспечь необходимым себя и свою семью, а остальное используй для создания Террановы.

Я понимаю, как безумно, даже жестоко это звучит. Тебя, слабую, юную девочку я прошу построить великий город, какой не смог построить никто до тебя. Если только грек Платон, да и то лишь в своем воображении. Понимаю, что вешаю на тебя непосильную ношу, возможно, ломаю сейчас твою судьбу, меняю линии жизни на твоей ладони. Но, Кристина, если я и прошу тебя о невозможном, то лишь потому, что знаю: ты справишься. Справишься с тем, с чем не сможет справиться никто другой, потому что ты такая одна. Иначе я никогда бы не предложил тебе стать моей женой, не сделал бы тебя графиней Манрике де Алькасар, не оставил бы тебе все, что имею. Я знаю, что ты справишься, у меня нет никаких сомнений.

Прошу тебя еще об одном, таком же невыполнимом деле. Сними проклятье с дона Августина Хулиана. С этим не могли справиться благородные мужи дома Манрике. Но ты – не муж, и ты – не Манрике. Я знаю, ты сможешь и это. И тогда наши корабли будут вновь бороздить морские волны, и великая судоходная династия Испании восстанет из праха. Возможно, однажды тебе даже захочется назвать один из сотен своих кораблей моим именем.

Прости меня, за то, что оставил тебя, прости за мои невыполнимые заветы. Помни, что я всегда тебя любил, и смерть здесь ничего не меняет. Будь сильной, верь в себя и ничего не бойся.

Прошу тебя не прерывать игру, продолжай присутство-

вать на собраниях и играть, даже если никогда не сумеешь понять ни правил, ни смысла происходящего. Просто продолжай играть.

Прощай, моя Кристина, живи долго и счастливо,
Твой любящий муж
Антонио

P.S. Кристина, прошу тебя так же как можно скорее забыть меня и полюбить другого. Такая женщина не должна быть одна, тебе нужен достойный спутник, так побыстрее найди его. Желаю вам счастья и чудесных малышей.

При первом прочтении письма Кристина обратила внимание лишь на поскриптум, лишь на пожелание встретить любовь и родить детей от будущего избранника, поэтому она зарыдала с новой силой и даже вода из графина не помогала успокоиться. Потом, когда рыдания прекратились, она снова перечитала письмо, и лишь теперь до ее сознания дошел весь ужас произошедшего. Она не сможет покинуть ненавистный особняк навсегда! Не сможет вернуться в Россию! Она никогда не будет работать в школе! И она не сможет отказаться от наследства! Нет, теперь она, навеки, пленница огромного состояния, семьи Манрике и чужой судьбы! Она должна оставить свою дорогу и пойти по другой, предназначенной не ей, должна прожить чужую жизнь, жизнь богатой незнакомки! Должна искать Проклятого капитана, должна играть в

непонятную игру, должна руководить компаниями, хотя понятия не имеет как! Должна строить загадочный идеальный город, который никто и никогда не мог построить до нее! Должна... иначе она не исполнит последнюю волю мужа, а много ли тогда стоит ее любовь? С другой стороны, как он мог? Как мог Антонио решиться на такое! Возложить на ее плечи неподъемную ношу и почему? Просто потому, что он вообразил, что она это сможет? Нет, не сможет! Это не под силу ни одному человеку в мире, и тем более ей!

Кристина почувствовала, что у нее начинается приступ паники. Она знала, что в большой зале сейчас сидят люди, сидят, словно на иголках, решается их судьба! Они ждут ее. Разгуливают взад-вперед вдоль стола, ерзают на стульях, постукивают ногами, переглядываются, чертыхаются, ругаются, обращаются ко всем богам. И они ждут, они ждут ее решения!

Но она не может выйти к ним сейчас, она вынуждена заставлять их нервничать и беспокоиться, испытывать тревогу, мучиться неизвестностью и смотреть в будущее со страхом. Каждый боится потерять то, что принадлежит ему, даже если это всего лишь шкура убитого медведя.

Что она скажет им, если ничего не решила? На весах судьбы сейчас трудный выбор, слишком трудный! Если она войдет в залу и скажет, что отказывается от состояния, – она предаст Антонио и его мечту. Но если примет наследство, если согласится исполнить его волю, – потеряет себя и наве-

ки подчинит свою жизнь непонятной, непосильной цели. А цель должна быть достижимой, так ее учили в университете, иначе не будет ни смысла, ни желания к ней стремиться.

Самым лучшим было бы передать состояние, вместе с обязательством исполнить мечту Антонио, кому-то более сильному, тому, кто сможет ее воплотить. Например, Лео. Или дону Габриэлю. Но с другой стороны, Антонио мог бы сделать это и сам. Значит, он не считал, что они исполняют клятву, не верил, что пойдут за его мечтой, как за своей собственной. Он верил только ей, только Кристине. Он оказал ей огромную честь и доверие, когда привел бедную девочку-эмигрантку в этот дом, когда назвал ее графиней и своей женой. И сделал это не только ради любви. Ради любви он мог бы просто снять ей квартиру в центре города и навещать ее в свободное время. Но он надел ей на палец кольцо, он оставил ей все свое состояние. Ради Террановы. Ради дона Августина. Ради свободно бороздящих океан кораблей семьи Манрике. Увидел в ней освободительницу, Жанну Д Арк, Орлеанскую деву. Что ж, могла ли она не оправдать этого доверия? Муж сделал для нее много, мечтал сделать еще больше. Неужели, она не сделает того же для него!

Кристина снова вытерлась, потом подошла к зеркалу и слегка поправила макияж, чтобы скрыть следы слез, хотя, что можно сделать с покрасневшими глазами: только еще больше опустить вуалетку, но именно этого она делать не собиралась. Она должна найти смелость посмотреть в лицо се-

мье Манрике, и посмотреть открытым взглядом.

Кристина медленно направилась обратно в залу. Из-за двери доносились оживленные голоса, очевидно присутствующие о чем-то горячо спорили. Однако едва она вошла, – воцарилась гробовая тишина. Все взгляды были устремлены на нее. Кристина молча вернулась к своему креслу, а потом подняла глаза и взглянула на Джайсу.

– Джайса, ты передала уважаемым собравшимся то, что я просила?

– Нет, – девушка мотнула головой. – Дон Луис сказал, что ты должна сама объявить свое решение. К тому же, мы договорились, что сначала ты прочтешь письмо.

– Спасибо тебе и дону Луису, – Кристина кивнула. – Это было абсолютно правильно. Сеньоры, Джайса говорит верно, сначала я прочту вам письмо Антонио. С вашего позволения, опущу все личное, что касается только нас. Прочту лишь то, что имеет прямое отношение к завещанию. Думаю, после этого, вам будет проще понять мое решение.

Никто не произнес ни слова в ответ, все продолжали ждать, напряжение, висевшее в воздухе, было настолько плотным, что при желании его можно было почувствовать на ощупь.

– Прошу вас, – произнес, наконец, Алехандро.

Кристина, стараясь, чтобы голос не дрожал и не срывался, а главное, сдерживаясь, чтобы снова не разрыдаться, начала зачитывать письмо. По мере того, как она говорила, на ли-

цах собравшихся все явственнее проступали непонимание, сомнение, изумление и даже недоумение. Наконец, она замолчала, тишина была ей ответом.

– Вот уж не думала, что мой сын – безумный мечтатель, – произнесла, наконец, донья Вельда. – И никогда не думала, что он способен на глупость. Хотя, без сомнения, способны и умнейшие из нас.

– Первую глупость он совершил, женившись на этой девушке. Вторую, когда почему-то вообразил, что она способна создавать города, – добавила донья Лурдес. – Вы ведь, дорогая, не думаете, что это так?

Она уставилась на Кристину своими черными глазами.

– Я не знаю, сеньора Лурдес, – тихо ответила Кристина. – Но у нас будет шанс проверить. Сеньоры, я объявляю вам о том, что как хорошая жена должна исполнить последнюю волю своего супруга. Я любила Антонио, хоть вы и сомневаетесь в этом. Я приму то наследство, которое он оставил мне и обязуюсь сделать все возможное и невозможное, чтобы его мечта воплотилась в жизнь.

– Разумеется, – хмыкнул Алваро, – Мечта – понятие эфемерное, а наследство – вполне реальное. Деньги можно взять уже сейчас, а вот исполнится ли мечта или нет – еще вопрос! Разумно, милая сеньорита, очень разумно!

– Дон Алваро, мы вернемся к этому разговору, когда я приглашу вас прогуляться со мной по улицам Террановы, – отрезала Кристина.

– Надеюсь и жду, – язвительно ответил он, нахлобучивая шляпу. – Полагаю, мне тут больше делать нечего?

– Да уж, – вздохнул Лео, – Мне тоже порядком надоел этот фарс. Братец выжил из ума, его завещание не должно иметь никакой силы! Надеюсь, я могу рассчитывать на пост Председателя Совета директоров холдинга, вы ведь не претендуете на руководство компанией, дорогая невестка?

Он поднялся и пристально взглянул ей в глаза.

– Ну почему же... – тихо ответила Кристина. – Почему же не претендую? Весьма.

Брови Леонардо стремительно поползли вверх, а потом на его губах мелькнула злорадная улыбка.

– Председатель избирается путем голосования, так прописано в уставе компании. Вы же не ждете, что кто-нибудь проголосует за вас?

Кристина молча пожала плечами, вот и проверим, говорил ее жест.

– Дон Алехандро! – не выдержала, наконец, донья Лурдес, он ярости она даже вскочила со стула, а ее лицо покрылось характерными красными пятнами, – Доколе будет продолжаться этот цирк! Вы же адвокат! Я призываю вас немедленно прекратить подобное безумие! Вы разумный человек, и что за фарс тут устроили! Сначала зачитали завещание, составленное выжившим из ума мечтателем, понимаю, о покойниках не говорят плохо, но что еще можно сказать о мужчине, женившемся на молоденькой самке, потерявшем голо-

ву, забывшем о чести и достоинстве семьи, ради своих удовольствий, а теперь еще и посмевающим оставить ей все, лишив семью дохода, лишив нас того, что принадлежало нам веками! Потом, когда я думала, что смешнее уже некуда, было зачитано это письмо, совершенно ясно, что человек нормальный не мог написать подобный шизофренический бред! Новые города? Серьезно?! Эта девица, которая не может связать двух слов, которая позавчера встала со школьной скамьи, а вчера вылезла из трущоб... Не смей прерывать меня, Вельда, довольно! Я все скажу! Ты думаешь, что если твои сыновья старше, то они имеют больше прав, чем мои? Почему Антонио распоряжается деньгами, мы такие же наследники, как и он!

– Всего лишь потому, что эти деньги заработал сам Антонио, и ты прекрасно это знаешь, Лурдита, – холодно произнесла Вельда.

– Не называй меня Лурдита! Я уже давно не ребенок! Так вот, по мнению твоего умного сына, эта девица сможет управлять компанией? Сможет сделать нашу семью богаче, принести процветание? Побойтесь бога, да она разорит нас, пустит по миру! Вы серьезно считаете, что состояние семьи Манрике следует спустить на строительство идеального города? И что построит его – она?

– А на что его нужно спустить, мама? – подала вдруг голос Джайса. – На бриллианты? Или на фильмы дяди Алваро? Почему дядя Алваро не считается безумцем, а Антонио счи-

тается? Где та грань, которая отделяет безумных – от нормальных? Дурочку меня – от умной тебя?

– Замолчи, Джайса! – Лурдес смерила ее суровым взглядом.

Девушка поднялась и медленно грациозно потянулась.

– Как я поняла, самое интересное закончилось. Поздравляю, Кристина. Надеюсь, ты подбросишь мне денег на новое платье, если я совсем уж обнищаю.

С этими словами она довольно тепло обняла подругу и вышла из зала.

– Поздравляю, Кристина, – Рей послал ей очаровательную улыбку и последовал за сестрой. – Джайса права, слушать матушку весьма утомительно.

Донья Лурдес, гневно хлопнув дверью, вышла, с ненавистью взглянув на Кристину.

– Дон Алехандро, можно вас на пару слов? – поднялась донья Вельда, тяжело опираясь на стол.

– Разумеется, – адвокат уже собрал бумаги и последовал за пожилой дамой в ее кабинет.

В зале осталась лишь Кристина, дон Габриэль и дон Луис.

– Интересную Антонио заварил кашу, – наконец, улыбнулся Луис, и улыбка спряталась в его седеющих усах, – Он всегда был выдумщиком. Помню, еще в молодости Антонио был заводилой, влипал в разные истории. Так что, завещание вполне в его духе. Сочувствую, моя дорогая, вам придется нелегко. Эти почтенные дамы не остановятся, пока не сжи-

вут вас со свету.

– Но главное, Кристина, зачем вам лезть в холдинг? – Габриэль опустил на стул напротив нее, – Что вы там забыли?

– Если я не буду знать, что происходит, они быстро лишат меня денег. Уверена, донья Вельда не так просто пошла с адвокатом в свой кабинет. Не для того, чтобы выпить чашечку кофе или рюмочку коньяку.

– Паук уже плетет паутину, – согласно кивнул Луис.

– Я хочу, чтобы вы рассказали мне, что собой представляет голосование, чего мне ждать, к чему готовиться? – попросила девушка.

– В голосовании принимают участие директора компании, – ответил Луис. – Они избирают Председателя сроком на три года, потом происходит повторное голосование. Сейчас мы можем только предположить, как все сложится. Разумеется, мы с Габриэлем поддержим вас, так приятель? Этого хотел Антонио.

Дон Габриэль молча кивнул в ответ.

– Джайса меня поддержит.

– Сеньорита Джайса не входит в Совет. Она никогда не интересовалась бизнесом. А вот ее мать, донья Лурдес, совершенно очевидно, будет против вас. Как и Леонардо, который заинтересован сам занять место Председателя. Максимино Флорес тоже будет против. Он спелся с Лео, хотя на самом деле единственное, чего он хочет, это подобраться поближе и оттяпать себе жирный кусок холдинга.

– Кто это? Я никогда не слышала о нем.

– Сеньор Флорес – человек известный. Они с Антонио терпеть не могли друг друга, поэтому вы и не слышали о нем. Максимино, кстати, терпеть не может женщин. Особенно женщин в бизнесе, он считает, что им место разве что в борделе.

– Ну, каждый знает то, с чем привык иметь дело, – хмыкнул Габриэль. – Максимино Флорес – человек с весьма странными привычками, дорогая. Скажу честно, более порочного человека я не встречал ни разу, это человек с черной душой. Способен ли он украсть? Да, несомненно? Убить? Думаю, не раз делал это. Разумеется, не своими руками, хотя, может и своими тоже. Он циничен, жесток, коварен, для него нет ничего святого. Впрочем, вы сами все увидите. Я бы его опасался. Мы не советуем вам, дорогая Кристина, лезть в бизнес, это действительно не дело для юной красавицы.

– Таким образом, получается, что три голоса против и два голоса за, – продолжила Кристина.

– Да, все решат голоса оставшихся членов. Рея, хотя, вероятно он поддержит мать. Алваро, хотя ему тоже с чего бы поддерживать вас... Вероятно, мы сможем рассчитывать на Филомену, вице-президента по вопросам бюджета. Я поговорю с ней. Она женщина, может в ней проснется солидарность, к тому же они с Лео всегда были на ножах.

– Спасибо, спасибо вам, – Кристина улыбнулась немолодым мужчинам, стоявшим перед ней, – Это было самое пра-

вильное решение – пригласить вас сегодня!

– Вы начинаете с правильного решения, а значит, Антонио не зря верил в ваше будущее, – улыбнулся Луис. – Продолжайте в том же духе, графиня. Но подумайте над нашими словами, держитесь подальше от холдинга.

– Я подумаю, – кивнула Кристина.

Когда они оба покинули особняк, Кристина направилась в комнату, где ждала мать. Ей предстояло сообщить Татьяне Серовой, что теперь они очень и очень богаты. На эту информацию мать отреагировала крайне странно, вероятно, в результате шока – не каждый день слышишь, что на тебя свалилось огромное состояние! Она спросила:

– Значит, ты купишь мне новую швейную машинку?

Кристина растеряно кивнула, а потом протянула матери письмо Антонио, чтобы та, прочитав, знала, с чем им придется иметь дело. Пока мать читала, молодая наследница смотрела в окно, раздумывая, что же теперь следует предпринять, с чего начинать? Мысли путались, мешались, убегали, а она была не в состоянии их поймать. Наконец, Кристина поняла, что пришло правильное решение. Она оставила мать, вышла на улицу, пересекла двор, прошла по зеленой лужайке к фамильному склепу, постояла возле могилы мужа, а потом направилась в собор, находящийся на другой стороне улицы. Там, стоя перед статуей, изображавшей Санта-Марию-дель-Консуэло, Богоматерь Утешения, она просила сил и защиты, в надежде, что бог услышит и не оставит ее одну. Она боя-

лась. За свою жизнь и за жизнь родителей, поэтому первым делом решила сделать то, что подсказывало сердце: покинуть мрачный особняк и переселиться в деловой район города, в просторную квартиру, находящуюся рядом с офисом. Отсюда ей будет проще добираться до работы. Отсюда из окна видно море. И здесь она будет, наконец, в безопасности. Родители, разумеется, переехали с ней, одной ей было бы слишком страшно в этом пустом пространстве, она уже так привыкла всегда быть вместе с Антонио!

Вторым шагом было купить матери швейную машинку, которую та просила. А дальше – Кристина начала готовиться к голосованию, она читала все книги по бизнесу, которые попадались ей под руку, знакомилась с делами компании и покупала одежду, то, что она носила в школу здесь не подойдет, как говорится, встречают по одежке. Хотя, о чем тут говорить, слава обманщицы, искательницы приключений, – опережает ее, так что одеждой тут вряд ли поможешь.

Наконец, настал заветный день. Кристина в серо-голубом, жемчужном костюме, от чего ее глаза казались совсем синими, с убранными волосами и черным портфелем с бумагами в руках, прибыла на Совет директоров. Девушка надела очки в черной оправе, в надежде, что они придадут ей солидности, что за этими стеклами спрячутся ее молодость и неопытность, а главное – ее страх, побороть который оказалось невозможно. Что ж, если выберут Лео, – ей придется работать с ним, придется считаться с его решениями, а зна-

чит – пойти на сделку с инвесторами, на которую не смог прийти Антонио в то злополучное утро.

Ее сердце бешено стучало, когда она переступила порог зала заседаний.

Глава 6. Большие перемены

– Рада приветствовать вас, сеньоры, – Кристина наклонила голову, больше чтобы скрыть предательский румянец, заливший щеки. Остальные кивнули, кто более, кто менее вежливо. Она опустилась на предназначенный ей стул и быстро окинула взглядом комнату. Большой зал в серых тонах, с панорамными окнами, вдали голубело море, а внизу мчались машины, виднелись темные крыши домов, шелестели листья деревьев. За блестящим пластиковым столом, длинным, овальным, невероятно прочным, однако производившим впечатление стеклянно-хрупкого, сидели директора холдинга. Леонардо Манрике занял место во главе, прежде его занимал Антонио. Кристина снова почувствовала, как кольнуло сердце, в последнее время это случалось все чаще.

По правую руку от него сидел Максимино Флорес, он оказался невысоким плотным человеком, массивным, но не грузным, с коротко стриженными черными волосами и бородкой, напомнившей Кристине о Доне Кихоте. Хотя комплекция его, скорее напоминала о Санчо Панса. В его взгляде читалось столько неприкрытого высокомерия и насмешки, что девушка даже не смогла понять, проникся ли исполнительный директор холдинга к ней антипатией, ей показалось, что он даже не заметил ее. Однако Кристина ошиблась, Максимино Флорес ее заметил: он обладал феноменальной

способностью смотреть в никуда, но видеть и замечать абсолютно все. И сейчас он пристально разглядывал девушку своим рассеянным, но ничего не пропускающим взглядом.

Сеньора Филомена Раминес-Гарсиа оказалась сухопарой женщиной с птичьими чертами лица, филированной стрижкой «боб», тонким носом и необычайно подвижными руками, которыми она постоянно что-то делала: то постукивала по столу, то крутила ручку, то перелистывала ежедневник, то наматывала на палец волосы, – в общем, ни секунды не сидела спокойно. Ее глаза поражали холодом и смотрели на Кристину цепко и внимательно.

Алvaro сидел по левую руку от племянника, он углубился в принесенную ему газету, отхлебывал кофе из чашки и делал вид, что происходящее вокруг его не касается.

Донья Лурдес сидела за столом напротив Кристины, Рей, как всегда в новом дорогом костюме, занял место рядом с матерью и писал кому-то послание: он никогда не выпускал телефон из рук. Рядом с Кристиной, словно два ангела-хранителя, обосновались дон Луис и дон Габриэль.

– Можно начинать, все в сборе? – Лео окинул взглядом присутствующих. – Тогда, пожалуй, начнем. Сегодня, как вы знаете, у нас необычная повестка. Прежде всего, позвольте представить вам Кристину Манрике де Алькасар, в девичестве Серову, нового члена Совета директоров, супругу моего покойного брата Антонио.

Кристина еще раз вежливо кивнула присутствующим и

еще больше покраснела. Потом дрогнувшей рукой налила себе воды и быстро осушила стакан. Чтобы успокоиться, она принялась смотреть в окно, туда, где на горизонте виднелось море.

– Итак, цель сегодняшнего собрания: путем голосования определить того, кто займет место Председателя, которое прежде принадлежало Антонио. Вашему вниманию представлены две кандидатуры. Кандидатура сеньоры Кристины Манрике де Алькасар, владеющей в настоящее время контрольным пакетом акций холдинга, перешедшего к ней по завещанию ее супруга. И, собственно, мою. Я был заместителем Председателя много лет, поэтому рассказывать мне вам нечего, все мои действия вам известны, судите сами, были ли они на благо компании. Что касается сеньоры Кристины, возможно, она захочет сказать свое слово перед тем, как мы приступим к голосованию. Кристина, у вас есть, что сказать Совету? Возможно, вы хотели бы поделиться с нами стратегией, которую положите в основу развития холдинга?

Кристина откашлялась, переглянулась с обоими ангелами-хранителями, получив их утвердительные кивки в качестве поддержки, и произнесла:

– Уважаемые члены Совета, скажу, что для меня большая честь быть здесь сегодня, но и большое горе, как вы знаете, я здесь лишь по причине смерти моего мужа. Уверена, что если Антонио был бы жив, он нашел бы лучшую из всех возможных стратегий для развития нашего бизнеса. Я лишь мо-

гу предполагать, чего он хотел для компании и к какому будущему стремился. Ясно одно, мой муж не хотел оставаться в традиционной парадигме, но мечтал двигаться вперед, к новому миру, к новым технологиям. Сырьевая отрасль приходит в упадок, принадлежащие компании месторождения из года в год показывают отрицательный прирост добычи и вам это хорошо известно. Мое предложение заключается в необходимости радикальных перемен. Я хочу отдать свой голос за обновленную компанию, за новые дороги, которые, хотелось бы верить, приведут нас к успеху. Большого сказать сейчас не могу, но готова продолжить в случае, если вам будет угодно поддержать мою кандидатуру при голосовании.

– Новый мир – это тот утопический город? – хмыкнула донья Лурдес, Кристина не ответила.

– После того, как мы выслушали пламенную речь юной сеньориты, можем приступать к голосованию? – буркнул Флорес. – А то у меня сегодня еще четыре встречи. Кроме того, я хотел бы до них успеть пообедать.

– Если нет возражений, предлагаю голосовать? – Лео окинул присутствующих вопросительным взглядом. – Я не голосую, Кристина, разумеется, тоже. Таким образом, у нас семь голосующих членов. Итак, прошу, господа.

– Я, разумеется, поддерживаю моего племянника, сеньора Манрике, – Лурдес кивнула в сторону Лео. В этом никто не сомневался, и лишь на тонких губах Леонардо промелькнула легкая улыбка.

– Лично я, – произнес Луис Торреальба, – Глубоко уважаю графа Манрике – младшего, мы много лет работали бок о бок, я высокого мнения о его уме и работоспособности, знаю, он верит в будущее компании и трудится во благо ее. Однако Антонио был моим другом, я догадываюсь, и смею надеяться, что догадываюсь верно, как бы сейчас голосовал он. И потому отдаю свой голос за сеньору Кристину. Надеюсь, она сможет оправдать мое доверие.

– Поддерживаю, – откликнулся дон Габриэль. Кристина робко улыбнулась, улыбнулся и Лео, было очевидно, что произошедшее оказалось предсказуемым, он ждал подобного исхода, не зря же дорогая невестка всюду таскает за собой этих стариканов, несомненно, они в сговоре! Интересно, сколько именно она им заплатила?

– Итак, два голоса за Кристину, один против, – резюмировал Лео. – Кто продолжит?

– Я голосую за Леонардо Манрике, – пробурчал Максимино Флорес. – Сравняем счет.

– А вот я, пожалуй, поддержу молодую графиню, – откликнулся Алваро, не поднимая глаз от газеты. Лурдес и Лео одновременно с изумлением повернулись к нему – Алваро был эксцентричным типом и всегда отличался непредсказуемым поведением, но чтобы настолько!

– Но... – начал было Лео, – Алваро...

– У нас свободная страна, – быстро откликнулся Алваро. – Я голосую так, как считаю нужным. Никто не может мне это-

го запретить, или может?

Лео раздраженно пожал плечами. Луис и Габриэль повернулись к донье Филомене – они потратили добрых два часа, чтобы склонить чашу весов в пользу Кристины. Но не ожидали того, что донья Лурдес потратила куда больше времени, к тому же была куда убедительнее, она использовала скрытые рычаги давления, о которых Луис и Габриэль не имели понятия.

– Голосую за сеньора Леонардо, – спокойно произнесла Филомена, продолжая накручивать свои волосы на палец.

– Итак, у нас ничья, три-три, – Леонардо снова усмехнулся, и хорошее расположение духа вернулось к нему. Кристина была опечалена и взволнована, ангелы-хранители заверяли ее, что голос Филомены у них в кармане, и вот – даже она проголосовала за Лео! Хотя, конечно, они не ожидали подарка в виде поддержки Алваро. Непонятно, что толкнуло его на такой шаг, не желание же быть эксцентричным во всем?

– Рей! – окликнула донья Лурдес сына, – Ты заснул? Остался твой голос, мы ждем тебя. Рей! Чем ты там занят!

– Что? – вздрогнув, Рейнальдо поднял глаза, оторвавшись от экрана телефона, и удивленно посмотрел на мать. – В чем дело? Я пишу важное сообщение.

– Знаю я твои сообщения, – пробормотала донья Лурдес. – Обращаю внимание, что мы все уже проголосовали. И теперь сидим и ждем тебя, ждем, когда твоя светлая персона

отвлечется от своего сообщения и соблаговолит уделить нам внимание...

– Ого! – на красивом лице Рея мелькнула усмешка, а потом он поправил волосы и откинулся на спинку кресла. – Так я последний? И, как я понимаю, у вас ничья? То есть, мой голос – решающий?

– Так уж вышло, – согласился Леонардо.

Повисло молчание, Рей постукивал пальцами по столу, явно наслаждаясь моментом, – сейчас в его власти было обрадовать или огорчить всех этих столь могущественных людей: Лео, Максимино Флореса, мать и молоденькую Кристину. Он взглянул в ее синие глаза, заметил легкое дрожание ее руки, было видно, что она не может справиться с волнением, так как она будет справляться с руководством компанией? Разве такое под силу молодой девушке? Сам бы он ни за что не согласился на подобную роль, во всяком случае, пока.

– Давай быстрее, жрать охота! – прикрикнул на него Флорес, – Долго будешь думать? Как будто, есть над чем!

– Правда, Рей, хватит ломать комедию, – не выдержала сеньора Лурдес. – Голосуй быстрее и по домам. У меня еще уйма дел.

– Разумеется, дорогая мама. Как человек, принадлежащий к семье Манрике и близко принимающий к сердцу все семейные дела, я считаю необходимым проголосовать руководствуясь именно сердцем, а заодно и доводами рассудка. Благо, на этот раз, их мнения совпали, что бывает нечасто.

По крайней мере, в моем случае. Почему-то все, чего жаждет мое сердце, обычно оказывается запретным плодом. Не знаю, так ли у вас или иначе...

– Нельзя ли ближе к делу, – перебил Алваро, – Лирические отступления – это моя стезя.

– Как скажешь, дядя Алваро, – Рей с притворным смирением кивнул, – Без отступлений, так без отступлений. Я голосую за прекрасную графиню. За Кристину Манрике де Алькасар. Таково мое решение.

– Что?! – при этих словах донья Лурдес сначала позеленела от злости, потом посерела, потом ее лицо покрылось пятнами, и она стремительно вскочила на ноги, опрокинув кресло. – Рей! Ты совсем спятил?! Ты идешь против семьи? Против матери?!

– Одумайтесь, маменька, – усмехнулся Рей. – Поверьте, я все делаю исключительно в ваших интересах. Как и в интересах семьи. Просто вы пока об этом не знаете.

Кристина изумленно подняла на него вспыхнувшие от радости глаза, улыбнулась, не веря своему счастью. Неужели, такое возможно! Они проголосовали за нее! Эти люди, уважаемые директора, выбрали ее! Ее, а не Лео!

– Поздравляю, Кристина, – дон Габриэль крепко сжал ее руку, а Луис по-отечески обнял за плечи. Донья Лурдес выбежала из зала, побледневший Лео, едва кивнув Кристине, вышел за ней. Флорес не считал нужным даже попрощаться – подхватил портфель и помчался обедать, донья Филомена,

напротив, вежливо поздравила Кристину с избранием и пожелала ей успехов.

– Пойдем-ка, амиго, покурим с тобой, – предложил Алваро Рею.

– С удовольствием, дядя. Кристина, поздравляю. Сеньоры, с вашего разрешения, – он поднялся и последовал к выходу следом за Алваро.

– Спасибо, спасибо, что поддержали меня! – крикнула Кристина им вслед, от растерянности она не знала, как себя следует вести. – Надеюсь, что смогу оправдать ваше доверие!

– Мое – уже оправдала, – усмехнулся Алваро, после чего они с Реем покинули зал заседаний.

Кристина долго стояла у окна, глядя на бегущие внизу крыши автомобилей, блестящие под дождем. С сегодняшнего дня для нее началась новая жизнь, жизнь в которой она больше не принадлежала себе. Отныне она должна посвятить себя служению, на которое направила ее воля покойного мужа. Что ж, не самое плохое служение. В конце концов, сколько людей доживают до преклонных лет не в силах найти свою истинную цель. Хотя бы этой проблемой меньше. А когда есть ориентир, по дороге идти легче, даже по самой тяжелой дороге.

Этой проблемы нет, зато появилось множество других. Например, нужно ли встречаться с инвесторами. Леонардо хочет этой встречи, как и Флорес, как и донья Лурдес, но хотел ли ее Антонио? Она погрузилась в свои мысли и не

заметила, как пролетел целый час.

А у подъезда, внизу, в зоне специально отведенной для курения, дон Алваро и Рей расслабленно дымили сигаретами, делая вид, что ничего не произошло. Как если бы не они только что решили судьбу огромного холдинга, в котором в разных странах мира трудилось около ста тысяч наемных сотрудников.

Рей запрокинул голову, чувствуя, как на лицо упали первые капли дождя, выпустил изо рта струйку дыма и скосил глаза в сторону непринужденно прислонившегося к стене Алваро.

– И что, дорогой дядюшка, заставило тебя поддержать прекрасную донью? – поинтересовался он со смешком.

– Будто и сам не знаешь, – ответил Алваро чуть погодя, закашлялся и посильнее завернулся в шерстяное легкое пальто цвета хаки.

– Понятия не имею, – Рей пожал плечами. – Тебе это подсказал дух Франклина во время спиритического сеанса?

– Ты ждешь от меня чего-то в таком роде? – Алваро усмехнулся. – Вовсе нет. Что ж, давай, карты на стол, проясним ситуацию. Потому что я тоже не понимаю, какой черт дернул тебя проголосовать за Кристину! Лично я скажу так: я эту даму не люблю. Она глупая рыжая выскочка, и семье она может причинить только ущерб, оно и понятно. Не знаю, о чем только думал Антонио, когда женился и особенно, когда завещал ей деньги.

– Вероятно, о Терранове, – язвительно засмеялся Рей, Алваро хохотнул, оценив его шутку.

– И то верно. Никогда не думал, что он такой идиот. А ведь я даже уважал его! Но продолжу: эту даму, как я уже сказал, не люблю. Но твою мать, мальчик, не люблю еще больше. Так что, да, я пошел на сделку с совестью, только для того, чтобы лишний раз позлить сеньору Лурдес, высокомерную, острую на язык стерву... постоянно оскорбляющую мои сценарии.

– Полегче, дядя! Речь о моей матери!

– В общем, – Алваро еще раз затянулся, – Я закончил. Это все. Против тебя и малышки Джайсы я ничего не имею, Рей. Ты неплохой парень, но твоя мамаша... Когда я увидел сегодня ее перекошенное от ярости лицо – воистину, это был лучший момент в моей жизни! Впрочем, ладно. Твоя очередь. Не удивлюсь, если и ты проголосовал ей назло!

– Да будет, дядюшка, – Рей выбросил сигарету в урну, теперь он казался серьезным, не улыбался, хотя смех продолжал прятаться в глубине его глаз. – Я не настолько эмоционален, чтобы руководствоваться чувствами, принимая серьезные бизнес-решения! Нет, я мыслил в высшей степени логично. Подумай сам. Передо мной два кандидата. Лео, пожилой, умный, отличный стратег, властный, почти тиран. Что лично мне даст его правление? Да он жалел мне подкинуть на карманные расходы, когда я был еще студентом! Правда, я тогда много проигрывал. Ну, да неважно. Итак, с одной

стороны – Лео. С другой – молоденькая, невероятно хоро-
шенькая вдовушка. Которая ничего не смыслит в корпораци-
ях, но мечтает покорить мир, тщеславная. Которая настоль-
ко мало знает о мужчинах, что смогла влюбиться в преста-
релого дядю Антонио. Понимаешь меня? Я всегда нравился
девушкам, кто только не пытался женить меня на себе. Но
глядя на донью Кристину, которая думает, что она прибра-
ла мое состояние, я вдруг подумал, что такая жена мне бы
подошла. Год траура пройдет – не успеешь оглянуться. Кри-
стина дружна с Джайсой, сестра замолвит за меня словечко.
Так что нет, мое состояние так просто не уведешь, Рейнальдо
Альварес знает свое дело. Вот и вся история о голосовании,
дядя. Как только Кристина станет моей женой, наши деньги
снова вернутся в семью. А добиться этого легче, поддержав
ее, не так ли?

– Не знал, что ты так расчетлив, – скупо бросил Алваро,
задумавшись. – Мне жаль бедную девушку.

– Брось! Я не более расчетлив, чем она! Ее хорошо обучи-
ли в математическом классе, смогла посчитать, что принять
предложение графа Манрике выгоднее, чем отказаться!

– Ну, для этого, мне кажется, глубокие знания математи-
ки не нужны. Я вот – чистый гуманитарий, но тоже сообра-
зил бы, – хмыкнул Алваро. – Ладно, идем, герой-любовник,
тут становится прохладно. Знаешь, друг мой, в чем разли-
ца между мудрой старостью и наивной юностью? Не знаешь?
В том, что вот идем мы сейчас рядом. Ты думаешь, старый

дурак этот Алваро, проголосовал только для того, чтобы досадить кому-то! То ли дело я, я умен! Заключил выгодную сделку, сделал отличное вложение! И невдомек тебе, что у этой монеты есть и другая сторона. А она в том, мой друг, что сеньор Алваро свое удовлетворение уже получил, незамедлительно, не откладывая. А вот получишь ли ты – это еще вопрос! Будущее непостоянно, Рейнальдо. Только это я и хотел тебе сказать.

Вместе они пошли на парковку, туда, где ожидали их автомобили. Остальные директора уже разъехались, и только Флорес все еще дожевывал свой обед в ресторане на последнем этаже башни и размышлял, как можно повернуть победу Кристины себе на пользу. Единственное, что ему приходило в голову – лишить девушку состояния, прибрав его к рукам. Но как это сделать? Вот вопрос, над которым стоит поломать голову!

Через несколько дней Кристина все-таки встретилась с инвесторами. На встрече присутствовал Леонардо, ее официальный заместитель, Филомена, а также Луис, которого она назначила своим советником. Инвесторами оказались японские бизнесмены, они подолгу молчали, прежде чем произнести каждую фразу, чем ввергали в серьезнейшее замешательство своих темпераментных испанских собеседников.

Кристина тоже все время молчала и слушала: японцы предлагали заключить контракт на поставку высокотехноло-

гичных комплекствующих, которые могли бы быть использованы на химических предприятиях холдинга «Манрике норте», Филомена пыталась сбить цену, Леонардо кивал и пытался лоббировать сделку, а дон Луис постоянно спорил, хотя предмета для спора вроде и не было, очевидно, его просто раздражала странная манера общения будущих партнеров.

Кристина продолжала молчать и слушать. Она пыталась понять, позволит ли заключенный контракт сделать шаг в сторону выбранной цели или же, наоборот, отбросит далеко назад, заставит последовать ложным путем, уведет в сторону от мечты. Встреча затягивалась, Луис и Леонардо продолжали яростно спорить, и в какой-то момент девушка вдруг поняла, что теряет нить разговора. Мысли стали уплывать, голоса присутствующих куда-то исчезли, она перестала понимать, что происходит и упустила тему обсуждения. Вместо того, чтобы слушать их, продолжая взвешивать варианты, Кристина взглянула в окно и ее взгляд устремился вдаль, туда, где сливалась синева моря с синевой южного неба, по которому величественно плыли белые перья облаков. А по поверхности моря шел корабль. Длинное контейнерное судно, серое, уже разгруженное, оно направлялось в новое плавание: проскользнуло вдоль горизонта – и скрылось вдали.

– Прошу тебя еще об одном деле, тоже невозможном. Избавь от проклятия дона Августина, – вспомнились ей слова мужа.

– Кристина! Кристина! – услышала она, стремительно

обернулась к окликнувшему ее Леонардо и поняла, что встреча подошла к концу, японцы поднялись, прощаясь. Она тут же вскочила, поблагодарила, кивнула.

А когда они удалились и остались лишь представители холдинга, Леонардо спросил:

– Ну, что скажете, сеньора Председатель? Мы готовы подписать контракт и последовать в мир высоких технологий? Дело представляется выгодным и перспективным. По крайней мере, так кажется после обсуждений. Так, Филомена?

Та лишь молча кивнула.

– Да и Антонио хотел с ними встретиться, сама помнишь, прежде чем... все случилось, – продолжил Лео. – Стоит показать контракт юристам и взять паузу, но для меня – вопрос решенный.

Кристина помедлила лишь секунду, а потом решительно покачала головой.

– Нет. Мы пойдем в судоходство, – твердо ответила она.

Лео хохотнул, дон Луис растерянно покачал головой, а Филомена демонстративно закатила глаза.

– Кристина, ты разве не знаешь, что семье Манрике не везет в море? – миролюбиво спросил Леонардо, он даже не разозлился, настолько нелепой показалась ему идея невестки.

– Только что я поняла – лечи подобное подобным, – бесстрастно произнесла девушка. – Мы пойдем в судоходство.

Воцарилось молчание, никто не проронил ни слова.

Через несколько дней Кристина подписала приказ о создании судоходной компании. Подписывая его она, сама не зная почему, вывела ручкой на бумаге «Кристина Алькасар», забыв про «Манрике» и про остальные свои имена и титулы. В дальнейшем именно так она подписывала все документы, которые ей довелось подписать.

Однако в памяти людей и в истории своей страны, а также нескольких других стран, этой девушке было суждено остаться под другим именем, под которым она была известна всем тем, кто говорил о ней, слышал, когда-либо упоминал ее в беседах, кто сочинял про нее истории, песни, шутки, тем, кто рассказывал о безумном замысле – о Терранове, новой земле, непохожей на все другие.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ЖЕЛЕЗНАЯ КРИС

Глава 1. Затонувший корабль

Один из кораблей недавно созданной судоходной компании «Калина Интернешнл» затонул в Мексиканском заливе. Двое из членов экипажа пропали без вести. Об этом без умолку кричали все новостные каналы Европы, а в Испании журналисты снова вспомнили уже позабытую было легенду о Проклятом капитане.

– Боже мой, ну причем тут проклятье, вы же взрослые люди, в конце концов, – протискиваясь сквозь толпу журналистов, Кристина торопливо вытерла взмокший лоб. На улице было уже прохладно, но находиться в толпе невыносимо: душно, жарко и шумно. – Вы же знаете, ураган «Вилма» принес разрушения на острова Центральной Америки, половина Мексиканского залива разрушена! Наш корабль оказался в эпицентре сильнейшего шторма, нам просто не повезло! Руководство компании скорбит о погибших членах команды, их семьям будет выплачена крупная компенсация...

Повторяя заученный текст снова и снова, как заезженная пластинка, Кристина, наконец, пробилась к спасительному

автомобилю, распахнула дверь, прыгнула на сиденье и тут же захлопнула ее за собой. Сидевший рядом Рей сделал знак водителю трогаться.

– Устала? – заботливо спросил он, повернувшись к ней. В его взгляде читались теплота и нежность.

Кристина кивнула.

– Они совершенно невыносимы. Мало того эта история с кораблем, так еще и внимание желтой прессы! – она вздохнула. – Не дают нормально работать.

– Ты дрожишь? – он подвинулся ближе и обнял ее за плечи. – Не нужно принимать все так близко к сердцу!

– А как я могу, мой корабль утонул, погибли люди, меня преследуют журналисты, директора компании меня ненавидят... Ничего не получается, все разваливается, все утекает из рук, как пески времени! – Кристина почувствовала, что у нее на глазах выступили слезы. – За что мне все это... Почему я не могу жить, как нормальный человек...

– Ты же сама выбрала свою судьбу, – напомнил он.

– Да, это точно, – Кристина торопливо вытерла слезы. – Ты прав. Спасибо, что вы с Джайсой поддерживаете меня. Вы очень добры.

– Ты знаешь, как ты важна для меня, – он ласково улыбнулся и осторожно заглянул ей в глаза. Кристина ответила улыбкой, но за этой улыбкой не было ничего, кроме симпатии и благодарности. Еще не время атаковать, если не хочешь упустить богатую добычу, понял Рей, она не оправи-

лась от тоски по мужу, к тому же траур еще не окончен. Со дня смерти Антонио прошло всего полгода... Пока он может быть ей просто хорошим другом, ее доверие нужно заслужить. Но она слаба и напугана, ей нужен союзник, нужна поддержка. Да и спутник, мужчина, тоже нужен. Не станет же она все время жить одна. Значит, следует лишь немного подождать: как только Кристина будет готова, можно начинать действовать. А пока он всегда будет рядом, поддержит в трудную минуту, главное не подпускать к ней других мужчин, не оставлять ее одну!

Кристина не знала о его мыслях, она задумчиво смотрела в окно, на пробегающие мимо сияющие вывески магазинов, на летящие навстречу автомобили, смотрела и не видела. Она думала лишь о том, как не утонуть в этом бушующем море жизни, если она утонет, кто выполнит волю Антонио? Кто станет служить его невыполнимой мечте?

– Ты веришь в это сама? – голос Рея прервал ее мысли.

– Во что?

– В проклятье Августина Манрике. Из-за него затонул корабль?

– Не знаю, – тихо ответила Кристина. – Возможно, это просто совпадение. Корабли тонут, такое случается... Я боюсь думать об этом. Не понимаю, туда ли мы идем, верная ли это дорога... И нет никого, кто мог бы подсказать, посоветовать... А что думаешь ты?

– Я не верю в глупые легенды, – он улыбнулся. – Я верю

в людскую лень. Кто-то плохо осмотрел корабль, вероятно, были какие-то неисправности, которые не позволили пережить шторм.

– И в Терранову ты тоже не веришь?

– Посмотрим, – Рей пожал плечами. – Пока мы не продвинулись ни на шаг, но кто знает, что из этого выйдет! Остановите здесь, пожалуйста.

Водитель остановил автомобиль у дверей небольшого уютного ресторанчика, где их ждали Джайса и Франси, они собирались поужинать вместе в «L'Isidre».

Рей помог Кристине выйти из машины и, бережно придерживая девушку за локоть, направился к ступенькам.

– Я хотела попросить тебя кое о чем, – вдруг сказала Кристина.

– Для тебя, дорогая Крис, все, что угодно!

– Пойдешь со мной на игру? – она подняла на него глаза. – После смерти Антонио я ни разу не входила в игровой зал, мне страшно появиться там одной...

Лицо Рея вдруг стало строже, улыбка сползла с него, а через некоторое время снова появилась. Он вытащил из кармана пачку сигарет, закурил, а потом согласно кивнул.

– Признаться, я не любитель этой игры, есть в ней что-то... жуткое. Даже пугающее. Но хорошо, пойдем, не оставлю же я тебя там одну! Иди, сестра ждет, я покурю и догоню. Не дыши дымом.

Кристина потянулась, благодарно поцеловала его в щеку,

а потом открыла массивную дверь ресторана. Внутри, в теплом пламени мерцающих свечей, казалось, не было времени. Официанты двигались медленно и плавно, полумрак скрывал недостатки, создавая таинственную атмосферу интимности. Здесь не было крикливых журналистов, непонятливых секретарей, ненавидящих взглядов доньи Лурдес и Максимино Флореса... И здесь была Джайса, ее единственная подруга. Конечно, есть еще дон Луис и дон Габриэль, но они намного старше, а так хочется общаться с ровесниками! Институтские подруги теперь сторонились ее, старались держаться подальше, а у Кристины, поглощенной работой, не было времени, чтобы налаживать эти отношения.

Когда три подруги начинают свой путь вместе, и одна из них нуждается в помощи и покровительстве: она хуже одета, у ее родителей совсем нет денег, да и сама она слишком робкая, слишком стеснительная, постоянно сутулится и боится лишний раз открыть дверь в кабинет к преподавателям, у подруг есть отличный повод для дружбы: предоставлять ей опеку, покровительствовать, чуть свысока, иногда, по-доброму, посмеиваться над ней. Они берут на себя роль наставниц, обучают несмышленную женским хитростям, подтрунивают над ее излишне скромной одеждой, пытаются найти ей кавалеров, таких же, разумеется, непривлекательных, как она сама. Благодарность одной и покровительство других оказываются чудесным цементом, чтобы скрепить такую дружбу. Но когда та же самая скромница вдруг волею судьбы оказы-

вається одної из самых богатых женщины страны, цемент исчезает. Покровительницы недоумевают, в растерянности они пытаются понять, что же увидел граф Антонио Манрике в их незадачливой спутнице, а она сама чувствует себя неловко, за то, что он выбрал ее, не заметив более привлекательных подружек. Она начинает мучиться ощущением незаслуженной вины, подруги чувствуют это и обижаются, в трещинах, где еще недавно был цемент благодарности, поселяется плесень зависти... и однажды здание дружбы, казавшееся нерушимым, складывается, словно карточный домик.

Именно такая судьба постигла и дружеские отношения Кристины, но у нее даже не было времени оплакать их. И, тем не менее, она была счастлива, что в ее жизнь вошла Джайса, с которой можно было говорить, не опасаясь хотя бы получить нож в спину. Так казалось Кристине, а уж что там было на самом деле, известно только самой юной красавице, которая сейчас в стильном коралловом платье ожидала Кристину за столиком. Свет свечи мягко озарял ее лицо, ее губы улыбались, слушая, что говорит Франси, крепко державший свою возлюбленную за руку, словно опасаясь, что та вдруг исчезнет, словно прекрасный мираж, растворившись в воздухе, и оставит его одного. Он не доверял Джайсе и панически боялся ее потерять.

– Привет! – помахала свободной рукой Джайса, заметив приближающуюся к ним Кристину. – Как ты? На тебе лица нет! И где ты потеряла моего брата?

– Рей курит на улице, – Кристина опустила на стул, который Франси любезно отодвинул для нее. – Привет, Франси. Денек был не очень. Наверное, вы видели в новостях.

– Да, в последнее время тебя часто показывают по телевизору. Жаль, не всегда по радостным поводам.

– Куда как наоборот, – Кристина мрачно кивнула. – Спасибо, что согласились поужинать со мной.

Потом пришел Рей, они поговорили немного о произошедшем, Джайса возмущалась бестактностью прессы, а потом, когда Франси отошел поговорить по телефону, а Кристина удалилась в дамскую комнату, Рей заметил на руке у сестры кольцо с крупным бриллиантом – такие кольца дарят на помолвку.

– Тебя можно поздравить? – поинтересовался он, отправляя в рот очередную порцию мидий.

– А тебя? – лукаво наклонила голову Джайса.

– Что ты имеешь в виду?

– Не пытайся обмануть меня, сестру обманывать нехорошо! Думаешь, если я дурочка, то не вижу, что ты пытаешься охмурить Крис? Bravo, братец, она отличная невеста!

– Ты все время говоришь глупости, именно поэтому тебя и называют дурочкой.

– Я хотела сказать, что если твои чувства к ней искренние, я порадуюсь за вас. Мой брат и моя подруга! Но если ты просто идешь на поводу у нашей матушки... Поверь, от меня ты увидишь только презрение.

– Причем тут матушка, – Рей поморщился. – Но разве Крис – плохая партия?

– Еще недавно ты так говорил... перед свадьбой дяди Антонио.

– Теперь ситуация изменилась. Крис руководит крупной компанией, она больше не девочка из трущоб. Не так ли? Она богата, красива, она графиня Манрике де Алькасар, в конце концов. Не понимаю, что тебя смущает, Джайса?

– Хотя бы то, что со смерти дяди Антонио прошло всего несколько месяцев.

– Так ведь никто и не торопится. Успокойся, занимайся своими амурными делами, а нас с Кристиной оставь в покое. Сейчас нас волнует только история с затонувшим кораблем. И да, еще игра. Крис попросила меня сходить с ней в выходные, я дал согласие, теперь немного жалею. Но не идти же на попятную... Молодец, что ты не стала играть.

Джайса кивнула, хотела ответить, но не успела, вернулся Франси, почти сразу за ним подошла Кристина, и ужин продолжился.

А тем временем в особняке Манрике, в кабинете синьоры Вельды подходил к концу другой ужин, где также присутствовали четверо: двое мужчин и две женщины. Женщинами, разумеется, были сама Вельда и ее сестра Лурдес. Мужчинами же были Леонардо и дон Алехандро Монтанья, семейный адвокат. Ужин проходил в неофициальной обстановке, но вокруг повисла атмосфера тревожности,

как если бы это была сходка заговорщиков, так встречались подпольные коммунистические группы, планирующие свергнуть кровавого диктатора. И это сходство было неслучайным: почтенные сеньоры собрались именно с такой целью: свергнуть диктатора, в роли которого на этот раз выступала Кристина.

– На мой взгляд, довольно, – скрипучим голосом проговорила Вельда, пригладив седые волосы, – этой девушке дали немало шансов, и что она с ними сделала? Ее сухоходная компания в первом квартале своего существования не только показала феноменальные убытки, но еще и умудрилась похоронить свою репутацию! Мало кому удавалось утопить сухогруз в первые же три месяца!

– Она нас разорит, – подтвердила Лурдес, – Здесь не нужно прибегать к услугам аналитиков. Да и экстрасенсом быть не нужно.

– Вот именно, тетя, ты говоришь совершенно очевидные вещи, – прервал Лео. – Мы добрых два часа сидим здесь и обсуждаем разрушительную беспомощность моей дорогой невестки. Но так и не решили, что с этим делать.

– Я уже предлагала, что с этим делать, – Лурдес пожала плечами. – Но вы не согласились, а другой способ лично мне неизвестен.

Она поплотнее закуталась в дорогой цветастый платок и придвинулась ближе горящему камину, в кабинете становилось прохладно.

Дон Алехандро откинулся на спинку кожаного вино-красного кресла, положил ладонь на его полированную ручку, сделал еще один глоток коньяка, и взглянул на сидевшую перед ним женщину.

– Озвучьте еще раз ваш способ, пожалуйста, донья Лурдес, – попросил он. – К сожалению, я не уверен, что правильно понял его. Правильно ли мы все его поняли.

– Способ более чем простой и старинный. Можно сказать, древнейший. Нет человека – нет проблем.

При этих словах Вельда поморщилась и отвернулась, а Леонардо глубоко задумался. Дон Алехандро сделал еще один глоток, поставил опустевший стакан на низенький столик, постучал пальцами по его поверхности, а потом задумчиво произнес:

– Но, как мне кажется, способ этот в высшей степени незаконный. Идет он против законов государственных и против законов нашей католической церкви, не так ли...

– Вы хотите сказать, что семья Манрике – не добрые католики? – подскочила сеньора Вельда и метнула на него суровый взгляд.

– Ну что, вы моя госпожа, помилуй бог! – он комично замахал руками, словно подчеркивая невозможность даже такой мысли, – Я лишь хочу сказать, что пока есть законные способы справиться с вашим, так сказать, противником, преждевременно прибегать к незаконным.

– Что вы предлагаете? – Вельда выпрямилась и застыла,

словно пантера в ожидании добычи.

– Кристина мало понимает в бизнесе, ее действия ведут к банкротству компании. Думаю, мы сможем вывести ее из игры вполне легитимными способами. Отстраним от управления холдингом, а потом и вовсе вернем случайно попавшее в ее руки благосостояние законным владельцам.

– Если вы знаете, как это сделать, наша благодарность была бы вечной... – просияла донья Лурдес.

– У меня есть несколько вариантов. Важно лишь понимать, насколько умна ваша невестка, сложно ли будет ее провести?

– Она совсем не умна, – Леонардо покачал головой, – если устранить советников Луиса и Габриэля, сама Кристина не может принимать решения, она словно кукла, которая делает то, что ей говорят. Вероятно, она доверяет Рею... Но, согласитесь, с такими друзьями, как Рей, – враги не нужны. Он совершенно ничего не смыслит в бизнесе, понимает только в гулянках.

– Вынуждена согласиться, – донья Лурдес вздохнула. – У меня не получилось воспитать хороших детей. Джайса опять снялась для какого-то каталога купальников. А вы видели эти современные купальники? Это же нижнее белье! Позор для семьи... А эти ее полуобнаженные фотосессии! Если бы наши благородные предки увидели все, что происходит сейчас с семьей Манрике...

Леонардо быстро поднялся, он слишком хорошо знал, что

если Лурдес начинала разговор о предках, это могло длиться несколько часов к ряду. Тетка лучше всех знала семейное древо, прочие геральдические фокусы и чрезвычайно этим гордилась.

– Значит, договорились, – сказал он, пожимая руку Алехандро. – Ждем от вас инструкций и начинаем действовать. Пока попробуем устранить Кристину с помощью финансовых инструментов. Если не выйдет, у нас есть план «Б».

– И какой же? – поинтересовалась Лурдес.

– Ты сама его озвучила тетя. А теперь мне пора, моя супруга уже и забыла, когда видела меня в последний раз, позвольте откланяться и направиться домой.

– Передавай привет жене, дорогой, – Вельда сжала руку сына, после чего Леонардо и Алехандро покинули кабинет, а сестры еще долго рассуждали о том, какой станет их жизнь, после того, как из нее, наконец, исчезнет Кристина Алькасар.

Через несколько дней Леонардо положил на стол Кристине новый проект, который предлагал рассмотреть в кратчайшие сроки. Проект предусматривал покупку новой судостроительной верфи в Индонезии, с тем, чтобы «Калина Интернешнл» могла осуществлять не только перевозки, но и строить корабли нового поколения.

– Ты же не хочешь, чтобы впредь наши корабли снова тонули, – заметил он, – А эти корыта, которые ходят по морю сейчас, ни на что не годны. Если продолжим их использо-

вать, историю Проклятого капитана скоро начнут экранизировать. Как раз на волне популярности «Пиратов Карибского моря»! Ты видела этот фильм, Крис?

– Да, я ходила с подругами, еще в институте. Это было до... до встречи с Антонио.

– Тогда, наверное, ты и подумать не могла, что скоро тоже станешь героиней истории с участием проклятья и исчезнувших кораблей!

– Честное слово, Леонардо, и подумать не могла, – Кристина слегка улыбнулась. Молодую женщину радовало, что в последнее время ее отношения с ним немного наладились, по крайней мере, теперь они могли поговорить, он не вставлял каждую минуту шпильки в ее адрес, в общем, сейчас это были вполне нормальные, рабочие отношения. Возможно, это всего лишь видимость, но не имеет значения, важно, что все потихоньку встает на свои места.

– Одного не понимаю, зачем нам судостроительная верфь? – Кристина открыла папку с презентацией. – В последнее время компания и так несет слишком большие расходы. Остальные участники холдинга задыхаются от непосильной ноши, свалившейся на них в виде «Калины Интернешнл», которая пока не встанет на ноги и не начнет приносить прибыль является лишь потребителем. Почему мы просто не можем закупить пару-тройку новых кораблей у других производителей? И почему в Индонезии?

– На второй твой вопрос ответить проще. Индонезия на-

ходится неподалеку от Сингапура, крупнейшего порта мира, где товарооборот растет год от года. Нам нужно идти в Тихий океан, Кристина, полагаю, хотя бы с этим ты согласна. Кроме того, в Индонезии дешевая рабочая сила.

– Но там сложный климат. Постоянные землетрясения и цунами...

– Не так уж часто. Но мы примем это во внимание. Что касается твоего первого вопроса – ответ на него ты как раз найдешь в том отчете, что сейчас держишь в руках. Там достаточно подробная аналитика, думаю, тебе будет интересно почитать. От себя добавлю лишь, что покупая чужие корабли, мы не можем быть уверены на сто процентов в их надежности. А репутация «Калины» уже хромает, не так ли?

– Так, – согласилась Кристина. – К сожалению.

– Оставляю тебя с отчетом, не буду мешать, – с этими словами Леонардо покинул кабинет, а Кристина погрузилась в изучение материалов.

А потом передала их своим советникам, дону Луису, дону Габриэлю и нескольким аналитикам компании. Изучив представленный отчет, оба советника заметили, что определенный риск есть, но в целом покупка судостроительной верфи представляется весьма и весьма перспективным делом. Ожидаемая прибыль через несколько лет должна окупить вложения и в дальнейшем способствовать росту общей рентабельности компании, снизив ее операционные расходы. Такого же мнения придерживались и аналитики. Их поддержали ди-

ректора компании, кроме Алваро и Рея, но они и не пытались вникнуть в суть проекта, просто привыкли быть всегда в оппозиции.

Столь горячая и всесторонняя поддержка проекта была неудивительна, ведь аналитические материалы действительно выглядели на редкость впечатляюще. Кроме того, их правильность подтверждала информация, которую можно было найти в специальных экономических журналах и в Интернете. Все они, словно сговорившись, расхваливали развитие кораблестроения в Индонезии как очень перспективную сферу.

А все потому, что нанятые доном Алехандро специалисты подготовили на редкость качественный и детально проработанный проект, состоявший из полностью сфальсифицированных материалов, где поддельным было все, начиная от отчетности компании, готовившей продажу судостроительной верфи, до статей в прессе, которые также были написаны по специальному заказу и продемонстрированы Кристине в нужное время.

Все поголовно склонялись к тому, чтобы поддержать проект, требовавший беспрецедентных вложений в полтора миллиарда американских долларов. Разумеется, никто из семьи Манрике не планировал вложить такие деньги в покупку совершенно не нужной, по большей части негодной верфи. Но важно, чтобы Кристина согласилась на эту авантюру, а там уже можно будет заявить о ее некомпетентности,

потребовать отстранения от управления: то, что отчет ей на стол положил Леонардо, рано или поздно забудется. Наоборот, если девушка горячо поддержит проект, можно будет выдать его за идею Кристины, за ее очередное детище, такое же неудачное, как «Калина Интернешнл».

Чтобы склонить Кристину принять нужное решение, донья Лурдес вскользь как-то заметила, что верфь подходит не только для строительства кораблей, но и для строительства всего, чего угодно. Например, для строительства Террановы.

Кристина с изумлением посмотрела на нее, и лишь потом поняла, что именно вызвало удивление: в голосе женщины она не уловила обычного ехидства, с которым та всегда говорила о Терранове. И в этот момент в голове девушки зародились первые сомнения.

Когда, наконец, Совет директоров собрался, чтобы принять решение, Леонардо выступил на заседании с расплывчатым докладом, из которого косвенно следовало, что он готов поддержать проект. Максимино Флорес покивал, Филомена поддержала горячо, как и донья Лурдес. Алваро и Рей воздержались. Габриэль отсутствовал, а Луис, пожав плечами, сообщил, что считает проект рискованным, но без сомнения перспективным, однако заявил, что готов присоединиться к любому решению Кристины. Все повернулись к ней.

– Слово Председателю, – улыбнулся Лео, и его излишне добрая, даже сладкая улыбка, заставила Кристину слегка на-

сторожиться. Но все ждали, и она должна была что-то сказать.

– Я тут посчитала... – еле слышно произнесла она, чувствуя, что краснеет и вот-вот опять начнет заикаться от волнения.

– Ты что сделала? – переспросил изумленный Рей.

– По-пос-читала... – с трудом выговорила она и сделала глоток воды.

– Крис, ради бога, перестань уже мямлить, ты Председатель Совета директоров крупной компании, а не выпускница монастырской школы! Сколько можно-то! – не выдержал Алваро. – Я и так уже давно жалею, что поддержал твою кандидатуру. Идея подать в судоходство была самой идиотской, какую только можно вообразить! Даже от тебя я не ожидал подобного!

– Я произвела некоторые расчеты, – перебила его Кристина, на этот раз громче и тверже. – С точки зрения теории вероятности, вышло, что риски проекта куда выше, чем указано в данной презентации. Здесь не учтены ключевые факторы, я уже не говорю про погодные условия, это ладно, хотя тоже важно, но не учтены и ситуация на рынках Индонезии, и рост стоимости на материалы и комплектующие. Без этих данных отчет выглядит куцо. А вот если их подставить, получается совершенно иная картина и совсем другие цифры... Кроме того, если посчитать статистику за предыдущие годы, получается, что доверительные интервалы при расче-

те вероятностей тоже выбраны неверно, в них присутствуют в большом количестве отклоняющиеся величины, да и качество выборки оставляет желать лучшего.

Кристина толкнула отчет так, что он заскользил по полированной поверхности стола в сторону Леонардо.

– И если учесть эти факторы, то создается впечатление, что индонезийцы не сильны в составлении отчетов. Или намеренно пытаются ввести нас в заблуждение. Или же, что отчет был сфабрикован. Я бы выступала в пользу первых двух версий, если бы не проверила информацию в прессе. Сопоставила даты, когда вышли статьи, отражающие ситуацию в судостроительной отрасли Индонезии, обратилась в несколько серьезных научно-исследовательских институтов, в том числе и в России. Да, там очень хорошая академическая школа, сеньор Леонардо. В следующий раз, при подготовке отчетов, думаю, следует обратиться туда.

Повисла тишина, а потом Рей постучал ручкой по столу, как если бы призывал к порядку и уточнил:

– То есть, проект отклоняем? Я был прав, когда воздержался?

– Ты всегда прав, – Кристина подмигнула ему.

– И угораздило же дядю Антонио взять в жены математика! – сказал он ей со смехом, когда после совещания они отправились в кафе неподалеку, отведать мороженого.

День выдался солнечным и теплым, а в такие солнечные дни всегда хочется съесть мороженого и отправиться погу-

лять, например, в парк Гуэль или по пляжам Барселонеты... Как жаль, что им нельзя этого сделать, как жаль, что нужно возвращаться к работе! Кристина опечаленно вздохнула. Однако, это все не напрасно – раз уж сделал шаг, следует пройти путь до конца, пока не достигнешь цели. Не поворачивать же назад из-за солнечного денька в парке!

Глава 2. Алоиза

На этот раз Алоиза пришла с Мехмедом. Тот был высоким, невероятно крупным темнокожим парнем, недавно прибывшим из Франции, работал дизайнером, но выглядел так, словно являлся американским чемпионом по боксу в супертяжелом весе. И однако, вопреки внешнему виду, Мехмед был мягким, воспитанным, очень интеллигентным человеком, на которого к тому же можно положиться. Его семья жила в Париже давно, он сам родился уже во Франции и потому ничем не напоминал ни беженца, ни мигранта. Если только своей любовью к слишком блестящим вещам: вот и сейчас на нем черная «косуха» с таким невероятным количеством заклепок, что при движении от них рябило в глазах. Алоиза невольно поморщилась. Сама она была в длинном черном платье в пол, приталенном: этот фасон назывался «русалочка» и очень шел стройной девушке.

Она волновалась, поэтому взяла своего спутника под руку, поправила черные как смоль волосы, и тихо сказала:

– Ну что, идем?

– Конечно, – Мехмед улыбнулся ослепительной широкой улыбкой. – Не бойся, все будет хорошо. У нас не так много денег, чтобы было страшно проиграть.

Когда они подошли к двери, Алоиза, пытавшаяся сдержать бешено колотившееся сердце, вдруг обратила внимание

на белый листок, что висел в рамочке на стене у двери.

– Что это? – остановилась она, с удивлением разглядывая листок, в прошлый раз она его не видела!

– Это правила, не обращай внимания, – Мехмед потянул ее к двери. – Идем, скоро начнется!

– Правила?! – изумленно воскликнула Алоиза, – Подожди! Я же так мечтала их прочитать! Почему никто не рассказывает их участникам? Я играла совершенно вслепую, не представляю, как можно было не рассказать нам правила и повесить их вот так, в уголке на маленьком листочке!

– Это не так, – поправил ее Мехмед. – Во-первых, правила всегда рассказывают всем. И ты не была исключением. Исключений здесь не бывает. Тебе рассказывали правила до начала игры. Просто ты была так поглощена происходящим, что забыла их. Все забывают.

– Seriously? – девушка наморщила лоб от усилий, напрягая память, но так и не смогла вспомнить, чтобы кто-то когда-либо рассказывал ей правила. Но, может быть, в прошлый раз она была так увлечена обществом Рони, которое находила очень занимательным, что действительно не слушала, кто и что говорил вокруг нее.

– Возможно, ты прав, но давай хотя бы прочтем сейчас. Раз уж я их забыла. Играть будет легче.

– Ничего не легче, – Мехмед снова потянул ее за руку, – Идем! Поверь, от этих правил ни горячо, ни холодно, они совершенно бесполезны и не помогают играть! Такое ощу-

щение, что они относятся к какой-то другой игре и их повесили здесь случайно. Более того, скажу по секрету, что если попробуешь выполнять их – все проиграешь, а может, и вообще вылетишь из игры. Так что пойдём, здесь никто не играет по правилам.

– Но какой смысл был бы вешать здесь их и озвучивать? – не сдавалась Алоиза. – Зачем было их придумывать и писать, если бы они не относились к игре?

– Они не относятся к игре, поверь.

– Почему ты так уверен?

– Потому что это – игра без правил. Идем, осталось пять минут до начала, мы и так опоздали. Нужно занимать места.

Он решительно направился в игровой зал, и Алоизе ничего не осталось, как последовать за ним, бросив опечаленный взгляд в сторону висевшего в рамке белого листа бумаги.

Когда она заняла место за столом, остальные уже расположились вокруг. Алоиза с неудовольствием ответила, что Микеле сегодня снова был здесь, он даже не ответил на ее вежливое приветствие. Зато донья Бланкес и ее супруг приветствовали девушку очень тепло. Кроме уже знакомых лиц здесь был некий Алексей Озеркин, циркач из России, который не так давно прибыл в Испанию, но каким-то образом уже успел пробиться за игровой стол. Озеркин был невысоким, но очень стройным, как и положено цирковому артисту, у него были коротко стриженные чуть с проседью волосы, пересеченный широкими морщинами лоб и очень бру-

тальная внешность, Алоиза поймала себя на мысли, что ей нравились такие мужчины. Хотя, ее спутник, Мехмед тоже нравился ей все больше и больше.

– Донья Бланкес! – шепнула Алоиза на ухо своей соседке, когда до начала игры оставалось менее минуты. – Вы видели, на входе висят правила игры... Я не успела их прочитать. Вы читали? Знаете, что там написано?

Донья Бланкес лишь махнула рукой и рассмеялась.

– Боже, моя девочка, забудь! Эти правила – такая глупость. Они совершенно неприменимы и написаны для дилетантов. Если хочешь научиться играть хорошо, нужно действовать так, как подсказывают тебе сердце, интуиция, логика. Что угодно, только не эти правила. Они как будто написаны для умственно отсталых. Играй сама, тогда у тебя есть хоть какие-то шансы. Это – игра без правил. Каждый сам за себя. А крупье – за себя.

Алоиза кивнула, чувствуя, что успокаивается. Раз Мехмед и донья Бланкес, не сговариваясь, сказали одно и то же – вероятно, так и есть. Девушка вдруг вспомнила, что слышала нечто подобное и от Рони незадолго до их первой игры. Он тоже упоминал словосочетание «игра без правил», говорил про интуицию и про то, что все установленные законы – совершенно бесполезны. А уж Рони не мог обмануть, он ее опекун и нес ответственность за нее!

Поэтому Алоиза выбросила из головы мысль о правилах и постаралась сосредоточиться, призывая на помощь интуи-

цию, дремавшую где-то в глубине ее существа.

Наконец, стрелка часов показала начало игры, и снова, поражая воображение девушки, прямо из воздуха появилась рука крупье, которая принялась молниеносно раскидывать карты, они аккуратными стопками отправлялись к участникам, а те быстро переворачивали их, чтобы соседи не успели заметить масть и достоинство, делали ставки, а потом карты снова сдавались, и так – бесконечно.

Алоиза потеряла нить игры, наблюдая за Мехмедом, тот вдруг впал в азарт, его зрачки расширились от возбуждения, он говорил громко, кричал, время от времени размахивал руками, иногда обнимал свою спутницу за плечи, крепко прижимая к груди, потом в сердцах швырял карты на стол, за что получил несколько замечаний от крупье, который металлическим голосом сообщил, что еще немного – и Мехмед будет удален из игрового зала за несоответствующее обстановке поведение. Тот постарался взять себя в руки, что давалось ему с явным трудом, а потом Алоиза поняла, что игра подходит к завершению. И тут ей стало по-настоящему страшно. Она вдруг вспомнила джокера с лицом мертвеца, которого держал в руках Рони. Вдруг кто-то снова вытянет эту карту? А что если в колоде есть другие, которые выглядят не менее устрашающе? Предстоял последний расклад, девушка заметно нервничала. Она отыскала на столе руку Мехмеда и крепко сжала ее своей влажной от волнения ладонью. Он ответил крепким пожатием.

Тем временем рука крупье снова замелькала в воздухе, карты полетели в участников, словно магическая колода в сказке «Алиса в стране чудес», и Алоизе вдруг показалось, что сейчас неведомо откуда появится красная королева, которая прикажет отрубить ей голову. Девушка непроизвольно вздрогнула, почувствовав, что руки вдруг стали холодными, а по телу побежали мурашки. Наконец, невидимая рука перестала мелькать, после чего участники потянулись к лежащим рубашками вверх картам. Алоиза перевернула свои. Одной из карт была червонная королева. Девушка снова вздрогнула, перед глазами все потемнело.

И в этот момент приглушенно вскрикнула донья Бланкес.

– Каковы были ставки? – тихо спросила она. – Кажется, я могу стать банкротом... Если только...

– Я поставил на двух черных королей, – холодно бросил Микеле, – И вот, пожалуйста.

Он продемонстрировал свои карты и это действительно оказались два короля: пиковый и трефовый.

– У кого-то еще есть два короля? – поинтересовался металлический голос крупье.

– У меня один король. Я готов отдать его жене, – произнес сеньор Бланкес, передавая карту супруге.

– У меня нет королей, – ответил Мехмед. – Но все карты черные. Вот, посмотрите.

– Как и сам ты, – пробормотал Микеле.

– И как твоя душа, – заметила про себя Алоиза, вспыхнув

от возмущения. Но не решилась произнести это вслух, она была на краю серьезного проигрыша.

– У меня только королева, – тихо сказала Алоиза. – И десятка. Обе красные.

– У меня второй король, – заметил вдруг циркач Озеркин.

– И вы готовы отдать его даме? – поинтересовался крупье, однако без малейших эмоций, как и все, что он говорил до этого.

– Прекрасной даме, – поправил его Озеркин со значением. – Разумеется.

С этими словам он протянул своего короля Алоизе.

– Сеньоры Бланкес и Озеркин выбывают из последнего раунда, – объявил крупье.

– Озеркин даже с небольшим выигрышем выбывает, – заметил Озеркин удовлетворенно.

– Сеньор Мехмед, вы продолжаете или выбываете? – снова спросил крупье.

– У меня тоже небольшой выигрыш, – заметил Мехмед задумчиво. – Я пас, господин крупье.

– Отлично. Ставки сделаны. Господин Микеле играет против двух дам, – произнес крупье. – Если конечно, он не захочет остановить игру.

– Микеле, прошу вас, – тихо сказала сеньора Бланкес, и ее голос дрогнул. – Я не могу потерять все...

Алоиза понимала, что если Микеле сейчас согласиться выйти из игры, все останутся при своих. Иначе – они с до-

ншей Бланкес рискуют проиграть – и проиграть сильно. В конце концов, это всего лишь деньги, но где гарантия, что красная королева не прикажет отрубить им голову?

– Вот еще, – жестко произнес Микеле, облокотившись на зеленое сукно обеими руками. – С какой это стати меня должна волновать ваша судьба, сеньора Бланкес? Каждый сам за себя. Честно говоря, мне совершенно плевать и на вас, и на эту...

Он показал подбородком в сторону Алоизы.

– Играем! – твердо произнес он. – Посмотрим, что нам готовит рулетка!

– Вы мерзавец, – возмутилась Алоиза, – Как вы смеее так разговаривать с женщиной, которая годится вам в матери! А еще музыкант!

– А нечего старухам играть в азартные игры, – дерзко возразил Микеле. – Играйте! Вы же не душу проигрываете!

В эту минуту Алоиза подумала, что Микеле душу свою уже проиграл, потому и держится столь смело, и рискует бездумно, не опасаясь остаться в дураках.

Крупье выбросил новый, сокращенный расклад. Донья Бланкес и Алоиза одновременно охнули – им не повезло. Они проиграли, Микеле выиграл. Бланкесы были на грани разорения, Алоиза отделалась небольшими потерями, но достаточно неприятными, очевидно в ближайшие полгода ей придется существенно сократить свои расходы и отказаться от запланированных трат. Но зато, ни ей, ни Мехмеду не до-

стался пугающий джокер. Что до Бланкесов, без сомнения ей было жаль пожилую женщину, у которой на ресницах дрожали слезы, а походка вдруг сделалась робкой и осторожной, как если бы она боялась упасть и больше не подняться. Муж трогательно поддерживал ее под руку, хотя было видно, что он опечален. И лишь Микеле довольно посмеивался в бороду и улыбался истинно мефистофельской улыбкой.

Когда Алоиза и Мехмед вышли на улицу, сорвали маски, вдохнули свежий воздух, они почувствовали, что сжимавший тисками их сердца страх, вдруг прошел, как если бы его никогда не было. Теперь до следующего тура они будут свободны, возможно, им повезет выиграть однажды, а может быть, кому-то из них удастся главное – понять, в чем смысл этой непредсказуемой таинственной игры, в которой не было правил.

– А вдруг смысл в том, чтобы суметь разглядеть крупье? – предположила Алоиза. Мехмед весело рассмеялся над подобным нелепым предположением, девушка рассмеялась вслед за ним. Да, она потеряла деньги. Какая разница! Зато она молода, здорова, сильна, и с ней Мехмед, с которым, кажется, сегодня им удалось стать значительно ближе. Игра удивительно сокращала дистанцию между людьми. А еще, призналась она себе, ей очень понравился циркач Озеркин. Надо будет сходить на его представление. Разузнать за кулисами... И кто знает... Кто знает, что случается в полутемных тесных гримерных, когда опускается занавес... Но каков же

негодяй Микеле! Откуда берутся подобные? Как таких вообще допускают в игровой зал?

Над этим стоило подумать, но Мехмед и Алоиза постарались как можно скорее выбросить произошедшее из головы, погрузиться в суету Барселоны, тем более, что вечером на скоростном поезде они отправлялись в Мадрид, где у Алоизы должна была состояться первая выставка картин, в частной галерее, принадлежавшей одному из друзей Рони.

Рони всегда заботился о ней. Всегда. Даже теперь. После смерти.

Глава 3. Черная душа

Кристина заперла дверь в свою комнату, задернула шторы, отчего вся комната погрузилась в темноту, после чего опустилась на кровать и замерла, зажав уши ладонями и крепко зажмурив глаза, чтобы не видеть и не слышать. Ее билась крупная дрожь, но молодая женщина знала – это не от холода.

Только что по корпоративной линии сообщили, что у берегов Индии затонул корабль, принадлежавший «Калине Интернешнл». Пятый по счету. Пятый всего за год с небольшим! Почти вся команда погибла. Да, был шторм, и все-таки... Неужели, она совершила ошибку! Неужели, это действительно из-за Проклятого капитана, который топит их корабли! Как такое может быть... Антонио и Леонардо правы, судоходство – запретная тема для семьи Манрике, неужели, она думала, что отбросив часть фамилии, избежит проклятья? Как это было наивно и глупо... рыдания сжали горло, слезы побежали по щекам. А она собиралась больше никогда не плакать! По крайней мере, она не плачет на людях. А у себя, за закрытыми дверями, Кристина проклинала свою несчастную судьбу, проклинала тот день, когда прочла впервые письмо Антонио, когда взвалила на свои плечи эту непосильную ношу. Пятый корабль! Скорее всего, ее компанию будет необходимо закрыть, а ее саму возможно отправят за

решетку, если выяснится, что с кораблем было что-то не так. Но нет... С кораблем все в порядке. Дело в проклятье, иначе и быть не может... Но как с ним бороться? Куда бежать? Что делать? Вокруг холодная пустота и снаружи, и внутри. Нет ничего, за что можно было бы ухватиться, ничего, что вселяло бы надежду. За все эти месяцы, каждый из которых казался длинным, будто столетие, она не сделала ни одного верного шага. Даже те, кто верил и поддерживал ее, казалось, утратили свою веру и теперь поглядывали с сомнением, в их глазах сквозил холодок разочарования, и как бы ни старалась Кристина не замечать его, он с каждым днем креп, ширился, пуская ростки, которые давали отличные всходы благодаря обрушившемуся дождю убытков, дурных новостей и затонувших кораблей.

Неужели, все это из-за дона Августина? Или же из-за нее самой? Ее ошибок, глупости, неумения управлять компанией? Может быть, нужно просто уйти, передав бразды правления Леонардо? И сразу все наладится, бури утихнут, исчезнут штормы и ураганы, и люди перестанут погибать? Днем и ночью думала она о семьях погибших моряков, чувствуя свою вину перед ними, и одновременно сомневаясь в том, что эта вина была.

Если бы Кристина знала правду! Потому что у всего, что происходит в мире, всегда есть причина. И у того, что тонули корабли, тоже была причина. Вот только Дон Августин был тут абсолютно ни при чем. Возможно, его проклятье дей-

ствовало, но, тем не менее, была и другая, куда более реалистичная причина.

И заключалась она в том, что дон Алехандро и донья Лурдес провели вместе долгие часы, размышляя, как бы воплотить в жизнь разработанный план по финансовому уничтожению Кристины, но сделать его таким, чтобы в случае неудачи немедленно запустить план доньи Лурдес, предлагавшей избавиться от конкурентки, прибегнув к физическому устранению. Часами они обсуждали различные варианты, но никак не могли согласиться ни на один из предложенных – каждый из них скрывал множество уязвимостей и подводных камней, и потому один за другим они неизменно отклонялись. И вот тут-то дон Августин подарил им подсказку, сделав это тем способом, каким обычно проклятые родственники подают знаки потомкам: он взглянул прямо в глаза донье Лурдес с потрескавшегося от времени семейного портрета, орлиный взор его черных огненных глаз, казалось, просверлил ее насквозь, а потом она вдруг радостно щелкнула пальцами и, подпрыгнув в кресле, воскликнула:

– Бинго!

– Что-что? – дон Алехандро даже вздрогнул, не ожидая ее возгласа, он поморщился, передернул плечами, откинулся на спинку и уставился на клиентку. – Вы что-то придумали?

– Да, дорогой Алехандро, – донья Лурдес радостно кивнула. – Только что дон Августин подсказал мне отличную идею! Блестящую идею! Что-то из серии «Собаки Баскер-

виллей». Помните, там было древнее семейное проклятье? И происходившие убийства списывали на него?

– К чему вы клоните? – в голосе Алехандро послышался неподдельный интерес.

– Что если нам избавиться от Кристины, но руками донна Августина? Проклятого капитана? Она сама дала нам чудесную возможность, открыв эту безумную судоходную компанию...

– Вы хотите сказать...

– Хочу сказать, что мы сможем использовать ваш план. А если он не сработает – незамедлительно применить мой. Если суда будут тонуть одно за другим – Кристина непременно разорится. Вот и ваш план. Почему они будут тонуть? Какая разница. Людская молва все равно спишет это на проклятье донна Августина. Но главное другое. Если нашей дорогой родственнице удастся избежать разорения, уверена, ей захочется узнать причину происходящего. Рано или поздно ее ножка ступит на один из таких кораблей. И когда он затонет, никто не удивится. Ведь если затонет один корабль – это подозрительно. Но когда тонет множество кораблей...

Алехандро задумался, а потом произнес:

– Вы из тех, кто считает, что книгу надежнее всего прятать в центральной библиотеке?

– Именно, – донья Лурдес кивнула. – А смерть – среди других смертей. Если добавить сюда проклятье – все сходится. Но, дорогой друг, конечно, я надеюсь, до этого не дойдет.

Я же добрая католичка. Надеюсь, Кристина просто поймет, что ее деятельность приносит убытки и добровольно уйдет со своего поста.

– Но несколько кораблей все-таки затонут. И кто-то все-таки погибнет...

Донья Лурдес беспечно пожала полными плечами, закутанная в тончайшую кружевную шаль.

– Совершенно необязательно, – откликнулась она. – Бывают крушения и без жертв. Почитайте об этом.

И однако – жертвы были. В результате пяти крушений погибло шестьдесят восемь человек. И лишь первое из них стало случайным, корабль был опрокинут волной, возникшей в результате налетевшего урагана «Вилма». Остальные четыре выходили из порта, уже имея на борту невидимую печать смерти. Как именно дон Алехандро сумел организовать крушения, история умалчивает, однако, из милосердия он старался, чтобы на борту этих кораблей было как можно меньше членов экипажа, чтобы корабли были оборудованы спасательными шлюпками, средствами связи, надувными плотами и жилетами, а также следил, чтобы поисковые работы начинались незамедлительно. Благодаря этим предосторожностям многих удалось спасти. Но шестьдесят восемь человек погибли.

Кристина, сама того не ведая, несет ответственность за их гибель. Если бы она не села на чужое место, если бы не последовала сомнительным путем, ослепленная безумной меч-

той о Терранове, ничего этого бы не было! Она и только она виновна в случившемся. Да еще Лурдес, придумавшая весь этот чертов план. А он сам... Он сам лишь исполнитель. Наемный работник, которому платят и говорят, что делать. Только и всего. Но уже скоро все закончится. Кристина не выдержит, никто бы не выдержал. Она уйдет добровольно или... или присоединится к прочим жертвам Проклятого капитана. Другого не дано.

На следующий день Кристина пришла на собрание, у нее не было ни сил, ни желания его проводить, но она собрала волю в кулак. Она не могла не прийти. Целью собрания был вопрос, который она же сама и вынесла: выплата повышенных компенсаций семьям погибших моряков.

По вопросам, не относившимся напрямую к деятельности компании, но подразумевавшим существенные финансовые расходы, голосование проходило следующим образом: каждый из членов Совета высказывал свое мнение и голосовал, либо воздерживался. Но при этом, каждый обладал правом вето – если хоть один из участников голосования высказывался против, решение не могло быть принято. Именно поэтому Кристина волновалась больше обычного.

В черном, почти траурном платье, однако с белым воротничком, отчего она напомнила донье Лурдес заблудшую монашку, Кристина появилась в зале заседаний, молчаливая и бледная. Она коротко приветствовала собравшихся, заняла свое место, – Кристина, как и положено главе компании все-

гда стремилась приходиться последней, когда все уже собрались, – а потом бесцветным голосом произнесла:

– Вы знаете, зачем я собрала вас сегодня, уважаемые сеньоры. На нас свалилось столько неприятностей, что не знаю, как компания сможет выдержать эти удары. Наша репутация уничтожена. Наше финансовое положение ослаблено как никогда. Мне жаль, что все это совпало с моим приходом на пост Председателя...

– Совпало? – переспросил Леонардо, язвительно приподняв брови.

– Вероятно, дон Леонардо, вы думаете, что я умею вызывать бури и ураганы, сталкивать суда в море, бросать их на мель... Нет, этого я не умею. В происходящем одни склонны видеть лишь совпадение. Другие – проклятье семьи Манрике.

– А что видите вы? – поинтересовался Алваро.

– Я бы предпочла воздержаться от оценок. Мы собрались по другому поводу. Компания потеряла пять кораблей. И сотни миллионов евро, это вы тоже знаете. Кроме того, мы должны оплатить тот груз, который не был застрахован. Но помимо всего – погибли люди. Для их семей – это невосполнимая потеря. Мы знаем, что деньгами невозможно купить спокойствие, нельзя заплатить людям, чтобы они перестали страдать и вспоминать. Но можно, по крайней мере, облегчить их страдания. В связи с этим я предлагаю увеличить сумму компенсации, положенную каждой семье, втрое. Так

мы сможем помочь пострадавшим, кроме того, окажем пусть минимальное, но положительное воздействие на нашу репутацию. Прошу голосовать.

– Поддерживаю, – тут же откликнулся Рей. В последнее время он всегда поддерживал решения Кристины, к величайшему неудовольствию доньи Лурдес. Но на этот раз на его красивом лице, действительно, застыло опечаленное выражение, и потому даже сама донья Лурдес несвойственным ей тихим и каким-то задушевным голосом произнесла:

– Я – за.

– Я тоже, – кивнул Леонардо.

После него в пользу решения проголосовали дон Луис, дон Габриэль. Алваро только молча кивнул. Донья Филомена, как всегда выжидала. Она была слишком осторожной женщиной, понимала шаткость своих позиций: она не принадлежала к семье Манрике и не была крупным акционером. Поэтому она обычно присоединялась к большинству.

– Ну а я, – Максимино Флорес вальяжно откинулся на спинку кресла, постукивая по полированной поверхности стола серебряной ручкой, – воспользуюсь своим правом вето. Голосую против.

Взгляды всех присутствующих мгновенно устремились к нему, но Флорес лишь довольно усмехнулся в бороду.

– А в чем дело? – поинтересовался он. – Мы почти разорены. А до моряков и их семей, уж простите, мне нет никакого дела.

– Как же так! – воскликнула Кристина с возмущением, – Посмотрите, вся семья Манрике проголосовала «за»! Неужели, мнение таких уважаемых людей ничего не значит для вас, сеньор Флорес!

– Но я не Манрике, милочка. Манрике – добрые католики. Или выражаясь иначе – неплохие ханжи. И вы – первая среди них. А я не ханжа. И потому голосую против, – Флорес с насмешкой взглянул ей в глаза, и на миг Кристине стало не по себе. Вывел ее из этого состояния голос Филомены, которая неожиданно пискнула:

– И я тоже. Также против.

– Что?! – это уже не выдержала сеньора Лурдес, – Но почему, Филя?!

– Потому что у нас нет бюджета, – сухо бросила Филомена. – Нам нечем платить. Или вы думаете, я сижу на мешках с золотом? У нас в ближайшее время оплата поставок, расчеты с контрагентами по крупным сделкам, погашение процентов несколькими банкам. Кроме того, текущие расходы никто не отменял.

– Но речь идет о людях, которые погибли... – тихо сказала Кристина, и ее голос дрогнул.

– Об этом, сеньора Алькасар, вы должны были подумать прежде, чем тянуть нас в эту авантюру с «Калиной», – заметил Флорес. – Поэтому, пусть сердобольные Манрике голосуют за... а вы можете, кстати, выплатить компенсации этим людям, о которых так печетесь, из тех денег, что Антонио

оставил вам лично. Раз уж так хочется казаться хорошей. Или вам нравится разбазаривать только чужие деньги?

– Антонио... оставил мне не так много. У меня нет такой суммы в личном распоряжении, – Кристина покраснела от волнения. С какой стати она должна отчитываться перед этим человеком! Антонио просил, чтобы она тратила на себя как можно меньше, чтобы все отдавала на строительство Террановы и именно это она и собирается делать. Но почему этот неприятный тип лезет туда, куда не должен? Ей казалось сейчас, что он вошел в ее дом, в ее комнату, пытается заглянуть в скрытые, сокровенные уголки, которые принадлежат только ей и покойному мужу, и никому больше. Никому больше. Кристина снова почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы и ее начинает бить дрожь. Наверное, не выдерживают нервы, кажется, она скоро заработает серьезный срыв и ей придется лечь в больницу. Неужели, она оказалась совершенно непригодна для той миссии, которую оставил ей Антонио? Неужели, она настолько слаба?

– Сеньор Флорес, сеньора Филомена, – она постаралась сдерживаться, чтобы не выдавать охватившее ее волнение. – Я прошу вас подумать еще раз. Речь идет о репутации нашей компании. О нашей социальной ответственности. И о жизни людей.

– Людей не вернешь, как и нашу репутацию, – заметил Флорес, и Кристина с ужасом признала, что он был прав.

– Против, – Флорес поднялся, подхватил свою серебря-

ную ручку, которую всюду носил с собой, и, кивнув собравшимся, добавил, – Полагаю, собрание окончено? Я могу идти? У меня еще много дел.

С этими словами он покинул зал заседаний.

– Идиот, какой же он идиот, – пробормотала себе под нос донья Лурдес, когда Филомена тоже ушла. В глубине души почтенная дама мечтала, чтобы однажды ее племянник Леонардо все-таки сумел выкупить долю, принадлежавшую Максимино Флоресу и убрать его из Совета. Или, чтобы Мкасимино ошибся настолько, чтобы его кандидатуру можно было отвести. Неплохо бы, если бы он даже отправился в тюрьму. Например, за уклонение от уплаты налогов. Они с Лео много работали в этом направлении, пытаясь сострять дело об уклонении против Максимино Флореса, но тот был слишком хитер и дьявольски умен. К нему не подкопаться. Говорят, на Флореса было совершено не менее двух десятков покушений, но он каждый раз выходил сухим из воды, как и из всех историй, связанных с нарушением закона.

Лурдес в отчаянии вздохнула и прикрыла глаза. Ничего не получается, все рушится. Компания утекает из рук, избавиться от Флореса тоже не получается, как и от этой безмозглой выскочки. Да и Алваро ее ненавидит. Филомена труслива, на нее нельзя положиться. Джайса, ее родная дочь, уродилась дурочкой. В кого только? Не иначе, как в отца, тот был красив, но не блистал умом. Она выбрала его в свое время за внешность, была очарована его улыбкой, светлыми волоса-

ми и стройной фигурой. И что? Муж оказался самым большим разочарованием в жизни. Только Рей и остается единственной надеждой, лучом света в этом темном царстве. Да, мальчик любит погулять, но он еще так молод. Однажды он должен будет встать во главе холдинга. И пусть сейчас он поддерживает не свою мать, а Кристину Алькасар, очевидно, для него все это просто игра, он развлекается, делает ей, Лурдес, на зло, подначивает, но однажды – все изменится. Лурдес любила сына, что называется, безумно, до помешательства, только с ним она связывала все своим мечты о будущем.

– Мама, ты идешь? – услышала она голос Рея, склонившегося над ней, и торопливо открыла глаза. – С тобой все хорошо?

– Да, – она быстро кивнула, поднимаясь. – Идем. Хотя, конечно, жаль людей. Флорес просто мерзавец.

С этими словами они покинули зал. Алваро и Леонардо ушли еще раньше, и Кристина осталась одна со своими советниками. Она устало положила голову на руки, прижавшись лбом к полированной поверхности стола.

– Ничего не получается, – произнесла Кристина с отчаянием. – Ничего. Как он мог так поступить!

– Другого я и не ожидал, – заметил Габриэль, – Не первый день его знаем, Крис. Только ты и могла надеяться на лучшее.

– Да, девочка, Флорес – мерзавец, каких мало, – поддер-

жал друга Луис. – И ему уж точно нет никакого дела до пострадавших семей. А Филомена просто трусливая дура. Боятся за свой бюджет.

– Бюджет и правда уже трещит по швам, – возразила Кристина. – Да и Флорес в чем-то прав... Это моя вина.

– Не кори себя. Ты хотела как лучше. Ты молода, на тебя столько всего свалилось. И более опытные, бывает, ошибаются, – заметил Луис.

Габриэль ничего не ответил, он отошел к окну и задумчиво смотрел на бегущие далеко внизу автомобили.

– Это правда, что он не платит налоги? – Кристина подняла голову и взглянула на Луиса. – Ходят такие слухи.

– Разумеется, – Луис кивнул. – И это далеко не самое страшное в списке его прегрешений. О Флоресе говорят очень разное. Но все сходятся в том, что он – удивительно неприятная личность. Готов подтвердить, что это именно так.

– В каждом человеке есть добро, – наставительно заметила Кристина.

– Только не в Максимино Флоресе, – хором ответили Луис и Габриэль.

– И что же такого он сделал? – снова поинтересовалась она.

Оба советника опустились на стулья по правую и левую руку от нее и поведали Кристине историю о том, кто такой был Максимино Флорес.

Началась она примерно сорок лет назад, Максимино тогда едва исполнилось шестнадцать. Он был сыном довольно крупного промышленника, единственным сыном. Отец погиб при невыясненных обстоятельствах, так Максимино, еще не достигший совершеннолетия вступил во владение семейным бизнесом. Ходили слухи, что случившееся с его отцом не было несчастным случаем, что именно сын был виновен в его гибели. Что именно он отправил отца в психиатрическую лечебницу, откуда тот не сумел выйти живым. Также говорили, что Максимино сделал это намеренно. Ему не нравилась манера отца вести бизнес, тот казался ему недостаточно решительным, недостаточно жестким. Бизнесмен должен быть другим – сильным, смелым, безжалостным, не знающим колебаний. Он знал, что был таким сам и потому стремился как можно скорее встать у руля. В шторм место у штурвала занимает сильнейший, так говорил он себе самому. Поэтому, едва только Максимино взял бразды правления в свои руки, как быстро сменил сферу деятельности – занялся торговлей оружием, что оказалось весьма и весьма прибыльным делом.

– Кроме того, есть подтвержденные слухи, что он имеет отношение и к наркотрафику, – заметил Луис. – Доказательств прямых нет, но все это знают. Что еще? Подкуп членов правительства. Шантаж. Да, именно шантаж всегда был его излюбленным оружием. Несколько очень крупных предательств. Кроме того, на нем два недоказанных заказных

убийства. Одно из них – убийство крупного политика, выступающего за закон, ограничивающий поставки оружия в развивающиеся страны. Другое – убийство одной пожилой сеньоры, вероятно, из мести или чтобы кого-то утратить.

– Кроме того, помнишь дело с братьями Гарсиа? Флорес разорил их компанию, скупив ее по частям. Один из братьев, не выдержал и с горя покончил с собой. Другой пока жив, но очень сдал. Максимино тогда прибежал к нечестным методам, как впрочем, и обычно. Вот такой послушной список, дорогая Кристина. В семейных изменах не замечен, потому что никогда не был женат. В порочащих связях с женщинами тоже. Насчет мужчин – не слышал. Но, говорят, он является членом одного тайного общества...

– Религиозного? – переспросила Кристина.

– Нет, возможно, даже не оккультного. Но, могу предположить, что их встречи проходят в весьма нетривиальной обстановке. Он любит различные жестокие развлечения, вроде собачьих и петушиных боев, а также подпольных турниров, где участвуют уличные бойцы...

– Какой ужас, – вздохнула девушка. – У него совсем черная душа...

– У Флореса не было матери, отношения с отцом не заладились, вероятно, это сделало его таким, – миролюбиво заметил Луис. – Как бы то ни было, детка, он настоящий mierde. Так и запомни.

– Я запомню, – Кристина не смогла даже улыбнуться его

словам. Неужели, человек, подозреваемый в убийствах, в том числе в убийстве собственного отца, являющийся торговцем оружием и членом подозрительной секты, мог оставаться уважаемым членом общества, входить в Совет директоров крупного холдинга, сидеть с ней за одним столом и накладывать вето на ее решения?! Это же уму непостижимо!

– Кроме того, Максимино Флорес невероятно умен и коварен. Я никому бы не пожелал такого врага, тем более, хрупкой и наивной девочке, – заметил дон Габриэль. – Не связывайся с ним, Кристина, и держись подальше.

– Тем более, тебе и так удивительно не везет! – добавил Луис. – Да ты просто образец неудачливости! Но поверь, все твои проблемы покажутся ерундой, если к ним добавится еще и Флорес в качестве злейшего врага.

– Он и сейчас уже мне не друг, – заметила Кристина, поднимаясь из-за стола.

– Сейчас он не замечает тебя. Обращает на тебя внимания не больше, чем на мелкую пташку. Лео – его противник. Лео и Лурдес. Тот еще тандем. Ты же для него кто-то вроде Алваро, забавная зверушка не от мира сего. Соперником он тебя не считает, и это очень хорошо. По крайней мере, мы можем не так сильно волноваться за твою жизнь.

Слушая их слова, Кристина понимала, что ее советники как всегда правы. Пока она не добилась равным счетом ничего, только ослабила позиции холдинга «Манрике норте» на рынке – их акции никогда не падали так низко, как с момен-

та образования «Калины Интернешнл». Сама того не желая, она играет на руку Максимино Флоресу, и Леонардо, и донье Лурдес. Они выжидают, не нападают, потому что надеются, что она сдастся и уйдет по доброй воле. Или просто рухнет, разлетится на куски, как ледяная фигурка, из тех, что украшали их с Антонио свадебный стол. Они ждут, что Кристина уничтожит сама себя, когда познает всю глубину своей беспомощности, слабости, никчемности.

Что ж, возможно, так и есть. Она никчемна. Но Антонио в нее почему-то верил. А она безгранично верила в него. Граф Манрике был умен и благороден, он не мог ошибаться. И почему-то в этой игре он сделал ставку на нее. Но он ли? Или это сделал за него кто-то другой? Кто-то, кто раздает им карты... Воспоминание вдруг молнией прорезало ее мозг!

Кто-то, кто раздает им карты невидимой рукой....

Глава 4. Шипы и розы

Наступил канун дня всех влюбленных. Кристина никогда не любила этот праздник, он казался ей бессмысленным и совершенно ненужным. За исключением одного-единственного года. Тогда еще был жив Антонио. В тот день он решил устроить жене сюрприз, и они вместе полетели на Мадейру на частном самолете. Это было невероятное, увлекательное приключение, романтическое и даже немного авантюрное. И оно никогда больше не повторится. Они беззаботно гуляли по берегу, Кристина куталась в шерстяное пальто от пронизывающего морского ветра, растрепавшего ее волосы, сверкавшие, словно золото на ярком солнце, она замерзла, устала, но все равно чувствовала себя бесконечно счастливой. Ее глаза сияли, в них было то вечное выражение восторга, изумления и наивной радости, которое так любил Антонио. Она улыбалась, смеялась, бегала по пляжу, и Антонио, догоняя ее, весело смеялся вместе с ней.

Но все ушло безвозвратно. Этот день она встретит одна, да Кристина и не хотела бы ничего другого. Только бы оставить ненадолго дела, забраться с книжкой на диван, укрыть ноги пледом и посидеть в темноте и одиночестве с чашкой ароматного кофе, только бы хоть на день забыть о проблемах, свалившихся на нее, о тонущих кораблях, о падающих акциях.

Джайса постоянно убеждала подругу, что время траура подошло к концу, нельзя хоронить себя заживо, нельзя оставаться в стороне от жизни. Она уговаривала Кристину пойти на свидание, постоянно пыталась познакомить ее с кем-то из друзей своих многочисленных поклонников. Среди них попадались и богатые предприниматели, и аристократы, и кинозвезды, но Кристина неизменно отвечала отказом на все приглашения, и в конце концов Джайса махнула на нее рукой.

– Придет время, и ты сама решишь, что пора выбираться из своей скорлупы. Просто на тебя столько свалилась, – сказала девушка. – Хотя по мне, так клин клином вышибают. Если бы ты снова влюбилась – легче пережила бы потерю мужа.

– Куда мне влюбляться, – Кристина нахмурилась. – Я заварила такую кашу... Мне каждый шаг дается с трудом, на плечах у меня лежит этот неподъемный груз – Терранова... Я словно иду и несу на себе целый город... А еще корабли, твоя мама, донья Вельда, Максимино Флорес и многие-многие другие. Боже, никогда не думала, что у меня будет столько врагов! Разве мне до любви теперь! Нет, пока Терранова не будет построена, а полагаю, что и моей жизни не хватит на это, никакой любви мне не видать. К тому же, что и говорить, я все еще тоскую по мужу. Никого не могу с ним сравнить.

Джайса пыталась понять подругу, но ей, беспечной и легкомысленной, было невдомек, как можно вот так остано-

виться, застрять в одном-единственном моменте, со смертью человека – жизнь другого не заканчивается! Но разве объяснишь это упрямыце Кристине. Что ж, пусть живет, как ей нравится. В конце концов, у каждого есть право выбора.

Не меньшим упрямством, чем Кристина, отличался и Рейнальдо, который едва дождавшись окончания траура, – он выждал на два месяца дольше положенного года, – принялся атаковать Кристину подарками, приглашениями, уже больше не скрывая своих чувств и намерений. Кристина поначалу была изумлена, даже шокирована его признанием, ей никак не приходило в голову, что все это время Рей поддерживал ее не просто так, не из дружеской симпатии, что за этим кроется нечто большее...

Через некоторое время девушка начала подозревать, что племянник ее мужа является не только безумно влюбленным, как он сам себя называл, а имеет и определенные меркантильные интересы. Ведь как иначе объяснить, что Рей, который мог получить любую девушку в стране, если бы только захотел, увлекся именно ею? Кристина знала, что она привлекательна, но все же не первая красавица Испании. Ум и душа вряд ли интересуют Рейнальдо. Что же отличает ее от всех остальных женщин? Только наличие огромного состояния. Причем не просто состояния, а принадлежавшего семье Манрике и теперь медленно уплывавшего из их рук в сторону пока не существующей Террановы.

Вероятно, Рей решил вернуть деньги в семью, попутно на-

ложив на них руку, а потому и принялся ухаживать за Кристиной, потому поддержал ее во время первого голосования и поддерживал неизменно!

Так думала Кристина, и однако со временем Рейнальдо сумел переубедить девушку. Он был таким нежным и деликатным, так тонко чувствовал ее настроение и угадывал малейшие его перемены, казался таким опечаленным, бледным, а иногда наоборот страстным, эмоциональным, почти безумным, какими бывают только влюбленные, что Кристина постепенно поверила, что несчастный и правда стал случайной жертвой Купидона. Как знать, возможно, его привлекали именно недоступные женщины, управляющие большими корпорациями, а может быть, он всегда тайно мечтал увести молодую жену своего могущественного родственника? Может быть, он во всем завидовал Антонио? Чужая душа потемки, никто не знает, что скрывается за завесой, отделяющей одного человека от другого. И потому Кристина прониклась сочувствием к своему другу, кроме того, не могла не замечать, что Рей был обаятельным, привлекательным, молодым в отличие от ее мужа, кроме того пользовался невероятным успехом у женщин. Ей льстило его внимание, когда они вместе приходили в ресторан, в театр или на прием, и все женщины начинали перешептываться, бросать на них взгляды, в которых читалась плохо скрытая зависть, но при этом Кристина не могла не понимать, что чувства, которые она переживала, похожи на легкую рябь на поверхности воды. А

внизу, в глубине, все та же неподвижная толща, холодная, темная впадина, куда не проникают живительные лучи солнца. И если сравнить ее душу с океаном, то Кристина могла бы сказать, что это был океан, в котором не живут даже самые глубоководные рыбы. Мертвый океан.

Зазвонил телефон. Кристина сняла трубку, оглядев себя в зеркале напротив: на ней был черный бархатный халат с глубоким вырезом, выгодно подчеркивающий ее белую кожу и огненно-рыжие волосы, скелотые на макушке шпильками.

– Слушаю!

– Крис, привет! Это Рей, – услышала она его голос, слегка искаженный телефонной трубкой, но все равно глубокий и необычайно приятный. – Что делаешь?

– Да ничего... Привет. Отдыхаю после работы, – с некоторым удивлением ответила она. А что еще она могла делать?

– Ты одна?

– Да, конечно. Родители уехали на отдых, я же тебе рассказывала.

– Отлично. Тогда собирайся. Сейчас заеду за тобой.

– Что-что? – переспросила она с недоумением. – Я никуда не поеду. Уже поздно. И завтра мне рано на работу.

– Прекрати! – его голос смеялся, а потом вдруг стал просительным. – Близится день влюбленных, ты и в этот день собираешься оставить меня одного? Что до твоей работы – как раз ты и имеешь право опоздать. Прекрати, Крис, ты только и делаешь, что работаешь. Пора бы и отдохнуть. В общем,

собирайся, буду через полчаса. Может, минут через сорок. Никакие отказы не принимаются.

С этими словами он отсоединился, а Кристина так и застыла с трубкой в руке. Она не знала, что следует делать. Она не планировала выходить сегодня, чувствовала усталость, к тому же не считала, что день влюбленных – это повод для встречи с Реем. Но с другой стороны, не встречать же постороннего мужчину в этом халате...

Вздохнув, Кристина отправилась переодеваться. Она быстро надела черное приталенное и чуть расклешенное к низу платье, длиной до колена, такое же закрытое и строгое, как те, что она носила еще до встречи с Антонио. Быстро расчесала волосы, провела по губам помадой и застыла, разглядывая себя в зеркале. Стала ли она старше? Кажется, да. Уже не похожа на молодую беззаботную девчонку, что поехала с Антонио на Мадейру. Кто же она теперь? Та же или другая? Задумавшись, она не заметила, как пролетело время, и раздался звонок, извещавший о том, что Рей уже здесь.

Кристина открыла дверь, он появился на пороге с огромным букетом алых роз, которые тут же протянул ей.

– Это тебе!

Кристина чуть укоризненно покачала головой, показывая, что не следовало, взяла протянутые розы, возможно, слишком неловко или поспешно, потому что тут же вскрикнула, уколов руку о шип.

– Осторожно, это не безобидные цветочки! У них есть ши-

пы, – заметил Рей, – Дай-ка взглянуть!

Она показала ему ладонь, на указательном пальце алела капелька крови. Он вытащил белоснежный носовой платок и бережно вытер каплю, потом взял цветы и отправился на поиски вазы. Кристина между тем побрызгала на палец обеззараживающим спреем, который отыскала в аптечке на кухне, и теперь ждала его в комнате.

– Ты очень красивая сегодня, – заметил Рей, поставив вазу с цветами на подоконник. – Ну что, пошли?

– Куда ты хочешь меня отвести?

– Э, нет! – он хитро засмеялся. – Не скажу, это сюрприз. Готова?

Кристина пожалала плечами, поколебавшись, но он решительно взял ее за руку и вывел из квартиры. На лифте они спустились на подземную парковку, где уже стоял его автомобиль. В этом удобство таких домов – можно вообще не ходить по улице, сразу из машины имеешь возможность подняться в квартиру. Просто замечательно! Рей открыл перед своей спутницей дверь, она опустилась на сиденье, он подарил ей нежную улыбку, сел на водительское место, после чего они выехали из гаража и направились в темноту.

Вскоре к удивлению Кристины они выехали из города. Вокруг замелькали крутые горные повороты, дорога все больше напоминала серпантин, внизу темнела оглушающая бескрайняя чернота моря.

– Куда мы едем? – спросила она.

– Я же сказал, сюрприз!

– Не люблю сюрпризы, – поморщилась Кристина. Она продолжала внимательно следить за дорогой, Рей мило болтал о чем-то, она почти не слушала его. Он обладал этим фантастическим умением: не раздражая собеседника, постоянно говорить ни о чем и обо всем, не ожидая никакого ответа. Через некоторое время, читая указатели, Кристина уже догадалась, куда они едут – в фамильную усадьбу, принадлежавшую некогда донье Лурдес, несколько лет назад она подарила ее Рею, и предприимчивый сын довольно быстро превратил дом в симпатичный отель, прекрасно подходивший для романтических свиданий.

Едва автомобиль остановился на освещенной площадке, как тут же появился колоритный швейцар, который открыл перед Кристиной дверь и помог ей выйти из машины. Она поблагодарила, удивленно огляделась по сторонам. Здесь было очень уютно: небольшое двухэтажное каменное здание, выкрашенное в белый цвет, такая же белая мельница неподалеку, мерцающая теплым сиянием подсветка, аккуратно подстриженные кустарники, мощеные дорожки, клумбы у самого входа. Вдали поблескивала гладкая как зеркало поверхность озера.

– Нравится? – Рей улыбнулся, и Кристина кивнула. Он протянул ей руку, она просунула свою под его локоть, они поднялись по ступенькам и почти сразу же попали в небольшой уютный зал, озаренный светом камина. Стены были вы-

ложены из камня, как если бы гостиная находилась внутри небольшой естественной пещеры, по одной из них сбегал вниз искусственный водопад. Других посетителей здесь не было. Рей усадил свою спутницу за деревянный массивный стол, галантно отодвинув для нее стул, а сам опустился напротив. На столе уже стояли бокалы и бутылка вина, подоспевшие официанты тут же подали тапас и неслышно удалились.

– Я думаю, легкие закуски и фрукты будут в самый раз? – произнес Рей.

– Конечно, я вообще не собиралась сегодня ужинать, – Кристина улыбнулась. – Вечно с тобой не знаешь, чего ждать.

– Зато со мной не соскучишься!

– Это точно, – сквозь смех ответила Кристина, и они подняли бокалы.

Рей не стал говорить тост, просто выразительно взглянул ей в глаза, все было понятно без слов. Кристина опустила лицо и почувствовала, как ее щеки покрываются румянцем от смущения и волнения. Она быстро сделала глоток вина, чтобы хоть как-то отвлечься.

Они говорили и говорили, смеялись, шутили, официанты приносили все новые и новые изысканные закуски, и постепенно молодая женщина забыла о том, что ее пригласили на романтическое свидание, забыла, что она вдова и ей надлежит соблюдать траур и грустить, она просто расслабилась, ей

казалось, что она встретила старого друга, которого не видела добрых сто лет и с которым всегда есть о чем поболтать. Дрова в камине уютно потрескивали, вино в бутылке постепенно убывало. Время шло.

Когда стрелка часов приблизилась к полуночи, Кристина вдруг очнулась и встревожено поднялась, поблагодарив за вечер, понимая, что сейчас, как любой порядочной Золушке, ей нужно срочно отправиться домой. Но Рей удержал ее.

– Куда ты вечно убегаешь! – возмутился он. – А как же сюрприз?

– Я думала – это и есть сюрприз, – изумилась Кристина. – Ужин, цветы... Такая чудесная обстановка...

– Нет, – он покачал головой. – Сюрприз ждет тебя наверху. Идем.

Удивившись еще больше, Кристина, не возражая, последовала за ним. Они поднялись по лестнице, прошли по длинному коридору, после чего Рей остановился перед входом в самый большой и роскошный номер отеля и распахнул дверь перед своей спутницей. Она пожала плечами, вошла в полутемный номер, освещенный лишь теплым мерцанием свечей, здесь еле слышно играла приятная музыка. Рей вошел следом и закрыл за собой дверь.

– Стой здесь и никуда не уходи, – произнес он властно, после чего скрылся во второй комнатке, а потом появился из темноты, подошел совсем близко и протянул Кристине черную бархатную коробочку. – Вот, это тебе. Открой.

– Ну что ты... – попыталась возразить она, чувствуя, как вздрогнуло сердце, она почувствовала неожиданное волнение, – Так нечестно! Я же пришла без подарка....

– Зато я – с подарком. Причем с весьма необычным подарком. Открывай!

Поколебавшись, Кристина открыла коробку. Пока она поднимала крышку, все еще надеялась, что в коробочке окажутся красивые серьги. Или брошь. Или подвеска. Но нет. Там лежало кольцо. Чудесное кольцо из белого золота с огромным сверкающим бриллиантом. Такие кольца дарят на помолвку. В изумлении Кристина молчала, а потом подняла глаза на своего спутника, требуя объяснений.

–
Что это значит? – растерянно спросила она.

–
Ну а что... – Рей почесал затылок, пожал плечами и улыбнулся, – То и значит. Твой траур окончен, Крис. Ты не должна быть вдовой вечно. Ты знаешь, как я к тебе отношусь. Мы почти родственники, так почему бы не стать еще ближе?

Он сделал шаг вперед и осторожно обнял ее за талию.

– Кристина Манрике де Алькасар, ты будешь моей женой?

Воцарилось молчание. Перед глазами Кристины мелькнуло воспоминание. Антонио тоже произнес похожую фразу. «Ты будешь моей женой...» и это было недавно! Совсем недавно! Как могло получиться, что их семейная жизнь, едва начавшись, окончилась? Как могло получиться, что уже

почти полтора года его нет, а она – вдова? И вот, уже другой мужчина предлагает ей руку и сердце, а она даже не успела подготовиться. Но почему же колесо жизни крутится настолько быстро... Могла ли она всего лишь три года назад мечтать о том, что самый желанный жених страны сделает ей предложение? Ей, дочери бедных эмигрантов, школьной учительнице, над которой потешались даже любимые подруги!

– Почему ты молчишь? – в голосе Рея послышалось волнение. – Крис, скажи хоть что-нибудь!

Его сильные пальцы сжали ее талию крепче, и это вернуло Кристину в состояние «здесь и сейчас».

– Прости. Я задумалась. Рей, спасибо за кольцо. Спасибо за предложение... Я ценю твоё отношение и твои чувства... Правда. Но это так неожиданно для меня. Совершенно неожиданно! Когда ты сказал «сюрприз», я думала речь идет об ужине или прогулке! Понятия не имела, что ты задумал нечто подобное... Не знаю, после всего пережитого, готова ли я буду когда-то снова рискнуть стать чьей-то женой. Это значит, бояться снова потерять мужа... Это было так ужасно, когда я потеряла Антонио...

– Все будет иначе! Молния не бьет дважды в одно и то же место, – в его голосе послышалась улыбка. – Я же не прошу тебя давать ответ сейчас. Но хотя бы – надень кольцо. Я буду знать, что мы обручены и что ты точно не ищешь другого мужчину...

– Нет, – Кристина покачала головой и протянула ему коробку, а когда он не взял ее, аккуратно поставила на низенький столик, потом освободилась из объятий и отошла к окну. Так нельзя, понимала она, – Даже к обручению я не готова.

Снова воцарилась тишина, нарушаемая лишь легкими переливами романтической музыки, да потрескиванием дров в камине. Рей молча переживал неудачу, а потом, справившись с волнением, приблизился к девушке и ласково обнял ее за плечи.

– Хорошо. Не буду тебя торопить. Не буду настаивать. Пусть все будет так, как будет. Я готов дать тебе время подумать. Но только до утра.

В его голосе снова послышалась улыбка, после чего Кристина вдруг почувствовала его губы на своей шее и вздрогнула: это оказалось неожиданно приятным, и только сейчас она вдруг поняла, как отвыкла уже от подобных ощущений! Ее так давно никто не обнимал! Единственное, что она видела перед собой изо дня в день – суровые, беспощадные лица своих коллег-соперников, конкурентов, родственников, которые смотрели на нее мрачно и пронзительно, словно судьи, готовые вынести ей Высший приговор, судьи, не слышавшие о милосердии и сострадании. Она чувствовала лишь тяжесть своей задачи, огромной скалой придавившей ее к земле, мучительную слабость после каждого шага по этой дороге, высасывающей жизненные силы по капле, страх совершить ошибку, страх за свою жизнь. Боль от потери мужа и

кошмары с тонущими кораблями, которые преследовали ее во сне каждую ночь, и что гораздо хуже – и наяву. Потерпевшие крушение корабли, погибшие люди. Мертвый Проклятый капитан. И рука невидимого крупье, раздающая безжалостные равнодушные карты... Вот и все, что было с ней в эти полтора года.

А сейчас она чувствовала тепло его тела, крепкие руки, обнимающие ее, способные, как в ту минуту казалось, защитить от любых невзгод. Он был живым, он был рядом, его сердце учащенно билось, а дыхание стало прерывистым. Она нужна ему, он стремился к ней так давно... И Кристина ответила на поцелуй Рея, сама того не желая, позволила ему подвести себя к кровати, позволила поцелуям становиться все более страстными, сейчас ей хотелось забыть обо всем на свете, расслабиться, раствориться в этом мгновении, потеряться в бесконечных поцелуях, а потом она вдруг очнулась, когда почувствовала его руку на своем обнаженном плече, с которого спало расстегнутое платье.

В эту секунду что-то словно щелкнуло в ее голове, казалось, она действительно услышала именно щелчок, – так переключают трансформаторы, чтобы иначе направить ток.

Отчетливо и ясно, будто перед ней возник невидимый экран, показывающий кадры таинственного кинофильма, Кристина увидела свою будущую жизнь. Жизнь, в которой не было места любви и чувствам, страстям и эмоциям, привязанностям и отношениям. Жизнь, подчиненную раз и на-

всегда данному обету, одной-единственной задаче. Остальное ушло навсегда. И она перестала ощущать прикосновения Рея, они больше не приносили ни удовольствия, ни успокоения.

Она растерянно отстранилась, натягивая платье обратно на плечи, оттолкнула его руку и пробормотала извинения.

– В чем дело? – он изумленно сел на кровати, схватив ее за запястье, слишком сильно, она даже почувствовала боль и постаралась освободиться.

– Прости, прости, я не хотела тебя обидеть, все прекрасно, правда, – Кристина обращалась к нему, но смотрела куда-то в пространство, словно до сих пор видела мелькнувших призраков, словно король-олень, король Самайна, крылатый темный ангел, что некогда забрал с собой душу Антонио, промчался перед глазами со своим призрачным войском, навсегда унося прочь то, что еще оставалось от ее собственной жизни. – Дело не в тебе, Рей, поверь! Ты очень мне дорог, и ты красивый мужчина, ты нравишься мне. Ты же видишь. Думаю, ты сам почувствовал это сейчас. Я никогда не была с другим мужчиной до Антонио. Это правда, если тебе скажут другое – не верь никому. Про меня ходят слухи, будто бы я известная соблазнительница и искала богатого мужа. А меня даже никто не целовал до него. Как бы смешно это ни звучало. Я все время только училась, никогда никуда не ходила с ребятами. И то, что сейчас я позволила тебе все это, доказывает, что ты мне очень нравишься. Не зря же о

тебе мечтают все девушки страны, а я не сильно отличаюсь от других женщин.

С этими словами она ласково погладила его по щеке, он успел коснуться губами ее ладони.

– И мне было очень хорошо с тобой сейчас, правда, – продолжила она. – Но только что случилось нечто странное... не знаю, как объяснить... Будто бы я видела что-то... Это нельзя описать словами. Словно призрак... видение... Знаю только, что не могу быть с тобой. И ни с одним другим мужчиной тоже. Моя жизнь не принадлежит мне, Рей. Она принадлежит данной клятве. Которую я должна сдерживать, которой посвящу всю себя без остатка. Большие дела не делаются иначе, так ведь?

– Опять эта песня о Терранове! – Рей поморщился и откинулся на кровать, обнимая Кристину за талию одной рукой. – Прекрати, это смешно! Не думаешь же ты, что и правда сумеешь построить небывалый город, такой, какой прежде не построил никто!

– Почему же никто? – в голосе Кристины послышались сомнения. – Может быть, прежде и были такие города.

– Где же? Если только в Атлантиде! – с сарказмом ответил он, а Кристина вдруг замерла, а потом стремительно вскочила, отбросив его руку, и подбежала к окну. Долго-долго она вглядывалась в темноту ночи, и мрак словно рассеивался, или же это рассеялся мрак, окутавший ее сознание? Она вдруг поняла, что именно делала не так, поняла, куда следу-

ет идти и с чего начинать. Сколько времени она стояла, девушка не знала. Голос Рея заставил ее вздрогнуть от неожиданности.

– Крис, прекрати! Ты же не серьезно! Возвращайся ко мне, – он постучал ладонью по кровати, – Прекрати эти глупости и возвращайся! Синица в руках лучше, чем журавль в небе! Я – мужчина, который любит тебя. И я – синица. А журавль, Терранова – город, каких не было и не будет никогда! На Земле его не построить! Ты и сама должна понимать... Не будь фантазеркой, возвращайся! Иди сюда! Ты мне очень нужна, я не могу больше ждать... В конце концов, если ты проведешь эту ночь со мной, от твоего города не убудет, не так ли? Обещаю сделать все, чтобы ты не пожалела о таком решении! Позволь себе немного любви и романтики, что может быть прекраснее для молодой женщины, разве не так?

Он надеялся, что если Кристина все же согласится, если ему сейчас удастся ее уговорить, то наутро чувства к нему станут сильнее, возникнет привязанность, а может даже, страсть или влюбленность, как это уже не раз бывало с другими девушками, покорившимися его страстному напору. Но Кристина стремительно обернулась и посмотрела на него сияющими глазами. На ее губах играла улыбка, та самая, которую некогда так любил Антонио, та самая, которая, казалось, освещала даже непроглядный мрак.

– На земле – нет! – с вдохновением воскликнула она, – На земле совершенный город построить нельзя. Но кто сказал,

что его нельзя построить на воде! На воде, Рей! Это будет город на воде!

– Как Венеция? – переспросил он удивленно, от неожиданности даже забыв на миг о своих любовных желаниях.

– Нет, не как Венеция. Венеция – город у берега. А Терранова будет в море. Далеко-далеко, в открытом океане... Теперь я это знаю!

С этими словами Кристина вдруг быстро подбежала, наклонилась и поцеловала его в щеку, пытаясь таким образом выразить охватившее ее чувство благодарности, а после взяла свою сумочку и пальто и стремительно выскочила из комнаты, разумеется, не взяв кольца. Рей откинулся на подушки и задумался. А потом с недовольным видом поднялся и последовал за ней. Спускаясь с лестницы, он размышлял, стоит или нет отвезить Кристину домой. Это вполне может сделать его водитель, раз уже его самого она отвергла... С другой стороны, если предположить, что у него все еще есть шансы... Но она же ясно дала понять, что шансов нет! Внезапно он почувствовал накатившее раздражение и усталость. Он столько шел к этому, так долго выстраивал стратегию соблазна, надеясь влюбить в себя Кристину. Верил, что она забудет своего престарелого покойника-мужа и согласится принять предложение. Да он и не сомневался, что ответ будет положительным! Никогда еще Рейнальдо Альварес дель Корте Реал не чувствовал себя настолько униженным и оскорбленным, а потому он стремительно развернулся и пошел обрат-

но вверх по лестнице. И пусть Кристина возвращается к себе как хочет. Или, пусть займет любую комнату, благо пустых комнат в отеле хватало. Да, Кристина огорчила и озадачила его, вот уж действительно, у каждой розы есть шипы! Он не ожидал, что девушка окажется столь непокорной, не ждал, что она маниакально предана своим идеям и фанатично следует по пути, который определил для нее умерший супруг. По пути, который ведет в никуда. Да она попросту ненормальная!

А Кристина даже не заметила его отсутствия. Поглощенная нахлынувшими идеями, она прыгнула в машину, попросив молчаливого водителя скорее отвезти ее домой. Она ехала, смотрела в окно, но не видела дороги. Перед ее глазами бушевало море, а над его поверхностью возвышались, устремившиеся в небо стрельчатые башни нового города. Ее города.

Глава 5. Алоиза

На этот раз она была одна. Не было Рони, который отвлекал бы ее постоянными разговорами. Не было и Мехмеда, вечно пытавшегося обнять ее, погладить волосы, поцеловать в висок или в шею. Поэтому сейчас Алоизе нечем было заняться и, увидев скромный белый листок, приколотый у дверей, она приблизилась, чтобы наконец-то спокойно прочитать правила.

По мере того, как она читала, девушке казалось, что она вспоминает: и Рони, и невидимый крупье, действительно, озвучивали ей эти правила прежде. Но вот что примечательно: ни разу во время игры не замечала она, чтобы кто-то правилам следовал. Очевидно, сеньора Бланкес и Мехмед говорили правду, это – игра без правил. И все-таки, Алоиза вытащила из маленького черного клатча тонкую ручку и листок бумаги и быстро переписала основные моменты, чтобы не забыть и, возможно, попробовать, хотя бы раз в жизни сыграть, как положено. Эта мысль наполнила ее сердце странным весельем, ликованием, как и несколько только что выпитых бокалов белой и розовой кавы, холодной, почти ледяной, оставлявшей приятный вкус и дарившей легкость и быстротечное ощущение радости.

Вдохновленная игристой влагой и крамольной мыслью играть по правилам Алоиза в длинном черном платье, укра-

шенном пайетками, вошла в игровой зал, рассеянно кивнула уже знакомым соперникам, обменялась быстрыми взглядами с циркачом Озеркиным, а потом свет померк, раздалась тихая торжественная музыка. Природа этой музыки всегда изумляла Алоизу, она, казалось, имела неземное происхождение, настолько глубоки и проникновенны были аккорды, столько удивительной гармонии было в этих звуках, нежных, мелодичных, а иногда величественных, могущественных, столько экспрессии и души, – никогда за пределами игрового зала она не слышала подобной музыки, даже на органных концертах, даже, когда пел церковных хор или когда посещала она лучшие аудитории в Мадриде и Барселоне. Эти мелодии, казалось, увлекали ввысь, переносили в другие, высшие измерения, наполняя все вокруг удивительной просветленной легкостью, проникая в самые дальние уголки души, наполняя ее торжественным спокойствием. Только здесь, в этой зале и нигде больше, написанные неизвестным гением бессмертные сонаты звучали так, словно это была музыка, иного порядка, музыка, сошедшая с небес, возможно, так поют ангелы, встречая стремящиеся в райские кущи души праведников, только здесь удивительные сочетания звуков казались осмысленными, даже одухотворенными. Необыкновенные мелодии неизменно восхищали Алоизу и дарили удивительное чувство восторга и ликования, вызванное сокровенным, интуитивным знанием: эти мелодии превосходили все, что способны создавать люди.

Однако не успела девушка насладиться чудесными звуками, как музыка смолкла и снова прямо из воздуха появилась колода карт. Крупье приветствовал собравшихся и объявил первую раздачу.

Когда Алоиза взглянула на выпавшие ей карты, она осталась довольна, как и Озеркин, о чем свидетельствовало его лицо – кроме того, он явно пытался выглядеть привлекательно в ее глазах, отчего его движения приобрели некоторый пафос и угловатость. На щеках девушки вспыхнул предательский румянец, однако она постаралась сосредоточиться на игре и главное – не только вспомнить правила, но и применить их.

Когда она проиграла три расклада подряд, сеньор Бланкес воздел глаза к небу, а Томас, вернувшийся в Испанию к этой игре, спросил:

– Моя дорогая, что с вами сегодня? Такое ощущение, простите, что вы совершенно потеряли рассудок! Кто же так ходит? Вы разоритесь в пух и прах!

Алоиза пожала плечами. Она, в отличие от них, всего лишь пыталась соблюдать правила, возможно, в них есть какой-то скрытый смысл, который проявится к концу игры. И пусть сейчас она проигрывает, но в конце обязательно ситуация переменится! Поэтому она не ответила на слова Томаса, как не ответила и на выпады остальных, подсмеивавшихся и подначивающих ее. В конце концов – в этой игре каждый играет сам за себя.

Когда крупье объявил последний расклад, Алоиза была в глубоком проигрыше и уже заметно нервничала, ее рука дрожала и девушка потянулась за очередным бокалом шампанского.

– Алоиза, никак не пойму что с вами, – с характерным русским акцентом произнес Озеркин, задумчиво потирая подбородок. – Я бы рад помочь вам и поделиться картами, но боюсь, это вам уже не поможет...

– Она просто пытается играть по правилам сегодня, вот и проигрывает, – пробурчал Микеле. – Я ведь угадал, так, Алоиза?

Девушка недовольно кивнула, ей было неприятно, что именно этот скрипач сумел постичь смысл ее ходов, поэтому она просто передернула плечами, Микеле рассмеялся, но смех его прозвучал невесело. А потом начался последний расклад.

Алоиза аккуратно посмотрела свои карты – два короля. Сильная комбинация. Однако... если следовать правилам... Стоит ли ей нарушить их и попытаться отыгаться или же – идти до конца? Вряд ли даже выигрыш в этом туре способен поправить ее дела. Но если она пойдет до конца той дорогой, которая указана на белом листочке у двери... кто знает, может быть, невидимый крупье вознаградит ее.

Алоиза бросила карты. Донья Бланкес покачала головой, ее муж приглушенно вскрикнул, а Томас прошептал:

– Безумие... Она совсем обезумела...

Озеркин, обещавший поддержать девушку сильными картами, почему-то хранил молчание и вовсе не пытался спасти прекрасную сеньориту, которая находилась сейчас на грани полного разорения. Алоиза мысленно пыталась посчитать, чему равнялся ее проигрыш, но не требовалось существенных знаний математики, чтобы понять, что она не сможет продолжать вести прежний образ жизни – ей придется отдать все сбережения, отдать галерею, а также то, что она получила в наследство от опекуна... Алоиза с ужасом прижала руку ко рту, чувствуя, как от страха холодеет кровь в ожидании решения крупье.

И в это время итальянский скрипач, вдруг бросил трех тузов поверх ее карт.

– Это – в пользу сеньориты, – произнес он. – А то она проиграется вдрызг. Уважаемый крупье, дайте мне последнюю карту, я отказываюсь от выигрыша в пользу Алоизы.

И пока Алоиза, потеряв дар речи от изумления, смотрела на неприятного человека, что спасал ее сейчас, рука крупье бросила Микеле последнюю карту. Тот перевернул ее. С карты смотрело лицо джокера, того самого, что некогда вытащил Рони. Черное лицо смерти.

– Микеле... – после игры девушка нагнала своего спасителя, пытаясь подстроиться под темп его быстрых шагов, что в длинном платье было не так уж просто, – Спасибо, вы спасли меня! Просто не знаю, как вас благодарить...

– Пустое, – отмахнулся он и в его глазах вспыхнули лу-

кавые искорки, – Конечно, мог бы я попросить благодарности от такой хорошенькой девушки... Но мне теперь настало время, как говорится, подумать о душе... Вы же видели тот череп? Пришел мой час. А вам советую, если больше не хотите проигрывать – никогда не играйте по правилам, они придуманы безумцем и не для этой игры. Запомните.

– Я запомню, – прошептала Алоиза, глядя ему вслед. Она понимала, что никогда больше уже не увидит скрипача Микеле, и думала о том дне, когда рука крупье протянет черного джокера и ей. Рано или поздно этот день настанет, ведь это единственное в жизни, в чем точно не приходится сомневаться. Все остальные события могут и не наступить, но это, единственное, – настанет непременно. Это лишь вопрос времени, и у нее нет ничего более ценного, чем время – отрезок пути между сегодняшним мгновением и черной меткой, что протягивает невидимая неумолимая рука.

Глава 6. Друзья и враги

На следующем собрании Кристина – в честь торжественного случая надевшая ослепительно-белый брючный костюм в стиле «unisex» с блестящей шелковистой поверхностью, который удивительно шел ей и отличался от ее обычных скромных нарядов, – сияя от радости, объявила Совету, что в ближайшее время она приступает к строительству Террановы.

– Теперь, когда у меня появилось главное – идея, концепция, когда я поняла, как именно нужно строить город будущего, каким он должен быть, можно приступать к воплощению, – заявила она, радостно блестя глазами. – Терранова станет городом на воде! Таких еще не было и подобное нескоро повторят, потому что никто не решится на столь безумное и отважное дело. Никто, кроме нас! Но с другой стороны – разве не за этим будущее? Места на суше не так уж много, население Земли растет, а до других планет люди пока не добрались! Впереди еще очень многое – для начала нужно определить ту точку, в которой возможно вести строительство. Место должно быть безопасным с точки зрения сейсмической и штормовой активности, благоприятным по климатическим условиям. Кроме того, мы должны получить согласие на строительство, в случае, если будут выбраны нейтральные воды. Если же Терранова будет расположе-

на в испанских водах – полагаю, нам также придется получить разрешение, но это будет значительно проще. Кроме того, разумеется, нужно выбрать такое место, где глубина не очень велика: мы не сможем строить город там, где под нами будут километры воды. Хотя, об этом я тоже подумала. Вероятно, можно попробовать плавучие платформы, воздушные подушки, которые смогут поддерживать здания на плаву. Возможно, это будет призрачный, дрейфующий город! Но все это – пока только мысли, идеи. Я поговорю с лучшими архитекторами, с ведущими учеными океанографами, наше строительство будет основано на самых современных научных достижениях и новейших технологиях, поэтому, надеюсь, оно будет безопасным, соответствующим всем международным стандартам... И я с радостью делюсь сегодня с вами, моими партнерами, этой чудесной новостью, потому что как только место будет выбрано – мы немедленно приступим к строительству! Тем самым я положу начало пути, по которому мечтал пройти мой супруг, граф Антонио Манрике де Алькасар, и мы сможем воплотить его идеи в жизнь. Разве это не прекрасная новость, сеньоры?

Молчание послужило ей ответом. Улыбка сбежала с лица Кристины. Она увидела, что Рей опять сидел в телефоне и не слушал ее, а скорее, делал вид, что не слышит, потому что после ее отказа, отношения между ними стремительно ухудшились, стали напряженными, можно сказать неприязненными. Ей было жаль, ее бессознательно влекло к нему,

но в то же время, Кристина понимала, что не имеет право удерживать Рейнальдо рядом с собой и играть его чувствами. Он заслуживает нормальной жизни, а у нее – другая судьба. Расстроенная, Кристина повернулась к своим дорогим советникам: дону Габриэлю и дону Луису, но на их лицах застыло суровое и сдержанное выражение, мужчины погрузились в глубокую сосредоточенную задумчивость, размышляя над услышанным только что. Казалось, что у них возникли сомнения относительно замысла Кристины, вероятно, он показался им чересчур смелым. Донья Филомена лишь торопливо перекрестилась, ее жест повторила и донья Лурдес, однако она проделала его несколько насмешливо, а потом повернулась и со значением посмотрела в глаза своему племяннику Леонардо. Тот сжал губы и ничего не ответил даже взглядом, казалось, он тоже раздумывал над словами Кристины. Алваро пробормотал, что из этого безумия получился бы неплохой сценарий для артхаусного фильма в жанре черной трагикомедии, и больше не проронил ни слова. А Максимино Флорес, как обычно, молча смотрел всюду и нигде, словно сказанное Кристиной ни в кое мере его лично не касалось.

Кристина сделала глубокий вздох. В конце концов, ее партнеров можно понять, идея, которую она озвучила, являлась совершенно новаторской, отличной от общепринятых, поэтому им нужно время, чтобы смириться, привыкнуть – и тогда они обязательно поддержат ее! А если нет – что ж, это

только ее дорога, она сможет пройти свой путь и одна. Никогда прежде девушка не чувствовала подобного вдохновения и энтузиазма, словно за ее спиной выросли невидимые, но могучие крылья! Казалось, что душа Антонио была сейчас здесь, с ней и поддерживала ее, наполняя неведомой прежде энергией и счастьем.

Когда они покинули зал заседаний, донья Лурдес взяла под руку Леонардо, и, шествуя рядом с ним по коридору, промурлыкала племяннику прямо в ухо:

– Мне кажется, настала пора позвонить Алехандро, не так ли?

– И как можно скорее, – в голосе Леонардо звучала плохо скрытая ярость. – Пока эта чокнутая окончательно не разорила нас! Нужно действовать быстро, очень быстро! У нас не больше двух-трех недель на все, пока Кристина занимается поиском подходящего места. Как только она выберет его и обратится к властям – будет слишком поздно, ее безумный проект привлечет внимание прессы и тогда такое начнется! Страшно подумать!

– Ты прав, – кивнула Лурдес. – Нужно действовать незамедлительно. Но не бойся, у нас всегда есть план «Б».

– За который мы можем оказаться за решеткой.

– Как и за план «А», – возразила тетка. – Топить корабли, тоже, знаешь ли, не в рамках закона. Но мы вынуждены... Ты понимаешь... Мне и самой все это не нравится...

Леонардо кивнул, а донья Лурдес, едва добралась до дома,

немедленно отправилась в свой кабинет и связалась с адвокатом.

Тем временем Кристина обедала в кафе со своей подругой Джайсой, которая только что подписала рекламный контракт с крупной компанией, производящей спортивную одежду.

– Снова будешь рекламировать купальники? – поинтересовалась Кристина.

– А что, фигура позволяет, – заметила Джайса, откусывая большой кусок аппетитного торта. – Видишь, ем сладости, сколько хочу – и только худею.

– Может, следует проверить здоровье?

– Брось, я отлично себя чувствую! Мне кажется, я такая худая от вредности и глупости. Ничто не идет мне впрок!

– А я думаю, от своих многочисленных романов!

– Тоже верно, – Джайса склонила хорошенькую головку, соглашаясь, – Когда бегаешь от одного парня до другого – здорово сжигаешь калории. К тому же недавно у меня опять случился выкидыш. И к лучшему, не чувствую, что готова стать матерью. С другой стороны – может, было бы не так скучно жить. А вот тебе бы все-таки следовало найти себе мужчину, подруга. Объясни мне, чем тебе не подошел Рей? Многие считают его красавцем! Ты не представляешь, какие отзывы я слышала о нем от подружек! Конечно, я сестра и мне бы не следовало знать, но если хочешь, сейчас расскажу...

– Твой брат замечательный, – быстро перебила Кристина,

и на ее губах мелькнула улыбка. – И он очень мне нравится. Но разве ты не понимаешь, что мне сейчас совершенно не до этого! Все мои дни и ночи заняты работой, а уж как только мы приступим к строительству города... Думаю, мне понадобятся сутки, в которых сорок восемь часов, а лучше все сто! О какой любви ты говоришь!

– Одно другому не мешает, – наставительно заметила Джайса.

– Нет. Я помню, когда мы с Антонио были вместе, я отдавала ему все силы, все свое время. Но теперь у меня нет этих сил и этого времени. А делать что-то наполовину – не умею и не хочу.

– Но Рей – не Антонио. У него полно своих дел, и вам не обязательно жениться. Даже не обязательно жить вместе. Просто попробуйте повстречаться, может быть, слетайте на какие-нибудь коралловые острова! Вы молоды, богаты, почему бы не получать удовольствие от жизни?

– Потому что у меня нет возможности летать на острова, – строго оборвала ее Кристина. – Джайса, ну как ты не понимаешь – нельзя быть руководителем крупного холдинга, строить город, равного которому не было в истории – и летать на острова с поклонниками. Разве ты не понимаешь!

– Не понимаю, – Джайса недовольно поджала губы. – Прости, Крис, но мне кажется, ты говоришь какую-то чушь. Ты сама-то слышала себя? Не зря же тебя не поддержали советники. Возможно, стоит задуматься? Я, конечно, не очень ум-

на, но даже я понимаю, что из твоей идеи ничего не выйдет! Ты только потеряешь все деньги и опять станешь нищей, как раньше. Только и всего.

– Нет, – Кристина упрямо помотала головой. – Нет. Я обещала сделать это, и я сделаю. И никто мне не помешает, Джайса. Я выполню данный обет, чего бы мне это не стоило.

– Ты стала фанатичкой, – пожалала плечами подруга, – Скоро с тобой никто не будет общаться.

В глубине души Кристина понимала, что Джайса в чем-то права, с другой стороны, раз уж она ступила на эту дорогу, то должна идти, не оглядываясь. Не будут общаться: что ж, пусть не общаются, разве у нее есть время на дружеские посиделки и разговоры?

– Мне надо возвращаться к работе, – холодно ответила она, поднимаясь.

А на следующий день из порта Барселоны отправился в рейс корабль «Princessa Leda», сухогруз, на борту которого находились контейнеры с химикатами, произведенными компаниями, принадлежащими семье Манрике. Эти контейнеры предназначались для экспорта, судно должно было пересечь океан и направиться к берегам Латинской Америки. Однако ему было суждено никогда не дойти до пункта назначения – пройдя Гиблартар, корабль неожиданно начал оседать, экипаж обнаружил на борту пробоину, происхождения которой так и не удалось установить. На это не было времени, да и некому было выяснять причину – корабль пошел

ко дну стремительно, хотя экипажу почти в полном составе удалось своевременно покинуть судно. Среди пропавших без вести числился только механик Эухенио Лопес, однако после нескольких суток поисковых операций – и он был обнаружен живым, только сильно страдал от обезвоживания. Лопеса доставили в больницу, где в скором времени он пошел на поправку. Однако весь груз, как и сам корабль, принадлежавший «Калине Интернешнл», был потерян безвозвратно.

Кристина впала в отчаяние, она сочла это дурным знаком, символом крушения своих надежд. Но молодая женщина не знала, что это было лишь началом – до конца недели затонули еще два принадлежавших ей корабля. Один из них – небольшой прогулочный лайнер, на борту которого к счастью не было пассажиров, другой – напротив, огромных размеров нефтяной танкер, который налетел на рифы южном полушарии, где-то в Тасмановом море.

После этого компании Кристины официально запретили осуществлять морские перевозки, были открыты дела, расследующие причины крушения кораблей, в порту и на верфях проходил аудит, и девушка в отчаянии не знала, что ей следует предпринять – к тому же ее осаждала пресса, родственники погибших моряков с танкера требовали компенсаций, а сама она перестала спать по ночам.

Она потеряла сон не только от волнения, молодая женщина боялась даже ложиться спать: ее преследовали кош-

мары, повторявшиеся каждый раз с удивительной точностью: она стояла на вершине высокой и плоской белой башни, Торре Бланка, глядя на озаренное мистическим лунным светом море, ветер развевал ее волосы, вокруг царил полумрак, из которого доносились отчетливые размеренные шаги. Кто-то приближался из темноты: он шел медленно и спокойно и лишь его каблуки постукивали по каменным плитам. Кристина с замиранием сердца вглядывалась в темноту. Она ждала и ждала, прислушиваясь к этим жутковатым размеренным шагам. А потом луна освещала силуэт высокого стройного мужчины, одетого в старинный камзол и рубашку с кружевными манжетами. Он опирался на трость с металлическим набалдашником. Ветер шевелил его длинные, достигающие до плеч темные волосы. Лунный свет падал на его красивое лицо с аккуратной черной бородой-эспаньолкой, и Кристина встречалась с ним взглядом: его глаза, темные и глубокие смотрели на нее, не выражая ничего, а тонкие губы были плотно сжаты. Она ждала, что незнакомец произнесет хотя бы слово – но он только молча смотрел ей в глаза. Потом его лицо вдруг темнело, он отрицательно качал головой, отступал и медленно скрывался в темноте. И она долго-долго слышала, как удаляются его шаги, как постукивает его трость о каменные плиты. Кристина просыпалась, не помня себя от страха: она понимала, что стала жертвой Проклятого капитана и теперь ей не избавиться от его влияния. Антонио просил ее спасти, освободить дону Августина, но

вместо этого она, пройдя по опасному пути, попала под влияние старинной зловещей магии, которая некогда возложила темное пятно на судьбу всех потомков семьи Манрике, подчинив их жизнь неумолимому року. Почему она не послушала советов? Почему была столь самонадеянна? Поверила, что сумеет разрубить этот узел, разрушить вековое проклятье, поверила, что над домом Манрике де Алькасар однажды снова засияет солнце, а удача улыбнется потомкам Проклятого капитана! Но нет, все было напрасно. Он, не произнося не слова, сурово смотрел в ее лицо и скрывался в темноте. Дон Августин был разочарован в ней, так же, как и все остальные, а она стала его новой жертвой, еще одной в бесконечной веренице погубленных морским разбойником.

Это повторялось каждую ночь, после кошмара она включала свет и долго ходила по комнате, не в силах лечь снова. Засыпала она лишь с первыми лучами рассвета, из-за чего иногда просыпалась позже, чем следовало бы в ее ситуации. Но в тот злополучный день ее довольно рано разбудил звонок Габриэля Ортиса.

– Привет, Крис, ты что, еще спишь? – спросил его голос в трубке.

– Доброе утро. Честно говоря, да, – сонно ответила она. – Я почти не спала ночью. Теперь никак не могу проснуться. Что-то случилось?

– Вообще, сомневаюсь, что это утро доброе. У меня для тебя плохие новости.

– Неужели, хуже, чем те, что я получила неделю назад? Когда мне запретили заниматься судоходством? – в голосе Кристины послышалась грустная насмешка, но к ее несказанному удивлению дон Габриэль ответил серьезно и даже как-то торжественно-мрачно:

– Хуже, Кристина. Намного хуже.

Она тут же подскочила на кровати, откинула одеяло, села и напряженно произнесла:

– Что, говорите! Говорите скорее! Что случилось?!

– Страховая компания отказывает нам в возмещении. Говорят, в ходе аудита были найдены серьезные нарушения и теперь наши случаи не являются страховыми...

– То есть... – прошептала Кристина.

– То есть страховых денег мы не получим. И нам придется самим возмещать все потери нашим клиентам, выплачивать компенсации, в том числе и за потерянные корабли, которые были взяты в аренду.

– И... где мы должны взять такие деньги?

– Понятия не имею. Могу лишь сказать, что банки вряд ли будут нас кредитовать, а необходимых сумм у нас нет. Даже если мы вытянем из оборота все деньги.

– Вы хотите сказать... что мне придется отдать то, что досталось мне от мужа? Деньги, которые должны пойти на строительство Террановы? Но... я пока не нашла инвесторов, а при моей теперешней репутации... вряд ли когда-нибудь найду.

– Сожалею, Крис. Боюсь, у тебя нет выхода. Я поспрашивал у знающих людей – кредитовать нас никто не готов. Все осуждают твою идею с судоходством, к тому же столько затонувших кораблей – это безумие. Ты же понимаешь?

– Я понимаю, что это вряд ли случайность. С точки зрения теории вероятности, не может быть, чтобы все время тонули именно наши корабли. Значит...

– Ты говоришь о проклятье дона Августина?

– Возможно. Возможно, дело в проклятье. Но может быть, речь идет о чем-то гораздо более прозаичном? Как вам «проклятье доньи Кристины», например?

– Думаешь, кто-то специально устроил все это, чтобы потопить тебя и твою компанию? Но кто?

– Например, господин Флорес? Вы же говорили, что у него репутация бандита, и он не гнушается дурными методами? – предположила Кристина. – Кроме того, он давно мечтал прибрать наши компании к рукам. Сейчас у него появится замечательный шанс.

– Стоит подумать над этим, – задумчиво произнес дон Габриэль. – Но пока, могу сказать, есть еще одна новость. И тоже плохая. Да, Крис, сегодня у меня две новости и обе плохие! Совет хочет поднять вопрос об отстранении тебя от руководства компанией. Если тебе придется отдать все свои финансовые средства для компенсации убытков – ты будешь разорена. Тогда вряд ли кто-то поддержит тебя. Тебе придется уйти с поста Председателя.

– Я понимаю, – Кристина вздохнула. – Не скажу, что это будет совсем уж неправильным решением. Я проиграла по всем статьям, дон Габриэль. Я очень хотела как лучше, но проиграла... Теперь мне вряд ли удастся исполнить данную мужу клятву.

– Иногда все меняется в последний момент, – заметил пожилой советник, – Жизнь преподносит сюрпризы, а надежда остается всегда.

– Боюсь, что все сюрпризы жизнь мне уже преподнесла, – сухо заметила Кристина. – И с меня довольно. Спасибо, что предупредили, дон Габриэль. И за то, что разбудили тоже спасибо, пора просыпаться. Иначе опять опоздаю на работу.

– Не отчаивайся, Крис, мы с Луисом подумаем, что с этим делать.

– Спасибо.

– Не за что. За это ты нам и платишь.

С легкой улыбкой Кристина попрощалась с ним и отключилась, а потом трубка выскользнула у нее из рук и с глухим стуком упала на пол. Кристина закрыла лицо руками и замерла, казалось, на ее плечи обрушилось само небо. Во всяком случае, сейчас она отлично понимала древнегреческого Атланта, державшего небосвод на своих могучих плечах. Вот только она не была дочерью богини, не обладала могучими плечами и потому задача эта оказалась непосильной для хрупкой девушки. Через несколько минут Кристина приняла решение – выплатить компенсации из тех денег,

что оставил ей Антонио, добровольно сложить с себя полномочии и отказаться от мечты о Терранове. После этого она снова станет той, кем была, – Кристиной Серовой, которая наконец сможет вернуться с родителями в Россию и начать жизнь заново. Она еще так молода, ей недавно исполнилось всего только двадцать пять! Наконец-то она снова будет свободной, независимой, избавится от этой чудовищной золотой цепи, от непосильной ноши, от чужой судьбы! Она может пойти учиться дальше или снова вернуться в школу, сможет исполнить просьбу Антонио и найти другого мужа, родить детей и просто жить, жить обычной нормальной жизнью! Такой, как у всех! Впервые за долгое время, Кристина ощутила, как в глубине души вдруг воцарился покой. И пусть это был покой ледяного безразличия – все ж он был лучше мучительных кошмаров, что преследовали ее в последние дни.

Когда подошел день заседания, где решался вопрос о компенсациях и одновременно – об отстранении Кристины, она даже не волновалась. Она пришла, бледная и спокойная, практически без макияжа, как всегда в строгой одежде, которая в сложившейся обстановке снова казалась траурной.

Оба советника тепло пожали ее руки, стараясь выразить поддержку, молча, без слов, остальные смотрели на Кристину с выраженной неприязнью. Только Рей даже не поднял головы, как всегда погруженный в переписку с кем-то в своем телефоне, да Максимино Флорес опять окинул ее рассеянным взором, как если бы не заметил вовсе.

На лице доньи Лурдес светилось торжество: женщина была невероятно счастлива, что ее план наконец-то сработал! Кристина скоро покинет это кресло, а не за горами день, когда она покинет и их семью, их жизнь, тогда все снова станет таким, как прежде! Конечно, семья понесет колоссальные убытки, но хотя бы избавится от рыжеволосой выскочки, которая взяла на себя слишком много!

Кристина медленно и размеренно зачитала повестку, потом сообщила, что готова компенсировать все те убытки, что возникли в результате крушения кораблей, судебных разбирательств и приостановки работы «Калины Интернешнл» из своих собственных средств, после чего предложила проголосовать по этому решению. Решение, как она и ожидала, было одобрено единогласно. Кристина вздохнула и понимающе кивнула. На строительстве Террановы был отныне поставлен крест.

– У нас осталась вторая часть повестки, – тихо произнесла она. – Сеньор Леонардо поставил вопрос о моем отстранении от управления компанией. Справедливый вопрос, учитывая обстоятельства. Прошу вас проголосовать, так, как считаете нужным. Я, разумеется, не голосую. Вопрос решается единогласным голосованием, у каждого есть право вето. Я прошу своих советников, сеньора Торреальбу и сеньора Ортиса не пользоваться этим правом. Я готова оставить пост добровольно. Прошу голосовать.

Разумеется, донья Лурдес, Филомена, Леонардо и Алва-

ро тут же согласно кивнули и подняли палец, что означало, что они одобряют решение. Дон Луис покачал головой, но выполнил просьбу Кристины, как и дон Габриэль. Девушка подняла глаза и с интересом ждала, как проголосует Рейнальдо, еще недавно он был так влюблен в нее! Посмотрим, будет ли он также влюблен теперь, когда она лишилась своих денег!

Не поднимая глаз от экрана телефона, Рей кивнул головой, проголосовав за отстранение Кристины, и, как ни в чем ни бывало, продолжил переписку. На ее губах промелькнула улыбка, эта улыбка не была веселой. Жаль, а она верила, что его отношение было искренним. В тот день в отеле, она почти была готова остаться с ним. Он казался таким влюбленным тогда... Хотя, как она могла быть наивной настолько!

– Единогласно, – заключила она. – Благодарю вас за совместную работу.

– Постойте, – раздался низкий голос Максимино Флореса, – А меня вы за человека не считаете, сеньора Алькасар?

И Кристина с изумлением поняла, что она просто забыла про него! Сказалась усталость и напряжение последних дней. Он сидел, скрестив руки на груди, и вызывающе смотрел на нее.

– Простите, сеньор Флорес, – она смущенно покраснела и опустила глаза. – Наверное, я просто знаю, как вы проголосуете...

– Вы всегда слишком самоуверенны и всегда все знаете

лучше всех, – оборвал он. – Я голосую против.

– Что?! – она подпрыгнула от изумления, уставившись на него широко раскрытыми глазами, и ее оцепенение и усталость как рукой сняло, а сердце бешено забилося, да и остальные присутствующие повернулись к Флоресу, не менее удивленные, даже шокированные, чем сама Кристина. – Вы?! Но почему? Вы же терпеть меня не можете...

Это вдруг вырвалось против воли, и Кристина еще больше покраснела.

– Наконец-то, хоть в чем-то вы правы, пожалуй, впервые с того дня, как сели в это кресло, – довольно улыбнулся Флорес. – И, тем не менее, я голосую против.

– Хочешь показать свою власть? Попортить нам крови? – хмыкнула Лурдес, – Что даст тебе твое право вето?

Он не обратил на ее слова ни малейшего внимания, как если бы женщины и вовсе не было здесь, а спокойно продолжил:

– И это еще не все. Я хочу докапитализировать холдинг «Манрике норте» за счет своих личных средств. Чтобы вернуть донье Кристине все, что она потеряла сегодня.

– Что?! – теперь вскричали хором все и даже выронивший телефон Рей – ситуация выходила из-под контроля! Должно быть это – неудачная шутка!

– После того, как докапитализация будет произведена, замечу, сеньора Алькасар станет еще богаче, чем прежде, если подобное вообще возможно.

– На... на к-к-каких условиях? – заикаясь, спросила Кристина, она не верила в услышанное, более того, в его словах она чувствовала подвох, но не могла понять, где именно он скрыт.

– А не на каких, – спокойно ответил Флорес. – Просто потому, что я так хочу. Довольно с вас этого?

– То есть – ты готов передать свое состояние своему врагу просто так? Отказаться от денег, от всего, что имеешь? – не поверила донья Лурдес. – Да брось! Это чушь!

– Максимино, что с тобой, ты здоров? Скажи, что ты неудачно пошутил, – произнес Лео. Он был бледен, а на его широком лбу, совсем как у Антонио, выступили капли пота. Кристина протянула ему носовой платок, она сделала это машинально – он был так похож на ее мужа. Лео принял его и вытер лицо – тоже машинально, он был слишком сосредоточен на происходящем, а Флорес наслаждался произведенным впечатлением. Эффект неожиданности, что может быть лучше!

– Совсем нет, – вальяжно заметил он. – Я серьезен как никогда прежде. И если донья Кристина согласна на мое предложение – хочу объявить это затянувшееся собрание оконченным и приступить к своим делам. Это вы тут все бездельники, а мне нужно работать. Процесс докапитализации мои помощники позже обсудят с Филоменой и вашими юристами.

С этими словами он поднялся, но остальные продолжали

сидеть, словно пригвожденные к стульям.

– Поздравляю, – наконец, холодно произнес Рейнальдо, – Только ты одна в целом свете умеешь разоряться для того, чтобы стать еще богаче!

С этими словами он вышел, громко хлопнув дверью.

– Умно, умно, донья Кристина, очень умно! – подхватил Алваро и тоже покинул помещение. Кристина и ее советники ушли следом за ним, от пережитого потрясения девушка отказывалась понимать, думать, рассуждать – она просто шла за своими не менее потрясенными сторонниками, словно сомнамбула.

Когда Леонардо и донья Лурдес остались одни, она кинула на племянника быстрый взгляд пронзительных черных глаз и произнесла:

– Кажется, настало время для плана «Б».

– Без всяких сомнений, – вздохнул Леонардо. – Это уже переходит все возможные границы.

Через несколько дней после завершения сделки по докапитализации холдинга «Манрике норте» за счет средств компаний Максимино Флореса, в квартире Кристины раздался звонок. Говорил дон Хименес, руководитель «Калины Интернешнл». Он просил ее приехать в порт, чтобы лично убедиться в тех нарушениях, что обнаружил аудит. Более того, он попросил Кристину подняться на борт одного из кораблей, чтобы удостовериться, что все найденное аудиторами – является правдой. Однако дон Хименес сохранял стран-

ную таинственность, отказывался говорить Кристине по телефону, какие именно нарушения были обнаружены. Встреченная, Кристина пообещала прибыть в порт незамедлительно. В конце концов, она и сама понимала, что ей давно пора отправиться в небольшое плавание, чтобы понять, почему именно тонут ее корабли.

В глубине души она искренне верила, что как только окажется в открытом море и выйдет лунной ночью на палубу, вдали появятся высокие мачты старинного фрегата, который на всех парусах подойдет к ним, и она увидит дону Августина, стоящего на капитанском мостике.

И вечный странник расскажет ей, что именно она делает не так, поведает, почему тонут ее корабли и как избавить семью от злого рока. Кристина надеялась, что все так и будет, когда ступила на палубу небольшого белого корабля, носящего красивое имя «Аталанта».

Глава 7. В одной шлюпке.

Когда «Аталанта» отдала швартовы, уже приближался вечер. Поэтому Кристина, которую поприветствовал капитан корабля, а потом бегло представили команде, отправилась в выделенную ей каюту, настолько уютную, насколько это вообще возможно на торговом судне, и довольно быстро легла в кровать. Кровать была узкой, белой, довольно жесткой, а в окно каюты можно было видеть, как плещется море, как отбрасывает луна блики на его антрацитовый глянцево-поверхности. Через сутки они окажутся в Атлантическом океане, их ждет короткое плавание, три дня, не больше.

Перед тем, как отправиться ко сну, Кристина, как и планировала, постояла на палубе, напряженно вглядываясь в горизонт, – не покажутся ли паруса проклятого судна. Но, ничего не увидев, спустилась в каюту, справедливо предположив, что вотчиной Проклятого капитана является Атлантика и вряд ли можно встретить его на просторах спокойного Средиземноморья.

Зато, на следующее утро, к своему неудовольствию, вместо Проклятого капитана она встретила Максимино Флореса. Тот стоял на палубе в белом костюме и шляпе, которую придерживал рукой, чтобы ее не унесло ветром, и тоже вглядывался в горизонт. Выглядел он при этом как человек, который отправился не в деловое путешествие, а как минимум

в вояж на Багамские острова. В любом случае, его появление было неожиданным, подозрительным и не предвещало ничего хорошего.

– Сеньор Флорес! – окликнула Кристина, ее лицо было в тени, его скрывал козырек синей кепки. На девушке были морские синие брюки, тельняшка и штормовка – она не хотела слишком уж выделяться на фоне остального экипажа, чего вряд ли можно было добиться, надень она элегантное платье.

Флорес обернулся, все так же придерживая шляпу, и слегка поклонился. Солнце заплясало на его лице и в глазах. Кристина вдруг почувствовала себя неуютно – она боялась этого человека, он вызывал в ней дрожь, граничащую с паникой. И еще – она ему совершенно не доверяла: помнила все то, о чем рассказывали ей Луис и Габриэль, а также то, что сама узнала из других источников.

– Какой сюрприз! – Кристина приблизилась. – Не ожидала вас тут увидеть! Что вы делаете на борту моего судна?

– Это и мое судно тоже, в некотором роде, не находите? – поинтересовался он, как всегда совершенно безразличным тоном. – И я имею право здесь находиться.

Кристине оставалось лишь утвердительно кивнуть – оспаривать его правоту было невозможно.

– Разумеется, я несколько не возражаю против вашего присутствия, – быстро ответила она. – Просто это удивительное совпадение! У нас столько судов, а вы выбрали именно

то, на котором плыву я! Разве это не кажется странным?

Он лишь пожал плечами.

– Наверное, на то есть своя причина... – осторожно предположила девушка, вглядываясь в его лицо, надеясь, что если не словами, то хотя бы мимикой, выражением лица, глазами он может выдать себя.

– Несомненно. Я никогда и ничего не делаю без причины, – согласно кивнул Флорес. – И в этот раз она, разумеется, тоже есть.

– И... Какая же? – улынулась Кристина. – Вы скажете мне?

– И даже покажу, – его лицо вдруг сделалось хитрым. – Но, всему свое время, сеньора Алькасар. До конца плавания я все вам обязательно покажу и расскажу. А пока отправляйтесь в столовую. Ваш завтрак остывает.

Вздыхнув, Кристина повернулась и пошла по палубе в направлении столовой: он ничего не скажет сейчас. Что же все-таки означает его столь неожиданное появление? За этим точно что-то кроется, очередная афера, здесь нет сомнения!

– Кристина! – окликнул Флорес. Девушка обернулась. Ветер развивал ее волосы, завивавшиеся в кольца возле лица, – Кепку придерживайте! Не то ветром в море унесет!

– Мою не унесет. Она приколота. Это специальная кепка для яхтинга.

– Ого! Смотрю, вы действительно готовы к путешествию, – он насмешливо поднял брови.

– Я готова ко всему, – быстро ответила она.

– Ко всему? – Максимино усмехнулся. – Не думаю! Но, посмотрим. Скоро проверим. Посмотрели, где у вас в каюте спасательный жилет? А то корабли «Калины Интернешнл» имеют обыкновение тонуть...

– Спасательный жилет лежит на шкафу. Шлюпки в норме. И тонуть мы не собираемся.

С этими словами Кристина направилась в столовую. Все-таки, Луис прав: Максимино удивительно неприятная личность. Несмотря на то, что он ее поддержал и предоставил финансовую помощь. Да что там, он ее просто спас! Но понять бы, что за мотивы им двигали? Неужели... Кристина вспомнила, что Максимино не был женат, как не был замечен и в увлечении женщинами. Может ли быть, что он, как и Антонио, стал жертвой ее чар, разглядел в ней нечто, чего не видел в других девушках? Проще говоря, влюбился? Иначе, как можно объяснить его безумный поступок? Как понять, что сейчас он находится на одном корабле с ней, а не где-то в другом месте? Разве не это – первый признак влюбленности: странные, ничем не оправданные поступки, лишённые расчета? О расчете здесь не могло быть и речи, Кристина к тому моменту была практически разорена. Если только... возможно Максимино мечтает попасть в семью? Мечтает о титуле? С другой стороны, есть куда больше потенциальных невест, тех, в чьих жилах течет действительно аристократическая кровь, а не кровь саратовских строителей. Нет, здесь

дело в чем-то другом. Максимино, несомненно, что-то затевает, но что? Чем больше Кристина ломала голову над его поступком, тем меньше понимала мотивы и, в конце концов, мысль о его влюбленности показалась ей наиболее логичным объяснением произошедшего. Почему бы немолодому и одинокому мужчине не полюбить молодую и такую же одинокую женщину, к тому же неглупую и вполне привлекательную, окруженную флером многочисленных слухов, частую героиню светских хроник? Кто знает.

Обедали они вместе. За обедом подавали простую пищу: жареное филе морской рыбы с картофелем и традиционный испанский гаспаччо. Кристина и Максимино выпили по бокалу красного вина и вели разговор обо всем и ни о чем. Девушка поняла, что он не хочет пока делиться с ней своими секретами и не спрашивала больше. Лишь пыталась поймать его взгляды, чтобы разглядеть в них признаки влюбленности, но его взгляд ни разу не стал заинтересованным, он оставался таким же рассеянным, направленным в пространство, как и прежде.

Оставшись одна, она напряженно размышляла. А что если он, и правда, влюблен? Что если попросит ее о взаимности, сможет ли она отказать? Кристина не чувствовала к Максимино Флоресу ни малейшей симпатии, он казался ей скорее отталкивающим, но с другой стороны, теперь она обязана ему всем. Он отдал ей баснословные деньги, не попросив ни о чем взамен. Благодаря ему, она не разорена и снова

сможет продолжить строительство чудесного города, о котором мечтал Антонио. Вот только как за это расплачиваться? С ужасом Кристина подумала, что если он признается в своих чувствах, она будет вынуждена принять его ухаживания. Отказать она не сможет, она чувствовала себя обязанной, а это сильнее отвращения. Кристина старалась казаться спокойной, но внутренне была напряжена, словно пружина, а ее состояние граничило с паникой.

Чтобы отвлечься от тревожных мыслей Кристина решила переключиться на осмотр корабля. Ведь именно за этим она и пришла сюда. Или почти за этим. Она осмотрела капитанскую рубку, машинное отделение, трюм, проверила, сжимая в руках морской кодекс, соблюдение техники безопасности, но никаких явных проблем не выявила. Возможно, корабль не был новым, но, тем не менее, он выглядел вполне крепким и соответствовал всем требуемым техническим характеристикам. Нужен сильный шторм, чтобы потопить его. Но такие штормы – редкость.

– Все же, почему они тонут? – спросила она у Флореса за ужином.

– А вы не понимаете? – он снова поднял бровь и таинственно улыбнулся.

Она отрицательно покачала головой. Повисло долгое молчание.

– Думаете, я слишком наивна и ничего не понимаю в судоходстве? – спросила она, наконец.

– Думаю, вы слишком наивны и ничего не понимаете в жизни, – ответил он, отодвигая стул, одновременно вытирая рот салфеткой.

Максимино Флорес бросил салфетку на стол и откланялся, а Кристина осталась в задумчивости сидеть за столом. Кажется, он вовсе не ищет ее общества! Так какого же черта ему нужно?

«Аталанта» проходила Гибралтар и шла в Атлантический океан. Мимо проплывали высокие уступы Геркулесовых столпов. А на противоположном берегу горели огни испанского побережья.

Ближе к ночи все это скрылось в темноте, теперь «Аталанта» шла сквозь абсолютную мглу, лишь иногда мелькали вдалеке огни других кораблей. Кристина вышла на палубу. Теперь они уже идут по волнам океана, теперь корабль дона Августина должен показаться ей! Он должен дать ответ на интересующие ее вопросы! Девушка продолжала вглядываться в горизонт, принимая каждый огонек за корабль дона Августина, но однако все они не приближались, а скрывались во мраке ночи.

– Что вы надеетесь там увидеть? – услышала она насмешливый голос Флореса, он приблизился к ней в компании капитана корабля. – Бойтесь, не гонятся ли за нами?

Кристина почувствовала, как на ее щеках выступает румянец и порадовалась, что этого нельзя видеть в темноте.

– Просто дышу морским воздухом, сеньор Флорес. Мне

нравится стоять у борта. Возможно, мне следовало избрать другую профессию. Люблю море.

Капитан вежливо улыбнулся и кивнул хозяйке, а Флорес лишь пожал плечами.

– Дышать – пока можешь, это правильное решение, – заметил он.

После чего они продолжили прогулку, а Кристина застыла на месте, пытаясь понять смысл услышанного только что. Флорес – не тот человек, чтобы говорить просто так. Даже на заседаниях Совета он никогда не раскидывался словами, молчал, а если высказывался, то всегда исключительно по делу. Почему же он произнес эти слова сейчас? Он угрожает ей? Что если он замыслил вложить деньги в ее компанию, а потом избавиться от нее самой и каким-то образом после перевести ее активы на свое имя? Если предположить, что он в сговоре с капитаном, а судя по их беседе, они неплохо знают друг друга, то она сейчас – в его власти. Что же делать?

Кристина глубоко вздохнула. Как говорится, с подводной лодки некуда деться. Они – в открытом океане, отсюда ей не убежать. Остается лишь надеяться, что никто не замышляет убийство, в противном случае, она представляет собой отличную мишень!

В эту самую минуту девушка вспомнила, как часто богатые и знаменитые люди погибают, падая за борт во время путешествия на своих собственных яхтах. Вряд ли эти смерти случайны. И сейчас так легко подойти, поднять на руки и

бросить за борт, а после – объяснить ее смерть несчастным случаем. Например – вышла ночью на палубу, выпила слишком много шампанского, поскользнулась...

В ужасе она отпрянула от борта, решив, что в сложившейся ситуации, лучше немедленно вернуться в каюту. Она может послать весточку дону Августину позже!

Кристина почти вбежала в каюту, заперла дверь и опустилась на кровать, чувствуя, что ее бьет дрожь, руки стали совсем холодными, лоб покрылся испариной. Казалось, сейчас вот-вот начнется паническая атака. Меньше всего девушке хотелось, чтобы сейчас ее убили и выбросили за борт, она так боялась черного бескрайнего океана! Но что же делать? У нее нет никакого оружия, чтобы защищаться!

Она постаралась дышать медленно и глубоко, чтобы успокоиться. В конце концов, уже завтра к вечеру они прибудут в порт Мадейры, откуда она может взять авиабилет до дома. Вероятно, на нее слишком многое свалилось в последнее время, вот и сдают нервы, преследуют страхи! Ее муж умер, ее друг Рей предал, ее корабли тонут, ее деньги пропали, да еще это неожиданное ничем не объяснимое появление Флореса! Учитывая, что о нем рассказывают, кто угодно может сойти с ума от подобного общества! К сожалению, здесь не работают никакие средства связи. Она не может даже послать сообщение. Да и кому? Джайсе? Скорее всего, та веселится с очередным поклонником. Она теряет ребенка за ребенком и даже не обращает внимания. Джайсе нужно занять-

ся здоровьем. Надо будет настоять при следующей встрече, обязательно! Ведь они подруги. У нее так мало друзей. Кроме Джайсы, Луиса и Габриэля – никого. Да и то двоим последним она платит хорошие деньги. Она никому не нужна. Если только родителям. Внезапно, Кристине стало жаль себя, она легла на кровать, закрыла глаза и постаралась сдерживать набежавшие слезы. И не заметила, как уснула, не раздеваясь.

Тем временем, в особняке, принадлежавшем донье Лурдес, в ее собственной спальне, эта достойная дама занималась тем, что рассказывала своему сыну Рейнальдо о разработанном ею хитроумном плане. Зачем ей понадобилось посвящать сына в детали? Они прекрасно справлялись и без него! Но Лурдес хотела убедиться, что проголосовав против Кристины во время последнего заседания, сын не просто проявил эксцентричность, но окончательно вернулся в семью. Что он снова предан матери и отныне готов, как и остальные Манрике, возобновить крестовый поход против самозванной королевы, который, как надеялась донья Лурдес, с успехом завершится уже сегодня ночью.

– Таким образом, колесо сделает полный круг, – заключила она. – Все вернется на свои места. К тому же, Кристина против воли помогла нам, практически лишив Флореса денег. Теперь мы легко выкинем его из Совета и отстраним от управления компанией.

– А что если она составила завещание? – поинтересовался

Рейнальдо.

– Нет. Алехандро знал бы. Все завещания в нашей семье проходят через его руки.

– Но у нее могут быть наследники?

– Кто? Ее родители? Мать-горничная? Не волнуйся, уж с ними я справлюсь! Сейчас это неважно. Важно другое, я хочу знать, что мой мальчик снова со мной. Что ты поддерживаешь наши начинания, нашу войну, – называй это так. Она уже началась и ведется, Рей, хочется тебе в это верить или нет. И ты уже в ней участвуешь. Вопрос лишь: на чьей стороне?

По мере того, как мать говорила, лицо Рея все сильнее мрачнело, ему не нравилась мысль о затонувших кораблях, он находил это опасным и к тому же бесчестным, даже бесчеловечным. Однако, сейчас, когда она задала ему этот вопрос... какой судьбы он желает для Кристины? Он никогда ее не любил, но готов был принять в качестве своей жены. Готов был дать ей то, о чем мечтали почти все девушки Испании! И что сделала она! Она променяла его, но не на другого мужчину, это было бы еще не так обидно. Она променяла его на несуществующий город! На город, который никогда не будет построен, на призрачную, безумную мечту полоумного кузена Антонио! И с этим он не мог смириться. Кроме того, она потеряла деньги, принадлежавшие его семье, и ему в том числе! Его деньги! И пусть, сейчас ее выручил Флорес, потерявший однажды – сделает это снова. И Кристина, в сво-

ем безумном фанатизме пойдет до конца, пока окончательно не разорит дом Манрике! Она опасна. Она неконтролируема. И чертовски умна. Кристина выглядит милой и женственной, но на самом деле донья Лурдес права – это не просто страшный враг, это обезумевший берсерк, готовый крушить все вокруг на пути к своей цели – Терранове. Поэтому, каким бы жестоким не было решение, принятое его матерью, оно выглядит, как единственно верный вариант. К сожалению единственный. Если бы только он верил в Крис... Но он в нее не верит. И потому Рейнальдо лишь мрачно кивнул.

– Я поддерживаю тебя, мама, и считаю, что ты права, – произнес он, после долгих раздумий.

– Отлично, – донья Лурдес удовлетворенно кивнула, притянула к себе его голову и ласково поцеловала в лоб. – Я знала, что однажды ты станешь серьезным. Верю, ты еще будешь управлять богатством семьи Манрике. Так и будет! Вот увидишь, мой мальчик, запомни мои слова, так и будет! Ты – моя главная надежда в жизни, то, ради чего я живу!

Ночью Кристина проснулась от резкого толчка, от которого она чуть было не слетела с кровати, но вовремя ухватилась руками за ее край. Со сна она не понимала, что происходит, лишь почувствовала, что судно остановилось. Потом последовал грохот, напоминавший взрыв, а потом падение чего-то очень тяжелого, после чего произошел еще один резкий толчок, чемоданчик Кристины слетел с полки и рас-

крылся, вещи рассыпались по полу. Она в изумлении вско-
чила, выглянула в окно, думая, что вероятно, начался шторм
– но нет, море оставалось тихим и спокойным. Что же слу-
чилось?! В душе Кристины мелькнула смутная догадка, что
сейчас ей откроются все тайны: она поймет, о чем говорил
Флорес, поймет, почему он так таинственно улыбался. Пой-
мет, почему тонут ее корабли. Разгадает загадку дона Авгу-
стина. Но не будет ли слишком поздно? С другой стороны,
если Флорес хотел утопить корабль, зачем бы он поднялся на
борт? Нет, тут что-то не сходится... Надо пойти проверить,
что случилось! Кристина сделала шаг, переступая через че-
модан, и тут в ее дверь оглушительно забарабанили.

– Кристина! – услышала она голос Флореса. – Кристина!
Вы слышите меня! Вы спите, черт возьми, что ли?! Откры-
вайте немедленно!

Послышались громкие ругательства, из которых «карам-
ба» было самым культурным.

– Иду! – откликнулась Кристина. – Подождите, открываю!
Она повернула задвижку, пытаясь справиться с дрожащи-
ми руками, чувствуя, как от ужаса бешено колотится сердце,
дернула дверь на себя, и тут же столкнулась с Флоресом, во-
рвавшимся в каюту подобно урагану.

– Какого черта вы заперли дверь! – дико заорал он.

– Я не чувствовала себя в безопасности, – тихо пробормо-
тала она.

– Хоть на это ума хватило! – в ярости крикнул Флорес. –

На тонущем корабле разве безопасно быть запертой в каюте!
Чертова дура!

– На тонущем корабле! – вскрикнула Кристина, решив пропустить «дурру» мимо ушей. – Что произошло?!

– Нет времени объяснять. Надо убираться отсюда. И быстро! Идемте!

– А экипаж? Команда?! Мы не можем уйти без них!

– А многие уже отчалили, – заметил Флорес. – На борту только капитан. И еще пара человек. Но капитан не может уйти.

– Конечно, как он может покинуть свой корабль, он же капитан, – кивнула Кристина, понимающе.

– Ну какая же вы все-таки наивная дура! – снова разозлился Флорес. – Какой к черту корабль! Корабль с минуты на минуту пойдет на дно! А капитан мертв. Поэтому не может идти с нами. Поторапливайтесь! Живо!

С этими словами он вдруг распахнул куртку, и Кристина громко вскрикнула, увидев алое пятно, расплывшееся на его белой рубашке.

– Вы ранены?! – воскликнула она с ужасом.

– Пустяки. Я прихватил аптечку. И пристрелил одного из убийц. Еще парочка бродит где-то по палубам и нам нужно держаться от них подальше. А теперь, хватит разговоров, идемте!

Он схватил Кристину за руку, и только сейчас она заметила, что во второй руке он сжимает револьвер. Осторожно

оглядевшись, Флорес повел ее по коридору, и в это самое мгновение, судно резко накренилось в сторону носа. Кристина налетела на своего спутника и едва устояла на ногах.

– Быстрее! – крикнул он, они почти бегом направились в сторону лестницы, им нужно было подняться наверх, на шлюпочную палубу. По дороге пришлось пройти мимо мертвого тела капитана, и Кристина, вырвав руку, на секунду опустилась на колени и приложила пальцы к его шее, чтобы убедиться, что тот и правда мертв и помощь не требуется. Но Флорес был прав – кожа капитана уже холодела, пульса не было. В груди его зияла рана от огнестрельного ранения.

Кристина бегом помчалась за Флоресом и догнала того уже у выхода на палубу.

– Куда вы запропастились, – крикнул он. – Хотите пойти на корм рыбам?! Дело ваше!

Она не ответила, бросилась за ним на палубу, хотя понимала, что именно здесь, у шлюпок или даже в шлюпках, их могут ждать неизвестные убийцы. Столько вопросов, но сейчас нет времени получить на них ответы!

Однако вокруг было тихо, корабль медленно погружался в воду, но пока даже перемещения груза не произошло, поэтому на несколько минут повисла странная тишина. Которую вдруг нарушил смех Флореса. В его смехе Кристине слышалось что-то истинно дьявольское, и она вздрогнула от ужаса.

Взглянув на него, девушка увидела, что он, вытянув руку,

указывает куда-то.

Приглядевшись, она увидела небольшое оранжевое пятно – это шлюпка удалялась от тонущего корабля.

– Вон они, наши убийцы, дали деру! – рассмеялся Флорес. – Думают, мы уже покойники. Бегут с тонущего корабля, словно крысы! Но нет, мы еще поборемся, да Крис? Иди сюда, помоги опустить шлюпку. У меня болит плечо от этой чертовой раны. Умеешь?

– Нет, – она покачала головой, приблизившись.

– Так я и знал, – недовольно просопел он. – Ты вообще ни черта не умеешь.

Дальнейшие десять минут ушли на то, что Кристина, слушающая команды Флореса, пыталась отвязать и спустить на воду шлюпку, эта работа постоянно замедлялась тем, что девушка не понимала морских терминов, и каждый раз, когда слышала слова «найтовы» или «тали» терялась, останавливалась, не зная, чего именно хочет от нее таинственный спаситель. Флорес в ответ раздражался отборнейшей бранью и проходил по ее умственным способностям, что еще сильнее замедляло процесс.

Наконец, шлюпка с сидевшими в ней Флоресом и Кристиной была спущена на воду, Флорес веслом оттолкнулся от борта тонущего корабля. В глубине души он опасался, что преследователи могут вернуться, чтобы добить их, но с другой стороны, он тоже вооружен. Кроме того, пока корабль на плаву они не приблизятся, опасаясь, что их затянет в во-

ронку. А потом их отнесет слишком далеко, они не увидят, что еще одна шлюпка покинула борт. Флорес намеренно не включал огни.

Он сел к рулю, завел двигатель, шлюпка медленно двинулась в темноту. Едва они отплыли, как тишину ночи прорезал оглушительный грохот: это под действием силы тяжести машины, приводящие в движение корабль, а также весь груз, находившийся на борту, сместился в носовую часть, что увеличило крен. Корабль начал погружаться в воду гораздо быстрее, почти сразу исчезло электричество и судно погрузилось во тьму. Теперь оно напоминало черный утес на черном же фоне, и этот утес сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее, скрывался в пучине океана.

Кристина с ужасом смотрела на тонущий корабль, ее била дрожь от холодного морского ветра, но еще больше от мысли, что если бы Флорес не пришел за ней, она осталась бы там, на погибающем судне, и уходила бы сейчас вместе с ним на океанское дно! Он снова спас ее! А между тем, ее спаситель серьезно ранен!

– Сеньор Максимино, где аптечка? – быстро спросила Кристина, повернувшись к нему. – Надо перевязать вашу рану. Я немного умею.

Он кивнул на небольшой сундучок под скамьей, Кристина достала и открыла его, нашла медицинский спрей для обработки ран, бинты, и довольно быстро выполнила перевязку, хотя кровь полностью остановить не удалось.

– Вам нужно в больницу, – тихо сказала она. – Вы потеряли очень много крови.

– Посмотри по сторонам? – фыркнул он. – Видишь больницу? Нет? Тогда зачем ты опять говоришь глупости!

– Нам надо послать сигнал бедствия.

– Не надо. Пока эти типы не уплыли подальше, нам надо затаиться. Их двое, а я один, к тому же ранен. Так что сиди тихо. И возьми там, в ящике, плед. Иначе замерзнешь. Подними скамью-то, чертова графиня! Вечно тебя учить приходится!

Кристина послушно подняла скамью, внизу находилось нечто вроде ящика, где стояли бутылки с водой, запас галет, несколько пледов, штормовки, спасательные жилеты. Она вытащила два пледа, в один из них завернула Флореса, второй набросила себе на плечи. Сразу же стало теплее.

– Там еще ром должен быть, – предположил Флорес. – Нет? Эх... Значит, воспользуемся стратегическим запасом.

С этими словами он распахнул куртку, отцепил от пояса серебряную фляжку, сделал большой глоток, потом протянул ее Кристине. Девушка тоже сделала глоток, почувствовав, как по всему телу разлилось долгожданное тепло.

– Ну вот, жизнь не так уж и плоха, – заметил между тем Флорес. – Только рана ноет нещадно... А ты молодец, смогла опустить шлюпку. Не ожидал от тебя.

– Спасибо. – Кристина посмотрела ему в глаза. – Спасибо, что спасли меня.

– Не стоит благодарности, – он махнул рукой.

– Теперь, когда впереди вся ночь, до рассвета еще далеко, и пока мы все еще живы, может, все-таки расскажете, что случилось? Почему затонула «Аталанта»?

– Взрыв. Произошел сильный взрыв. Нос корабля разнесло.

– Почему?

– Кто-то пронес на корабль взрывное устройство. Полагаю, эти трое молодчиков, переодетых механиками. Те, что убили капитана и стреляли в меня.

– Кто они?

– Вероятно, наемные убийцы.

– Это я понимаю. Максимино, кого они хотели убить? Вас? Или меня?

– Конечно, тебя, – он усмехнулся и сделал очередной глоток рома. – Я-то им зачем. Я – старый человек... и я не пытаюсь строить новый мир...

– А остальные корабли... Почему они затонули? Из-за проклятья дона Манрике? Или вы, как и остальные, не верите в него?

– Почему же, – он язвительно усмехнулся. – Как раз в это я верю. Более того, знаю, что это так и есть. Твои корабли уже давно тонут из-за проклятья дона Манрике, Кристина. Вот только другого дона Манрике. Не того, в серебряном камзоле и с длинными черными локонами, кого сейчас нарисовало твое детское восторженное воображение.

Девушка вопросительно посмотрела на него.

– Да, не удивляйся. Я говорю о доне Леонардо Манрике. О его матери и тетке. Они ведут кровавую вендетту, их цель – уничтожить тебя. Неужели, ты этого не заметила? Они пытались разорить тебя. И надо сказать, им это блестяще удалось. Но не ожидали, что я тебя поддержу. Исчерпав финансовый ресурс, они решили пойти по второму пути. Если нельзя купить – следует убить. Так ведь? Я тоже прибежал как-то к этому средству. Очень эффективно работает. Ты, наверное, слышала. Знаю, ты наводила обо мне справки.

– Откуда вы все знаете?

– У меня отличные информаторы.

– И как это связано? То, что вы отдали мне свои деньги и тонущие корабли?

– О! – Флорес приглушенно рассмеялся. – Как раз это не связано никак. Уверяю тебя.

– Что же мне делать теперь? – тихо произнесла Кристина. – Моя семья, семья моего мужа пытается убить меня! Из-за них погибли другие люди... и сеньор капитан...

– Люди часто гибнут там, где замешаны большие деньги. Не стоит обращать внимание. А вот что тебе делать... Это очень правильный вопрос. Тебе следует поспать. Да и мне тоже. На рассвете, если никого не будет поблизости, вызовем помощь.

С этими словами он закрыл глаза, и Кристина поняла, что спорить с ним бесполезно. Поэтому она поплотнее заверну-

лась в свой плед и тоже попыталась уснуть, но, разумеется, не сумела. Слишком сильно она была взволнована, слишком много всего произошло!

Кристина снова открыла глаза: вокруг расстилалась лишь черная мгла. Никого. Они одни в этой бескрайней океанской пустыне, слышно лишь, как шумит ветер, да катятся волны, легонько ударяясь в борт шлюпки.

А потом темноту ночи вдруг прорезала сигнальная ракета. Она поднялась над бортом судна, с которого была пущена, и Кристину удивило, насколько низко она поднялась. Обычно ракеты взлетали высоко вверх, а здесь – совсем чуть-чуть, словно намеренно осветив черный остов деревянного парусного корабля, старинной гигантской каравеллы, которая застыла, словно призрак, в этом непроглядном мраке. Не веря своим глазам, Кристина вскочила, потеряла равновесие и покачнулась, чуть не вылетев из шлюпки.

– Флорес! – крикнула она, дрожа от вдруг охватившего ее невероятного волнения, – Проснитесь! Смотрите, смотрите скорее! Вот он! Это он!

Вспыхнула вторая ракета – так же низко, как и предыдущая, снова осветила она мачты и опущенные паруса корабля, находящегося неподалеку от них. Он был настолько близко, что на его борту девушка различила потемневшие медные буквы: вглядываясь в темноту, Кристина смогла сложить из них слово «Кристиэль». На палубе никого не было, Кристина пыталась, но не смогла разглядеть силуэт Проклятого ка-

питана, который мог в эту самую секунду стоять на мостике.

Флорес недовольно пробурчал что-то, раскрыл глаза, попытался повернуться туда, куда указывала Кристина, но вскрикнул от боли, – мешала рана, – и прекратил попытки. А потом призрачное судно, постояв еще немного, вдруг медленно скрылось, растворившись в предрассветном тумане, и Кристина сама не могла бы сказать, было ли все это на самом деле или явилось странной галлюцинацией ее измученного сознания. Она так мечтала увидеть корабль дона Августина! Как знать, вдруг это видение подобно миражам в пустыне, которые видят умирающие от жажды. К рассвету девушку наконец сморил сон, она слишком устала, чтобы бояться, чтобы ждать, чтобы думать и разгадывать загадки.

Когда солнце поднялось над горизонтом, Кристина проснулась. Флорес уже не спал, он все так же сидел у руля, завернувшись в плед. Девушку поразила его неестественная бледность.

– Пока ты спала, я тут осмотрелся, – сообщил он. – Никого поблизости. Выпустил пару ракет. Попробовал поймать сеть на телефоне, использовал рацию. Пока – никаких результатов, связи нет. Но, предположу, что нас уже ищут.

– Наверняка! – согласилась Кристина. – Столько времени прошло! Она перегнулась через борт, зачерпнула воды и умыла лицо, пальцами пригладила растрепавшиеся волосы, завязала их в узел. Затем вытащила воду и галеты и протянула Флоресу.

– Поешьте, вам надо поддерживать силы. Я тоже поем. Потом перевяжу вашу рану.

Флорес лишь недовольно хмыкнул, но взял предложенное и сделал несколько жадных глотков воды, очевидно, его мучила жажда и лихорадило. Кристина понимала, что им необходима помощь, рана Флореса не затягивалась, кровь не удавалось остановить, благо вытекало небольшое количество.

– Попробуем определить, где тут земля, – мрачно заметил Флорес. – Ты хорошо знаешь географию? Ты же учительница вроде бы...

– Я учительница математики, – робко заметила Кристина.

– Вот и рассчитай, сколько шансов, что мы выберемся отсюда, – буркнул ее спутник.

– Ну... – Кристина задумалась. – Думаю, шансы велики. Нас должны искать. И потом, мы не можем умереть вот так просто! Разве для этого мы жили? Разве для этого родились на свет? И потом, я даже не простилась с родителями...

– Многие, из тех, кто умер, родились не для этого, – наставительно произнес Флорес. – И почти все не успели попрощаться с родителями. Так что твоя теория, графиня Алькасар, никуда не годится. Жаль, я думал, что хоть как математик ты чего-то стоишь...

Кристина благоразумно решила оставить его выпад без комментариев, в конце концов, Максимино Флорес спас ей жизнь и к тому же был ранен. Хотя его рана и не выглядит опасной для жизни: если бы какие-то важные органы были

задеты, он не протянул бы так долго. А значит, есть шанс, что ее спаситель выживет. Эта мысль придала девушке сил и оптимизма.

Весь день они пытались позвать на помощь, используя имеющиеся средства связи, пытались вычислить, где находится ближайшая земля и направить туда шлюпку, запускали время от времени сигнальные ракеты. А к вечеру Флоресу стало совсем плохо, и Кристина поняла, что если помощь не подоспеет незамедлительно, ему не спастись.

– Держитесь, Максимино! – попросила она, села рядом с ним на скамейку и крепко сжала его руку. – Вам рано умирать!

– Самое время, – пробормотал он. – Я много видел. Видел такое, чего тебе никогда не увидать. Много успел. Много знаю. Славно пожил...

– Прекратите, еще ничего не закончилось, да, вы ранены, но...

– Рана тут ни при чем. Хотя, и она не добавляет комфорта. Я умираю Кристина. У меня анемия, на фоне иммунной болезни. Даже для здорового человека потерять столько крови опасно. Для меня же – верная смерть. Я знал это с той минуты, когда меня подстрелили. Да что там! Я предполагал это и раньше – когда пошел за тобой на этот корабль... Но что делать. Выбора особо не было. Я бы все равно умер вскоре.

– Зачем вы это сделали? – изумленно воскликнула она, – Зачем поднялись на борт? Вы ведь знали, что корабль уто-

нет! Поэтому посоветовали мне дышать, пока дышится! Так?

Он кивнул.

– Я поднялся, потому что это был единственный способ доказать виновность твоей семьи в случившихся крушениях. У одного из моих помощников есть видеозапись, там видно, как устанавливалась бомба, как произошел взрыв. Я знаю людей, которые могут доказать, что именно Леонардо Манрике виновен в убийствах. Он и Лурдес. Я долго собирал эту информацию, сначала хотел отправить негодяев за решетку и прибрать к рукам твой холдинг. Но потом выяснилось, что холдинг мне уже не понадобится. Врачи сказали, что долго не протяну. Вот, возьми, – он вытащил из кармана бумажку и протянул Кристине. – Здесь имена свидетелей.

– Вряд ли нам что-то удастся доказать, – вздохнула девушка, спрятав листок в карман. – С сильными мира сего сложно бороться... Боюсь, смерти утонувших моряков останутся неотомщенными.

– Этого точно не будет, – недобро усмехнулся Максимино.

– Почему же?

– Потому что мои люди заложили аналогичное взрывное устройство. На складе, с которого грузили «Атланту». И я по дружбе сообщил нужному человеку, что на складе содержатся доказательства причастности семьи Манрике к крушениям. Вероятно, этот человек придет на склад, чтобы скрыть улики...

– Он же погибнет! – воскликнула Кристина с ужасом.

– Очень надеюсь, – усмехнулся Флорес. – И тогда все будут здорово огорчены! Сами виноваты, надо было думать, когда придумали топить корабли, так ведь?

Девушка растерянно молчала, предпочитая не уточнять, о ком именно шла речь. Через некоторое время Флоресу стало хуже, он тяжело дышал, начались судороги.

– Кристина, – позвал он хриплым шепотом.

Она снова пересела на его скамейку.

– Ты правда видела вчера ночью каравеллу?

– Правда. Держитесь. Помощь вот-вот должна подоспеть.

– Не успеют, я уже скоро, – его дыхание стало еще более прерывистым, а каждый вздох давался с трудом.

– Максимино, прошу вас, если вы собрались на тот свет, не оставляйте меня с этой тайной! – взмолилась Кристина, решившая не упускать шанс узнать правду. – И так слишком много тайн вокруг! Вы должны рассказать, почему спасли меня. Почему отдали свои деньги, почему помогаете! После всего, что я слышала о вас, простите, но я не могу поверить в ваши альтруистические мотивы! Так что же заставило вас помочь мне? Прошу, пожалуйста, ответьте!

Он лишь махнул здоровой рукой.

– Не могу.

– Почему вы не можете? Какая вам разница, если вы все равно уйдете? Если скоро вас ждет встреча с Создателем... а мне нужно, мне важно это знать!

– Это знание ничего тебе не даст...

– И все-таки?

– Не могу... даже не проси.

– Но почему?!

– Потому что мне стыдно... – он снова начал задыхаться. –

Мне стыдно в этом признаваться. Даже тебе. Даже теперь, на пороге смерти.

– Значит... – Кристина взглянула на него широко раскрывшимися от изумления глазами. – Значит... правда... Это из-за меня? Я небезразлична вам? Вы любите меня? В этом вам стыдно признаться? Но что может быть стыдного в подобных чувствах... Антонио любил меня и не стыдился...

– Что?! – Максимино на несколько секунд даже забыл, что он умирает. Он приподнялся на локте и с возмущением взглянул на нее, широко раскрыв глаза. – Да что ты о себе вообразила, глупая девчонка? Ты что, королева красоты?! Думаешь, я отдал все, что скопил за жизнь, работая как вол, потому что влюбился в твои рыжие патлы? Совсем, что ли, очумела!

На лице Кристины отразилось изумление, она никак не ожидала услышать подобного, испуганная девушка отпрянула, а для Флореса эта вспышка стала последним, на что хватило сил, он упал обратно на скамью, его голова тяжело свесилась на грудь.

– Максимино! Нет! Вы не должны умереть! – Кристина снова кинулась к нему, похлопала по щекам, потом осторожно потрясла, – Вы слышите меня! Вы не должны умирать, не

оставляйте меня! У меня так мало настоящих друзей! Пожалуйста, не оставляйте меня! Если вы и не любите меня, мы же можем быть друзьями, правда?

У нее на глазах выступили слезы, она почувствовала, как слабеющими пальцами он сжал ее ладонь, а потом разомкнул веки, взглянул на нее помутневшими глазами, в которых уже застыло отражение смерти.

– Я сделал это, потому что... Господи, мне стыдно признаться в этом... Ни в чем другом, не стыдно, во всех преступлениях не стыдно признаться перед лицом смерти... а в этом стыдно... потому что я правда верю... понимаешь? Верю в твою идею. Об идеальном городе. Мне кажется, из нее выйдет толк. Мне нравится эта задумка... Потому и помог. И в тебя верю, Кристина Алькасар... ты сможешь, знаю. Я всегда видел людей насквозь. Мой отец не мог, потому я его и отправил в лечебницу. Чтобы забрать его дело и поставить на нужные рельсы. Он не мог ничего... Да, это я отца сгубил, не смотри так, я не самый хороший человек... И муж твой – мечтатель – не смог бы... И Лурдес с Леонардо. И дурак Рейнальдо уже ничего не сможет... а ты можешь. Я вижу тебя насквозь, как рентгеном... У тебя внутри все из железа, Крис... я это вижу... и Антонио видел... Он был умен... настоящий человек... Мы были по разные стороны, но я всегда уважал его... Если бы он раньше поделился этой мечтой со мной, возможно, вместе, общими усилиями, мы бы построили идеальный город... Но теперь уже не постро-

им. Это сделаешь за нас ты... Только не будь наивной дурой больше. Обещаешь?

– Клянусь, – Кристина заплакала.

– И не смей плакать! Никогда не смей плакать! Обещаешь?

– Клянусь, – сквозь слезы повторила она.

– Хорошо. Ты построишь город, я знаю. Если только тебя спасут теперь... Должны спасти. Иначе будет жаль моих усилий и моих денег... Нет, ты должна, ты обязана прожить жизнь за нас. За меня, за Антонио, воплотить наши мечты... Мы умрем, а ты должна жить, слышишь!

– Я хотела бы жить за себя, – робко возразила Кристина, но он не слышал ее.

– Жить за нас! – снова повторил он.

С этими словами он закрыл глаза. Когда через некоторое время он открыл их снова, то едва заметно пошевелил губами. Кристина наклонилась к нему, чтобы расслышать последние слова:

– Ты, правда, видела ее? – прошептал он еле слышно, – Правда или опять все врешь?

– Кого? Каравеллу? Правда, – улыбнулась Кристина.

– Какая она была?

– Старинная. Из темного дерева. Очень большая, с высокими мачтами. Она стояла поблизости, а потом исчезла в тумане... А на ее борту была надпись – «Кристиэль». Значит так назывался его корабль. Он совершенно такой, каким

я его себе представляла... – задушевно, будто рассказывала сказку ребенку, произнесла Кристина.

– Отлично, – выдохнул он. – Значит, все это существует. Ничего себе... может, и бог существует, кто знает, а я так плохо прожил... Возможно, я дурак, что верю тебе. А возможно и нет... Время рассудит! Так или иначе – мое время пришло...

– Вы были на игре? – спросила вдруг Кристина, и ее слова прозвучали как утверждение, а не вопрос. – Вы были на игре и получили черного джокера!

Она смотрела на него во все глаза, и Максимино с трудом кивнул.

– Да... – тихо ответил он. – Получил. Я ненавижу эту игру... ненавижу ее правила, которые заправляют всем... Ненавижу этот листок у двери! Никогда не играл по правилам, ни в зале, ни в жизни. Но от них никуда не деться... Потому и верю в твой город в океане, Крис. Там, вдали от людей, вдали от земли, ты установишь свои правила. А эти не смогут туда просочиться... Так и будет. В том городе будет совсем другая жизнь, для всех людей... Совсем другая жизнь!

Это были его последние слова.

Он был все еще жив, когда Кристина, сжимавшая его руку, вдруг почувствовала холодное дуновение. Порыв ветра в открытом море не редкость, но в этом дуновении было что-то странное, непривычное. Почти сразу же раздался тихий

шелест, непохожий на плеск волн и однако перекрывавший его. А через секунду на противоположной скамейке, где еще недавно сидела сама Кристина, прямо из воздуха возник человек. Он казался прозрачным, словно был не человеком, а некой проекцией, иллюзией, но его появление вызвало у Кристины громкий крик ужаса, и она еще крепче вцепилась в руку Максимино.

– Не пугайся, – произнес вдруг незнакомец неожиданно приятным глубоким голосом. – Я пришел не за тобой.

– Кто вы и что вам нужно? Как вы тут оказались? – тихо спросила Кристина, продолжая удерживать ладонь Флореса. Незнакомец не ответил.

– Вы... – прошептала она несколько мгновений спустя, взглядевшись в его лицо, – Я знаю вас! Вы – тот, кто пришел за моим мужем... Кто вы?

Вместо ответа неизвестный вдруг вскинул черные, заслонившие закатное солнце крылья. На поверхность моря упали темные, длинные тени.

– Я – Газир, ангел смерти.

– Это вы раздаете нам карты в том зале? – поинтересовалась вдруг Кристина.

– Нет, – лицо Газира тронула легкая усмешка. Кристина поймала себя на том, что его черты были настолько правильными, без малейшей изюминки, что она не смогла бы узнать это лицо, отличить среди сотен других.

– Я – существо с тысячью ликов, – Газир легко прочитал

ее мысли. – Ваш крупье – существо с тысячью рук.

– Почему кто-то получает джокера? И в чем смысл этой игры? Как в нее выиграть? – быстро спросила Кристина.

Газир не ответил. Он лишь молча смотрел на нее, и девушка снова почувствовала, что леденеет от ужаса.

– Не бойся меня, Железная Крис, – нарушил молчание ангел смерти, – Конечно, я приду и за тобой однажды. Но твое время еще не пришло. А вот этот приятель, боюсь, уже на пути в мир иной.

Он кивнул в сторону Флореса.

– Почему вы назвали меня так? – удивилась она. – Максимино сказал то же самое...

– Потому что это правда, – все также спокойно и бесстрастно ответил Газир. – Но прощай, боюсь, прямо сейчас, в эту самую минуту, у меня есть другое неотложное дело, и я вынужден прервать нашу занимательную беседу.

С этими словами Газир вдруг растаял в воздухе. И почти одновременно рука Рейнальдо Альвареса отворила дверь, ведущую на склад. Молодой человек вытащил из кармана фонарь и направился вниз по разбитым ступенькам, предварительно убедившись, что на складе никого нет.

Он шел к тому месту, которое указал Флорес в своей записке. А несколько минут спустя все вокруг озарила ослепительная вспышка прогремевшего взрыва. Максимино Флорес никогда бы не допустил, чтобы его уход из жизни прошел тихо и незаметно, и потому решил устроить прощаль-

ный фейерверк.

А Кристина, оставшись в шлюпке с покойником, чьи руки еще сохраняли тепло, подумала, что, наверное, такова ее судьба – оставаться с умершими мужчинами один на один. Неудивительно, что именно ей Антонио прочил встречу с призраком Проклятого капитана! Только бы ее спасли теперь... еще несколько часов – и придется столкнуть тело Флореса в воду, если оно начнет разлагаться – и тогда они не смогут похоронить его, как положено! Могилой Флореса станет океан. И к тому же, никто не увидит огнестрельного ранения у него на груди, а значит одним доказательством виновности семьи Манрике в крушениях станет меньше.

В эту минуту Кристина уже знала, что ее страх перед Лурдес и Леонардо, перед тонущими кораблями и Проклятым капитаном, перед наемными убийцами и неудачами в бизнесе, перед игрой, перед потерями, перед неподъемным грузом строительства Террановы, перед тяжелой тропой чужой жизни, перед мертвыми и живыми, перед врагами и соперниками, да и перед всеми остальными несчастьями и напастями – исчез навсегда. Она знала, что отныне будет бояться лишь одного – лишь прохладного дуновения, лишь тихого шороха черных крыльев, лишь ничем не примечательного лица Газира и его всегда спокойных глаз, его голоса, его поступи, его имени. Не самой смерти, но ее призрачного стража, возвещающего конец твоей игры.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ДАНИЭЛЬ

Глава 1. Лансароте

Даниэль Сантьяго родился в городе Арресифе, что в провинции Лас-Пальмас на острове Лансароте, и к 2016 году ему исполнилось тридцать восемь лет.

Но сначала, чтобы построить фундамент нашей истории, расскажем немного об острове Лансароте, ибо он сыграл существенную роль в формировании характера самого Даниэля, а также оказал значительное влияние на все дальнейшее развитие нашего повествование. И если бы не было Лансароте, если бы Даниэль родился в каком-либо другом месте, сюжет стал бы совершенно другим.

Итак, Лансароте входил в состав Канарских островов и располагался в Атлантическом океане неподалеку от африканского побережья. Канарские острова, включая Лансароте, принадлежали испанской короне, хотя, по мнению самого Даниэля, бесконечно отличались от материковой Испании, и по своим традициям, культуре и даже населению были куда как ближе к Северной Африке. Хотя Даниэль вряд ли имел право судить об Испании, ведь дожив до весьма зрелого возраста, он ни разу не был на материке, всю жизнь провел в пределах Канарского архипелага, изредка посещая разве

что Марокко, благо это совсем близко. Даниэль не хотел покидать родной остров, он слишком сильно любил эти края, считал Лансароте самым прекрасным местом на Земле, да и просто не видел ни малейших причин куда-то плыть, что-то искать. Он был счастливым обладателем врожденной внутренней гармонии, которым хорошо там, где они родились, в том виде, в котором родились, с теми качествами и умениями, что были им присущи.

Собственный внешний облик тоже полностью устраивал Даниэля, хотя бы потому, что он совершенно им не интересовался, почти никогда обращал внимания на свое отражение, да и вообще, в доме у него зеркала не было, поэтому если он и видел себя, то лишь в зеркале заднего вида своего автомобиля, куда был вынужден смотреть, чтобы не совершить аварии. Даниэль не считал себя привлекательным или непривлекательным, он даже не задумывался на этот счет. Чего не скажешь о девушках города Арресифе и других городов Лансароте, Гран-Канарии и прочих окрестных островов. Они-то считали Даниэля Сантьяго красавцем и провожали его взволнованными горящими взглядами, стоило ему лишь появиться на улице. Не одна женщина вздыхала, огорченная его равнодушием, подозревая наличие более успешной соперницы или же, что часто случалось, обвиняя несчастного в нарциссизме и влюбленности в себя самого.

Итак, Даниэль был стройным, крепким, широкоплечим, от постоянных физических нагрузок его мышцы приобрели

характерную рельефность, хотя сам он к этому вовсе не стремился. Но их контуры, проступавшие под неизменной белоснежной футболкой, которую он носил круглый год, ведь на Канарских островах погода не знает сезонов, неизменно приводили в восторг всех встречавшихся ему представительниц прекрасного пола. По крайней мере, тех из них, кто хоть сколько-нибудь интересовался мужчинами. Его волосы были чуть светлее, чем у большинства жителей Лансароте, и имели бронзовый каштановый оттенок, а черты лица отличались удивительной гармоничностью. Особенно привлекал девушек очень теплый взгляд его темных глаз и широкая приветливая улыбка, постоянно мелькавшая на красивых губах, – казалось, у него хватало тепла для каждого.

Почему же к этому возрасту он еще не был женат, не был влюблен и практически не интересовался женщинами? Все просто: Даниэль был фанатично, безумно увлечен делом, которому решил посвятить жизнь. Делать что-либо наполовину он не умел, а потому погрузился в избранное занятие буквально с головой, забывая обо всем на свете, зачастую работая без сна, без еды и отдыха, и уж, конечно, ему было не до женитьбы. Поэтому на все разговоры, которые заводили на эту тему его родители или многочисленные тетушки, Даниэль просто отмахивался, а иногда и просто пропускал мимо ушей.

– Какая семья, разве до этого сейчас, – смеялся он, – Это потом, успеется! Семья от меня никуда не убежит! Сейчас

главное сделать дело, а потом – можно и гулять смело!

Надо заметить, если уж совсем честно, то погулять он тоже любил, вполне мог пропустить бокал-другой вина в местной бodega или в баре, мог и уйти оттуда с приглянувшейся красоткой, но никогда не был замечен в длительных привязанностях, если только еще когда учился в университете. Тогда ему нравилась девушка по имени Долорес, но через несколько лет они разошлись, девушка вышла замуж за португальца и переехала на материк. Никто так и не знал, даже его ближайшие родные и друзья, огорчен ли Даниэль этим разрывом. Скорее всего, он был настолько поглощен своими планами, что вряд ли переживал расставание слишком болезненно.

А теперь следует рассказать и о мечте Даниэля, о том деле, которому он решил посвятить жизнь: Даниэль получил образование по профессии архитектора и ландшафтного дизайнера, но ему казалось недостаточным просто строить и украшать чужие дома и муниципальные здания. Нет, он мечтал о чем-то большем, о том, чтобы придать совершенный вид какому-то участку земли, как это некогда сделал Антонио Гауди для Барселоны, Эйфель для Мапуту в Мозамбике, и его знаменитый соотечественник Сесар Манрике для самого Лансароте. Он мечтал преобразовать город, провинцию, страну, сделать что-то чему на свете не было равного. Еще мальчиком Даниэлю несколько раз довелось встретить великого скульптора, и уже тогда он знал, что последует по

его дороге, искусство Сесара Манрике, возведенное до уровня Творения, настоящего большого Творения, – ведь его материалом была сама природа, а холстом, на котором он творил – сама планета, – заморозило мальчика.

Однако, становясь все старше, получив определенный опыт в профессии, поработав немного в Марракеше и Касабланке, Даниэль с каждым днем отчетливее понимал, что здесь, на Лансароте, несмотря на любовь к родному острову, глубоко укоренившуюся в сердце, ему нечего делать. Лансароте и так совершенен в своем нечеловеческом величии, а потому, вероятно, чтобы воплотить мечту в жизнь, придется покинуть эти края – но куда податься, Даниэль не имел понятия.

Поначалу он подумывал о Соединенных штатах, ведь там так мало истинно красивых зданий, потом понял, что его не привлекает Северная Америка, а вот в Латинской Америке, где также говорят на испанском языке, вероятно, найдется место и для него. Поэтому он стал все чаще задумываться над переездом в Буэнос-Айрес, но что-то словно все время препятствовало, останавливало: возникали сомнения, не одобряли родители, было жаль оставлять друзей и родные края, свою сложившуюся и вполне счастливую жизнь.

Так было до тех пор, пока Даниэль не услышал о Терранове – и с тех пор потерял покой и сон, понимая, что наконец-то появился проект, достойный, как казалось ему, того таланта, что столь щедро подарил ему Создатель. И с тех пор

Даниэль готовился покинуть любимый остров. А пока все-таки расскажем о Лансароте и о том, почему же так трудно было Даниэлю даже думать о предстоящей разлуке, которая однако была неизбежной.

Долгие годы своего существования Лансароте ничем не отличался от других похожих островов: здесь шумел такой же синий океан, росли такие же густые зеленые заросли, ведь во влажном воздухе, да при еще при столь теплом солнце растения чувствуют себя превосходно. Остров населяли такие же люди, как и соседние острова, они строили точно такие же города. Сюда точно так же приплывали корабли, некоторые из которых шли дальше – пересекая Атлантику, они направлялись в Новый свет. Когда-то на соседней Гран-Канарии ожидал продолжения своего плавания прославленный первооткрыватель, адмирал морских пустынь Христофор Колумб.

Так было вплоть до рокового 1730 года: тогда содрогнулась земля и началось страшное извержение вулкана, длившееся ни много, ни мало – шесть лет. Когда все вокруг успокоилось, когда застыли потоки лавы и осела вулканическая пыль, когда над островом снова засияло долгожданное солнце, с Лансароте произошли разительные перемены: во время множественных извержений люди, населявшие его, покинули остров, а не имеющие такой возможности животные, насекомые и растения – погибли. Лансароте представлял собой отныне безжизненную мертвую пустыню, обезображен-

ную лунными кратерами и странными изваяниями, словно высеченными рукой дьявола из затвердевшей лавы.

Однако если есть солнце – будет и жизнь. Постепенно, вызванные из-под земли его чудотворными лучами, вновь появились салатно-зеленые растения, вместе с ними вернулись и насекомые, земноводные, а потом и птицы.

Через некоторое время на Лансароте появились первые поселенцы. Они заново отстраивали города, но понимали, что остров уже никогда не будет таким, как прежде. Отныне жизнь здесь являлась величайшей трудностью, сопряженной с величайшей опасностью, ведь дремлющий под землей могущественный огненный бог мог пробудиться вновь.

Поэтому жители селились сначала лишь вдоль побережья, они возводили замки и форты, дома и особняки, а потом самые смелые двигались вглубь – возникали деревни и крестьянские фермы, снова появились оливковые деревья и виноградные лозы. Жители острова знали: чтобы его неплодородная теперь земля давала урожай, необходимы двойные и даже тройные усилия, а потому они работали с утра до ночи – и столетия спустя остров снова приобрел пригодный для обитания вид.

Но до сих пор в центре его живы зловещие огненные горы, до сих пор расстилается на многие километры черно-красная завораживающая путешественников пустыня, до сих пор во многих частях Лансароте можно легко вскипятить чайник, просто поставив его на песок, а над открытыми кратера-

ми – пожарить мясо или рыбу. Сохранились застывшие каменные реки, причудливые очертания черных скал, громаздящиеся друг на друге глыбы базальта и туфа, угольные террасы, заботливо обложенные каменными кладками, и безжизненные, покрытые толстым слоем пепла земли, на которых не пробивается ни одна травинка. Пройдут еще столетия и, если вулкан не проснется снова, то и эти пустынные земли будут вновь отвоеваны растениями и животными и сюда тоже вернется жизнь.

Но любой, кто вырос на этой странной земле, будет чувствовать свое отличие от жителей всех других мест на планете, и потому Даниэль так сильно был привязан к родному острову, к его странным чарующим пейзажам, суровой и такой необычной красоте, к его печальной, но жизнеутверждающей истории. Поэтому ему не хотелось покидать родные края, поэтому он медлил долгие годы, откладывая трудное решение на потом.

Но с другой стороны, понимал, что иначе нельзя. Его великий соотечественник, архитектор и скульптор Сесар Манрике посвятил свою жизнь тому, чтобы превратить родной остров в уникальный, не знающий равных по красоте и величию музей под открытым небом, и ему это удалось. Он добился того, что все дома на острове красили только в белый цвет, что не разрешали строить их выше, чем в два этажа, чтобы везде и во всем соблюдались симметрия и гармония. И в который раз объезжая родные края, Даниэль Сантьяго

понимал, что ему нет здесь места, ему негде применить свой талант – все уже было сделано до него. Остров представлял собой органичную смесь ада и рая и в таком виде являл собой безусловное совершенство. Но в других городах и странах по-прежнему нужны люди, которые знают, как превратить безжизненную пустыню в рай на земле. И именно туда Даниэлю и следовало направиться. Куда именно он не знал, но когда услышал о Терранове, то понял, что строители города мечтают сделать для нового города то же, что сделал Сесар Манрике для Лансароте. И Даниэль почувствовал, как сильно забилося сердце – пришел его звездный час, он сможет добраться до Террановы и превратить ее улицы в цветущие сады, равных которым не знала Семирамида, он сможет сделать ее восьмым чудом света, если только будет на то воля бога, да согласие хозяев!

Он ничего не знал об этом новом городе, строительство держалось в секрете, знал лишь, что к нему приступили примерно пять-шесть лет назад, но потом оно застопорилось, столкнувшись с техническими трудностями, затормозившими его примерно на два года. А затем продолжилось вновь. Уже проектировались первые улицы и возводились первые здания, но говорить об окончании работ было еще слишком рано. Как раз сейчас, в эту минуту, в чьих-то головах рождался образ этого удивительного, не имеющего себе подобных мегаполиса, и Даниэль мечтал приложить руку к этому поистине волшебному творению, хотя и понимал, что его –

без славы, без побед на международных конкурсах, без могущественных рекомендаций и крепкой репутации, – никто там не ждет.

Но, тем не менее, с ним была мечта и именно она заставила его, наконец, собрать вещи, сложить их в небольшой клетчатый чемодан, проститься с родными, устроив им отвальную вечеринку, и купить билет на корабль, плывущий в Барселону. Путь занимал пять дней, так что на борту у него будет время подумать над дальнейшими шагами и подготовиться к встрече со своими будущими работодателями.

Кармен Мендес была самой красивой, а заодно и самой назойливой девицей на всем Лансароте, а возможно, и на всей территории Канарских островов. Стройная миниатюрная брюнетка с золотисто-смуглой бархатистой кожей и такими же золотистыми темными глазами являла собой мечту многих мужчин города Арресифе, однако девушка не торопилась замуж, предпочитая веселые вечеринки, прогулки и просто безделье. С Даниэлем они были знакомы с детства, выросли в одном квартале, а когда стали постарше, ходили в одну и ту же школу, правда девушка была младше и, когда он уже был старшеклассником, она все еще ходила в начальные классы. Потом он отправился продолжать образование, а она так и осталась в том же квартале, работала в магазинчике своего отца и не стремилась к другим высотам. Правда Кармен была равнодушна к подаркам и красивой одежде, но даже ради этого она не готова была променять свою спо-

койную размеренную жизнь на стремительный бег большого города.

Поэтому сейчас, лежа в темноте рядом с Даниэлем, она, перебирая тонкими пальцами его волосы, пыталась понять, зачем же он все-таки покидает Лансароте. Кармен и Даниэль иногда встречались, так оба характеризовали свои отношения, но никогда не заговаривали ни о чем серьезном. Кармен иногда обижалась, сердилась, что он проводит с ней мало времени, болтала без умолку, жаловалась и потому была безоговорочно признана им самой назойливой из знакомых девушек. Несмотря на это, она была доброй, женственной и простодушной, чем в целом нравилась Даниэлю. Но когда они вот так пытались разговаривать в темноте, он отчетливо понимал, что говорить не о чем: Кармен никогда не поймет, чего он ищет, ей неизвестно стремление к большим свершениям, все, чего она хочет, это весело погулять в пятницу и в выходные, а потом всю неделю ждать новой пятницы. Даниэль не хотел так жить. Когда он впервые рассказал ей о Терранове, Кармен пожалала плечами и сказала только «Чушь какая-то. Как можно строить на воде?»

– А может, все-таки останешься? – в который раз проворкотала она. – Мне будет скучно без тебя! Здесь и так не очень-то весело, а так будет уж совсем скучно...

Она вытянулась вдоль его тела, крепко прижавшись к нему, словно пытаясь показать, как сильно не хочет его отпускать. Даниэль слегка улыбнулся в темноту.

– Почему бы тебе не перебраться на Балеарские острова? – спросил он. – Там куда как веселее! И вечеринки каждый день. Ты точно найдешь себе занятие!

– Серьезно? – равнодушно произнесла девушка. – Да куда мне. Я ничего там не знаю. Никого не знаю. Нет, не поеду никуда. И тебе не советую. Зачем тебе какой-то город в океане? Представляешь, как скучно там будет? Там же одни рыбы кругом.

– А здесь не так?

– И здесь так... – Кармен вздохнула. – Конечно, я понимаю, тебе хочется вырваться из этого дьявольского места... подальше от пепла, от чертовых вулканов. Многие мечтают об этом... Ну так и выбрал бы место поприличнее. Ехал бы в Америку. Или хотя бы в ту же Барселону и оставался там. Зачем тебе Терранова?

– Как ты не понимаешь, – возражал он, – Такого амбициозного проекта еще не было в истории человечества! Если я смогу стать архитектором Террановы, города будущего, я, считай, получу возможность увековечить свое имя! И карт-бланш на все другие проекты!

– И зачем тебе это? – с любопытством спросила Кармен, Даниэль понял, что ей бесполезно что-то объяснять и решил просто махнуть рукой.

– Давай спать, – предложил он. – Завтра рано вставать, у меня днем отплывает корабль, а еще столько незаконченных дел.

– Да, и мне в магазин надо, – сонным голосом откликнулась Кармен. – Конечно, давай спать. А все же, зря ты уезжаешь... Я, честно говоря, думала, что однажды, может нескоро, но однажды, мы могли бы пожениться... Завести детишек. Все равно ты не находишь другую, так что какая тебе разница!

– В смысле, какая разница? – Даниэль даже приподнялся на локте от удивления. Он вглядывался в ее белеющее в темноте лицо, стараясь заглянуть в глаза, но было слишком мало света. – Вообще-то, мне есть разница! Просто сейчас совершенно не до того.

– Знаю. Для той, кто захочет выйти замуж, ты самый неудачный вариант, – рассмеялась Кармен. – Кстати, тут Хулия рассказала, что у вас с ней был короткий роман пару месяцев назад.

– Какая Хулия?

– Хулия Кортес, дочь Лупиты.

– А, точно, – Даниэль согласно кивнул. – Да, наверное, был.

– Она сказала, что ты ее бросил. Это правда?

– Нет, – он закрыл глаза, чувствуя, что начинает засыпать.

Но Кармен, как всегда хотелось дойти до самой сути, поэтому она потрясла его за плечо, разбудив тем самым, и спросила:

– То есть, как нет? Ты говорил ей, что не собираешься продолжать с ней встречаться?

– Я ничего ей не говорил, а она ничего не спрашивала, – устало откликнулся он. – Не все спрашивают столько, сколько ты.

– Знаю, я совершенно невыносима, – сокрушенно вздохнула Кармен.

– Это точно, – он обнял ее за плечи и крепче прижал к себе. – Спи уже.

Однако она заснула не сразу, раздумывала над тем, что сказал Даниэль: над новым водным городом, над возможностью войти в историю, и в итоге поняла только, что все это ее совершенно не интересует. Мысли переключились на сплетницу Хулию, а потом Кармен все-таки заснула.

Когда она проснулась, Даниэля уже не было – он всегда просыпался очень рано, еще до рассвета, наверное, потому и успевал так много.

А он уже торопился, чтобы завершить оставшиеся незаконченными дела, проститься с родными, а к полудню успеть в порт и занять свою каюту на борту парома, что держал курс на Барселону.

Глядя как удаляется родной берег, как тонут в туманной дымке знакомые горы и здание форта, как все меньше становится вокруг кораблей, Даниэль с тревогой, смешанной с радостным волнением, думал о том, что же ждет его там, по другую сторону Средиземного моря, где ему предстояла встреча с важными людьми, которым еще нужно доказать, что он годится для строительства чудо-города, что он – имен-

но тот архитектор, который им нужен. А как он сможет доказать, если не уверен в этом сам? Что если он может творить, только находясь на Лансароте, а за пределами родной земли теряет свою силу? Что если он зря отправился в это путешествие?

Остров скрылся вдали, вокруг расстилалась безбрежная серо-голубая пустыня. Даниэль стоял на палубе, глядя на беспокойную поверхность океана, ветер шевелил его волосы, нашептывая песни сирен, что жили здесь во времена Одиссея. Его Одиссея только начиналась. Интересно, вернется ли он когда-нибудь в родные края?

Сейчас у него было целых пять дней, чтобы подумать об избранном пути и подготовиться к предстоящим испытаниям.

Даниэль совершенно не представлял, что его ждет. Он не пытался загадывать, это было не в его характере. Но, следует отметить, что даже если бы он продумал сотни и тысячи различных сценариев, проследил множество путей, по которым могла бы пойти его будущая жизнь, начиная с этой отправной точки, он бы никогда не предположил того, что произошло в действительности, ведь судьба порой бывает совершенно непредсказуема. Мог ли он подумать, что его Одиссея затянется куда дольше, чем он ожидал? Мог ли подумать, что встретится с тем, во что никогда не верил? Мог ли представить, что причина, что вела его сейчас прочь от родного порога, была куда сложнее и важнее, чем просто строительство

нового города, даже если речь шла об удивительном городе будущего?

Нет, всего этого Даниэль Сантьяго не знал. Он просто спустился в каюту, где разложил вещи, а потом вытащил схемы и конспекты, достал карандаши и принялся готовиться к предстоящей встрече: чертил новые и новые рисунки, делал расчеты, придумывая, размышляя, изобретая. Пять дней пролетели незаметно.

Глава 2. В Барселоне

Едва прибыв в Барселону, Даниэль был потрясен ее размерами, шумом и странным величием, однако познакомиться с городом получше возможности не было: в порту его встретил школьный приятель Рауль, который перебрался в Барселону и занимался здесь адвокатской практикой, нужно сказать, довольно-таки успешно. И еще Рауль был из тех людей, которые знают все обо всех.

Он отличался невысоким ростом, крепкое коренастое телосложение досталось ему от бабки-уругвайки, прибывшей некогда в Испанию работать на добыче соли. После она вышла замуж за каталонца и перебралась на Лансароте. А вот сам Рауль, получив отличное образование, вернулся на материк, женился, завел детей – двух мальчишек, которые уже пошли в школу, кроме того весьма преуспел в карьере, потому не знал никаких материальных проблем – и сейчас за рулем своего «Порше» он вез Даниэля в загородный дом.

Всю дорогу Рауль лениво рулил и болтал, не закрывая рта, а Даниэль слушал его в пол-уха, ведь он знал заранее, что скажет приятель. Что ему, с его способностями, надо было не зарывать талант в землю, а бежать с Лансароте, едва минуло шестнадцать лет, и сейчас у него тоже уже была бы семья, отличные ребяташки и такая же блестящая новенькая машина. Он потратил впустую столько лет и ничего не добился!

Даниэль же, напротив, думал, что у каждого своя судьба и свое предназначение. И ему не нужна новая машина, как не особенно нужна и семья. Ему хочется, чтобы его именем была названа улица Террановы, чтобы его упоминали потомки, с восторгом рассказывая о строительстве чудесного города, как упоминают сейчас жители Лансароте имя Сесара Манрике.

А еще он не слушал Рауля, потому что восторженно смотрел по сторонам. На покрытые пышной зеленью горные склоны, на уходящие к облакам пики вершин, на обрывающуюся вниз прямо у края дороги отвесную уходящую в бездну стену, за которой расстилалось бескрайнее синее море. Средиземноморье – синяя страна, в этом не было никаких сомнений.

Он смотрел на идущие по морю контейнерные суда, они шли без перерыва, одно за другим, и казалось, представляли собой бесконечный караван, идущий по безбрежной пустыне: едва судно скрывалось за горизонтом, на его месте появлялось второе, затем третье, четвертое, пятое... Даниэль смотрел на них с интересом и даже плохо скрытым восторгом, его взгляд перехватил Рауль, взглянул в сторону моря и, улыбнувшись, спросил:

– Смотришь на корабли? Да, они тут постоянно! Как не посмотришь – кто-то куда-то плывет.

– Их просто великое множество! – воскликнул Даниэль. – Больше, чем в «Илиаде» у Гомера! Бесконечная вереница! Я

думал на Лансароте их много, но в наш порт редко приходят большие суда. В основном всякая мелочь. Но здесь – что-то невероятное! Начинаю жалеть, что я не художник. Хотя, когда учился в Академии, неплохо рисовал. Но больше графику. Вряд ли смогу передать здешние невыразимые краски!

Рауль пожал плечами, словно говорил: кто знает! А потом снова повернулся и посмотрел вслед кораблю, который уже превратился в небольшую черную точку у линии горизонта, а на его месте возник новый сухогроз.

– Это все принадлежит Железной Крис, – бросил он. – Все эти корабли.

– То есть?

– Корабли. Да и остальное – все вокруг. В здешних краях мало такого, что не принадлежит ей. Кажется, она скоро выкупит само море, а затем доберется и до солнца. Не удивлюсь, если она уже арендовала трон, на котором на небе сидит сам Господь!

– Да о ком ты? – не выдержал Даниэль. – Ничего не понимаю! Ты стал болтать как настоящий каталонец!

– Еще бы! Проживи двадцать лет в Барселоне – не так заговоришь! Я о Железной Крис. О твоей будущей начальнице. Если, конечно, попадешь в Терранову. Потому что и Терранова – принадлежит ей. Это ее самое любимое детище.

– Кто такая Железная Крис и почему ты ее так называешь? – удивился Даниэль.

– Кристина Алькасар, хозяйка судоходной компании «Ка-

лина Интернешнл» и холдинга «Манрике норте», слышал про такой?

– Разумеется.

– Вот как раз она и придумала строительство Террановы. Точнее ее бывший муж, а Крис поддержала его проект.

– Почему ты назвал ее железной?

– А все ее так зовут. Не знаю, откуда пошло. Много лет назад Крис была бедной девчонкой из России. Потом вышла замуж за престарелого графа, он быстренько скончался, оставив молоденькой жене все свое огромное состояние. Потом было много всякой грязи: судебные процессы, убийства, кажется, кого-то даже посадили за решетку. Не часто в Испании сажают за убийство людей из высшего общества, был громкий процесс! Неужели не слышал?

– Нет, – Даниэль покачал головой. – Я не интересуюсь сплетнями. А как это тебя не угораздило принять в нем участие?

– Я тогда учился в Штатах, получал степень магистра, – пояснил Рауль. – Поэтому подробности дела знаю не так хорошо. Когда вернулся, я пробовал несколько раз подобраться к Крис, но она меня даже близко не подпустила. Окружила себя русскими, кого оттуда привезла, кого из местных эмигрантов набрала, да еще немцев множество. Испанцев вокруг нее мало. Крутятся два старикана, и все. Так вот, Кристина сказочно разбогатела за последние годы. Она и раньше была небедна, но сейчас, кажется, может сложить денежный мост

до луны и обратно.

– Я думал, что строительством Террановы руководит Эрик Вайс?

– Да, он главный менеджер этого проекта.

– И еще Франк Хиппель.

– Он один из основных инвесторов. Руководитель крупного консорциума из нескольких банков, торговых компаний и промышленных корпораций в Германии. Небедный человек, прямо скажем. Не забудь еще Венсана Сенье, он главный архитектор проекта. Твой будущий босс, – здесь Рауль хитро подмигнул, из чего Даниэль сделал вывод, что приятель ни на секунду не верил, что ему удастся попасть в Терранову и как-то повлиять на ее архитектуру. – Но это только видимость. На самом деле всем руководит Железная Крис. Она не любит быть на виду, дергает ниточки издалека, словно кукловод. Говорят, идея создания чудесного города принадлежала ее покойному мужу. Там чуть ли не каждая вторая улица носит его имя.

– В Терранове есть улицы?

– Проекты улиц. Пока, они существуют лишь на бумаге, насколько я знаю, – откликнулся Рауль. – Вообще, Дани, ты молодец, что выбрался сюда. Сам поймешь, что в Барселоне куда веселее, чем на нашем богом забытом острове!

– Зато, нас не забывает дьявол, – заметил Даниэль, и Рауль с улыбкой кивнул.

– Это точно. Но зря ты вбил себе в голову эту глупость про

Терранову. Руку даю на отсечение (на самом деле Рауль выразился куда грубее), что тебе и двух слов не позволят сказать с Венсаном Сенье, не то, что с Кристиной Алькасар! Она знается с принцами, с высшей знатью да с миллионерами.

– Поспорим? – Даниэль протянул ему руку, чтобы заключить пари. Когда он сильно хотел чего-то – а он никогда не хотел ничего настолько сильно, как заняться строительством Террановы, – он умел добиваться своего. Иногда Даниэль чувствовал в душе такую силу, что кажется, если бы он захотел, чтобы море вдруг расступилось – его волны разверзлись бы перед ним, как перед Моисеем, позволив пройти, не замочив ног.

– Да брось. Вот сейчас познакомишься с моей женой Ортанс, с ней и поспоришь, она любительница поспорить обо всем! Чемпионка мира по заключению пари!

Познакомились они буквально через каких-то полчаса, когда Рауль лихо подрулил к дверям белоснежной виллы, примостившейся на краю уходящего в море утеса. Автоматические ворота распахнулись, и машина въехала в аккуратный зеленый двор, небольшой, но весьма уютный.

– Красиво тут у тебя, – признал Даниэль.

– Подожди, ты еще не видел, какой вид открывается с террасы, – с восторгом откликнулся Рауль. Но идем, я все тебе покажу!

Его супруга Ортанс оказалась невысокой довольно плотной женщиной, тем не менее, миловидной, смешливой, с

копной вьющихся черных волос и объемной грудью. Конечно, ей было далеко до красавицы Кармен, но она была вполне подходящей парой для Рауля.

– Ого! – громко воскликнула женщина и тут же оглушительно расхохоталась, с интересом разглядывая гостя, – Ты не говорил, что у тебя такой красавчик-друг! Если б сказал, я бы передумала за тебя выходить! А ты иди-ка сюда, обнимемся, я столько про тебя слышала!

Дэниэль, рассмеявшись, обнял Ортанс и поцеловал ее в щеку.

– Рад познакомиться, и что же ты слышала?

– Слышала, что ты самый талантливый дизайнер в мире, однако прозябаешь на богом забытом острове.

– Я архитектор и дизайнер ландшафтов, не знаю на счет самый талантливый.

– Что скажешь про наш дизайн? – Ортанс раскинула руки в стороны.

– Очень недурно! – согласился Даниэль. – Я бы изменил вот ту лестницу, ту, которая ведет вниз к морю. Так у вас будет больше места, кроме того, из бассейна будет открываться вид сразу на береговую полосу. А в целом – отлично!

– Спасибо, я старалась, знаешь, сколько с ним спорила, – удовлетворенно кивнула Ортанс. – Я тоже дизайнер, только вот сижу дома с мальчишками, вместо того, чтобы работать.

– Это здорово, – Даниэль пожал плечами. – Лично мне не нравятся женщины, которые много работают. Женщина

должна поддерживать очаг в доме, разве нет?

– Дело говоришь, дружище, – Рауль с размаху хлопнул его по плечу. – Вот и я говорю ей то же самое! Ну ладно, пошли, покажу твою комнату, разложишь вещи, отдохнешь, а потом спускайся вниз, выпьем по бокальчику вина, пока я буду готовить барбекю.

– Спасибо, что приютили, – улыбнулся Даниэль. – Когда у меня будут лучшие апартаменты в Терранове, приглашу вас к себе в ответ!

– Лучшие апартаменты в Терранове будут у Крис, и вряд ли она тебя пустит погостить, – засмеялся Рауль.

– Почему? – на бегу заметила Ортанс, расставляя посуду в террасе. – Чем он не хорош! Взгляни, какой красавец!

– Ты же знаешь, Крис, в отличие от тебя, не интересуется мужчинами.

– В смысле? – переспросил Даниэль. В его словах он словно уловил намек на что-то и решил побольше узнать о женщине, с которой ему предстояло иметь дело.

– Она вышла замуж за графа Манрике по расчету, как я тебе уже рассказывал. А потом, когда он умер, второй раз ни за кого не пошла, хотя желающих было – хоть отбавляй.

– И даже ни с кем не встречалась? В наше время не обязательно жениться, особенно, когда речь идет о таком состоянии, как у нее. Это опасно.

– Говорят, что нет. Ходили слухи о ее романе с каким-то русским артистом, но это было давно и из этого ничего не

вышло.

– В чем же дело?

– Она на все вопросы отвечает, что продолжает носить траур по любимому мужу, да слишком много работает. Но на самом деле – у таких женщин просто нет сердца. Она добилась, чего хотела – получила деньги, потом выкинула всех членов семьи из холдинга, все прибрала к рукам. Зачем ей мужчина?

– Может, хотя бы, чтоб родить наследников?

– Она и к этому, по-моему, неспособна, – заметил Рауль. – Сам все увидишь, если тебе удастся добраться до нее. А пока, иди, отдохай и спускайся к обеду.

У себя в комнате – небольшой, чистой, выходящей окнами на море, Даниэль, раскладывая вещи, задумался над словами Рауля. Тот вряд ли ошибался, ведь Рауль всегда знал все обо всех. Так что, характер у Кристины Алькасар, наверное, не сахар. С другой стороны – ему вряд ли придется иметь дело с ней лично, к тому же, если все эти рассказы правдивы – женщина очень умна. А умные люди не мыслят шаблонами, возможно, она рискнет довериться начинающему, но талантливому архитектору. Кроме того, ему понравилось, что фамилия ее мужа была «Манрике», точно как у его кумира, гениального скульптора с Лансароте. Даниэль увидел в этом чрезвычайно добрый знак и поверил в свою удачу безоголочно.

Обрадовавшись своим мыслям, Даниэль направился в

душ, чтобы смыть с тела дорожную пыль, а после спустился к столу, накрытому заботливыми руками Ортанс. Рауль жарил барбекю и попивал вино. И внезапно Даниэль понял, что жизнь в Барселоне ничем не отличается от жизни на Лансароте – здесь та же неторопливая солнечная Испания, но возможно, чуть больше шансов заработать – и все.

Однако когда на следующий день он добрался до самого города, – Рауль забросил его по дороге на работу, – и отправился бродить по улицам Барселоны, он был поражен даже не величием и масштабом, сколько странным духом, который витал вокруг. Барселона словно впитала в себя истории множества поколений и народов, город казался современным и старинным одновременно, шумным, солнечным, веселым, но в то же время – чуть северным. Он побродил возле старинных верфей в порту, откуда прошел на Ла Рамблу – улица тут же оглушила его, Даниэль не любил подобные сборища туристов и сомнительных шарлатанов, пытающихся их обобрать до нитки, – а потому свернул в первый попавшийся переулок и оказался в прохладной темноте готического квартала. Стены словно надвинулись на него, улочки были настолько узкими, что между домами было едва протиснуться, но здесь – тихо и приятно, таинственно, загадочно, и Даниэль отправился бродить по извилистым каменным лабиринтам, пропитанным духом старины. Потом он выбрался, доехал до делового квартала, постоял немного перед стремительно уходящем к нему стеклянным небоскребом «Калины

Интернешнл»: возле здания находилась внушительных размеров композиция, изображавшая логотип компании – буквы КИ и ветка красных ягод над ними. Очевидно, эти самые ягоды и были той загадочной «калиной». Это название было, несмотря на слово «Интернешнл», очень русским, как вероятно и сама хозяйка компании. Описание, данное ей Раулем, заинтересовало Даниэля, никогда прежде он не встречал таких женщин – да на тихом острове их и быть не могло.

Оттуда он поднялся на вершину горы Монжуик, осмотрел город с высоты, – Барселона лежала перед ним, как на ладони и все казалось маленьким, незначительным и неважным.

А после пошел туда, куда собственно и мечтал попасть: к домам, построенным Антонио Гауди и навсегда изменившим дух и облик Барселоны, добавив ей особенный колорит, отличающий от всех других городов Земли. Дом Кальвет, с изумительными уникальными балконами, удивительная, не похожая ни на что в мире Каса Фигейрас, с устремившимся ввысь причудливым шпилем, напоминающая дом диснеевской принцессы из сказочного королевства. Знаменитый дом Бальо, с чешуйчатой крышей, словно там прикорнул отдохнуть пролетавший мимо дракон. Мозаичный фасад, черепя балконов – как такой замысел мог родиться, как все это смешалось так причудливо в голове великого мастера?

И наконец – Каса Мила, самый известный дом в Барселоне, а возможно и во всем мире! Даниэль отстоял длинную очередь, ведущую на крышу, а поднявшись – оказался

в сказочном царстве – разумеется, все эти фигурки он видел много раз на фотографиях, в книгах, в учебниках и на картинах, но действительность превосходила все ожидания! Не чувствуя усталости, не переставая удивляться фантазии мастера, он продолжал бродить, размышляя, пытаясь понять, как, откуда зародилась та или иная идея.

Спустившись с крыши, он направился в парк Гуэль, где и гулял до вечера, остановившись лишь раз у небольшого уличного кафе, чтобы перекусить. В задумчивости пропустил несколько звонков от Рауля, фотографировал, как и тысячи других туристов, пряничные домики на входе в парк, удивлялся, насколько органично его уникальная архитектура вписана в ландшафт, насколько сливаются и в то же время выделяются на фоне окружающей среды великолепные детали, украшавшие лестницы, дорожки, фонтаны.

Он сделал несколько зарисовок в блокнот, присел на скамью, задумавшись: а не помогли бы ему идеи предшественника для работы над Террановой, – и не заметил, как стемнело. Понимая, что уже поздно, он позвонил Раулю, который, отчаявшись дозвониться, уже направился в сторону дома. Даниэль сообщил другу, что ему так понравилась Барселона, что он хочет задержаться здесь еще на денек, а потому снял комнату в недорогом отеле в центре города, благо не в туристический сезон свободных комнат было предостаточно, кроме того, в центре каждый день открывался новый хостел, гестхаус или отель, готовый принять туристов, при-

езжающих со всех концов света.

– А я говорил! – сказал ему Рауль на прощание, – Был бы умным – давно бы перебрался сюда! Давай, гуляй, но чтобы завтра к вечеру – был у нас.

Уже у себя в номере Даниэль впервые почувствовал, как сильно он устал. Неудивительно – с утра до позднего вечера бродить по городу! Намотать столько километров! А чего только стоит одно метро – безумно неудобный вид транспорта. Как хорошо, что на Лансароте нет метро, не будет его и в Терранове, ведь как сделать метро в городе на воде! Если только... подводное метро! Об этом стоило подумать...

А на следующий день он отправился туда, куда так стремилось его сердце – к главному шедевру Гауди и самому знаменитому зданию Испании – символу Барселоны, вечному недострою – собору Святого семейства.

Прижавшись лбом к железным прутьям забора, Даниэль смотрел на каменные кружева, на похожие на оплывший свечной воск купола собора, на злобные лица, смотревшие с фасада здания, причем в какой-то момент вдруг поймал себя на мысли, что лица праведников ничуть не менее злы, чем лица демонических существ, здесь изображенных. Во всем облике здания было нечто жуткое, словно вокруг него веяло смертью, неужели, Гауди предчувствовал свою скорую трагическую гибель?

Даниэль прошел внутрь собора и до обеда бродил в его стенах, не переставая изумляться, восхищаться, но главное

– воспринимать. Ведь чем отличается взгляд художника, от взгляда обычного человека? Люди – смотрят, восторгаются, оценивают. А художники чувствуют, воспринимают, словно внутренностями, не умом, не сознанием, а всем своим существом, улавливают удивительную энергию творения, которая осталась здесь еще со времен Антонио Гауди.

Осмотрев собор, он снова направился в Парк Гуэль, где бродил почти до сумерек, а вечером на поезде пустился в обратный путь – на виллу Рауля и Ортанс.

Глядя на синее за окном море, Даниэль вдруг отчетливо осознал, что в Барселоне есть почти все. Здесь есть море и пляжи, туристы и шумные проспекты, большие магазины и офисные здания, белоснежные виллы и гора Монжуик с чудесной крепостью на ней, удивительные дома Гауди и его чудесный парк, метро и машины, дворцы и стадионы, бездомные бродяги и знаменитые богачи, кинозвезды и аристократы, уличные артисты и многочисленные ресторанчики, громкие голоса и веселые испанские песни, а надо всем этим – несравненные шпили Саграда Фамилии, покрытые вечной сеточкой строительных лесов.

Но здесь нет и не будет спящего в земле страшного древнего пламени, нет дремлющего в недрах огненного бога, нет запорошенных серым пеплом долин, затаившейся в воздухе безмолвной угрозы, нет красных скал и огнедышащих кратеров – жарких печей дьявола, которые люди научились использовать себя на пользу. Город красивый, но от него веет

холодом. В общем – здесь не Лансароте и все тут! Прошла всего неделя, с тех пор, как Даниэль покинул родные края, а тоска по оставленному дому уже тисками сжимала сердце. Да еще красотка-Кармен вчера прислала сообщение, спросив, когда он собирается назад! Никто не верит, что он надолго останется на чужбине! Но нет, он еще не сделал ничего, а право вернуться в родные края нужно заслужить! Он покупал себе билет в один конец – по крайней мере, пока не закончит со строительством Террановы!

Вечером Даниэль не стал засиживаться с Раулем и Ортанс на балконе, где те попивали холодное белое вино, любуясь набегаящими на берег волнами моря, с шумом разбивающимися о скалы.

Завтра ему предстоит встреча с главным архитектором и директором проекта Террановы, и Даниэль считал необходимым подготовиться и произвести самое благоприятное впечатление на будущих работодателей. А для этого следовало хотя бы собраться с мыслями и попытаться донести свои идеи в тот краткий промежуток времени, что у него будет: большие руководители не любят слушать долго.

Он лег в кровать и задумался над тем, что принесет ему завтрашний день. Со двора доносились громкие крики Ортанс, которая пыталась уложить спать непослушных сыновей и загнать домой расшалившуюся собаку, потом Рауль хлопал дверьми, закрывая машину и ворота, а через некоторое время дом погрузился в спокойный сон и был слышен только

шум прибоя, вечного, никогда не затихающего. Точно такой же шум прибоя и на Лансароте, однако там он куда сильнее, ведь океан только внешне похож на море, а на самом деле – отличается бесконечно, так же, как отличаются между собой его маленький, но теплый Арресифе и гигантская Барселона, утопающая в холодных ночных огнях.

А еще Даниэль думал, захочет ли он, даже во имя своей мечты о Терранове, работать со странной бессердечной женщиной, окружившей себя иностранцами, с той, кто хитростью и коварством заполучила огромное состояние, упрятала несколько человек за решетку, – а возможно была виновна и в других преступлениях, позволивших ей стать одной из богатейших женщин Европы. Можно ли работать с таким человеком и стоит ли? Поразмыслив, он рассудил, что собирается работать не во благо Железной Крис, не ради ее процветания, а во благо потомков, которые однажды поселятся в домах чудесного города будущего, Авалона новой цивилизации.

С этими мыслями, Даниэль, наконец, уснул. Ему предстоял трудный день, полный волнений и неожиданных поворотов судьбы.

Глава 3. Первая встреча

Даниэль впервые за долгие годы надел деловой костюм: серый, из отличного материала, сшитый специально на него в лучшем ателье Лансароте: в сочетании с белой рубашкой в легкую крапинку костюм смотрелся отлично, причем Даниэль не забыл положить в карман игривого цвета платок – ведь архитектор должен всегда быть художником. На прощание Ортанс и Рауль крепко обнимали и долго благословляли его. Но, несмотря на все их добрые напутствия, он нервничал и не решался переступить порог здания «Калины Интрешнл», а потом вдруг увидел купол небольшой базилики неподалеку и решительно направился туда. Вообще-то Даниэль не был ревностным католиком, но сейчас ему показалось необходимым получить высшее благословение, и потому он вошел и сел на скамью аккуратно в ту секунду, когда началась месса. Он рассеянно слушал и не слушал слова престарелого падре, а потом, когда месса закончилась, стоял перед витражным изображением Архангела Гавриила – вестника бога, как вдруг какая-то пожилая женщина, следуя мимо по проходу, повернулась к нему и произнесла:

– Пусть пошлет и тебе Гавриил добрую весть.

Даниэль улыбнулся и кивком головы поблагодарил ее: возможно, он пришел сюда, в базилику, чтобы услышать именно эти слова.

Уже без страха переступил он порог стеклянного здания-небоскреба: все равно пришел раньше назначенного срока и ему пришлось подождать добрых сорок минут в приемной Венсана Сенье. Правда милая девушка-секретарь любезно принесла чашку кофе и очаровательно улыбалась: Даниэль понял, что привлек ее внимание. Однако ему сейчас было совершенно не до девушек, ведь решался вопрос всей жизни!

Но от Венсана он услышал совершенно иные слова, чем от милой старушки из базилики. Никакой доброй вести тот не принес, напротив, внимательно выслушав Даниэля, изучив его чертежи и предложения, сообщил, что вынужден отказать.

– Ваше видение отличается от моего, существенно отличается. Мы видим Терранову иначе, – заключил Венсан, выговаривая слова с характерным французским акцентом. – Несомненно, ваши идеи интересны, но они не очень применимы к нашему городу. Поэтому, позвольте пожелать вам удачи, сеньор Сантьяго, рано или поздно, думаю, вы найдете свой проект.

– Я уже нашел свой проект, – возразил было Даниэль, но Венсан жестом прервал его, показывая, что разговор окончен.

– Я – главный архитектор Террановы, – заявил невысокий курчавый француз с аккуратно подстриженной бородкой, – и я говорю, что вы нам не подходите! Кроме того, согласи-

тесь, в мире тысячи специалистов с блестящими знаниями, талантом, прекрасным образованием, опытом, репутацией. У вас же нет нужного опыта и репутации, вы согласны?

Даниэль кивнул.

– Тогда разговор окончен. Спасибо за ваш визит.

– Может быть, я могу поговорить с господином Франком Хиппелем? – поинтересовался Даниэль. – Вдруг он иначе оценит мою заявку?

Венсан равнодушно пожал плечами и кивнул на соседнюю дверь.

– Зачем, ведь архитектор здесь я? Впрочем, если желаете...

Даниэль тут же решительно направился к двери, постучал, а услышав «войдите», сказанное с теперь уже с немецким акцентом, быстро проскользнул внутрь.

Франк Хиппель был высокого – почти два метра – роста и являл собой типичного представителя Германии: средних лет, плотного телосложения, светловолосый и голубоглазый, с широким улыбчивым лицом, он казался весьма интересным мужчиной, к тому же во всем его облике чувствовались аккуратность, целеустремленность и редкостная внутренняя сила. Неудивительно, что он сумел стать миллионером еще совсем в юном возрасте!

Он внимательно выслушал Даниэля, но оказался далек от мыслей о дизайне: все термины, которые использовал посетитель, ни о чем не говорили ему и совершенно не интере-

совали.

– Простите, я не специалист в этом вопросе, – произнес он, наконец, несколько сокрушенно, – Вам бы лучше поговорить с Венсаном Сенье, сейчас я его позову.

– Я говорил с сеньором Сенье только что, – Даниэль сделал протестующий жест рукой, – Он сказал, что я не подхожу Терранове.

Хиппель замолчал, оперся на локти и с изумлением уставился на своего посетителя. «Так чего же вы тогда хотите от меня?!» словно говорил его взгляд.

Даниэль вздохнул и поднялся.

– Простите, что отнял у вас время.

– Ничего страшного, рад знакомству. – Хиппель пожал ему руку. Как истинно практичный человек, бизнесмен считал, что любое знакомство может пригодиться однажды. Если б он только знал, насколько был прав в этот раз! Но этого Франк Хиппель не знал и просто пожал Даниэлю руку.

Даниэль вышел из кабинета и побрел по коридору, он понимал, что потерпел сокрушительное фиаско, но отчаянно не хотел сдаваться, он не хотел даже покидать это здание, здесь он чувствовал себя совершенно как дома!

Спустившись на пару этажей вниз, он снова бесцельно побрел по коридору, разглядывая висевшие на стенах фотографии кораблей, принадлежавших судоходной компании, а потом остановился у дверей в большую приемную. Двери были открыты, Даниэль из чистого любопытства заглянул внутрь,

и в эту секунду прямо на него выскочила миниатюрная пышно-волосая девушка с чашкой в руках. И по счастью, видимо сам Архангел Гавриил прислушался к его мольбам, – в этой чашке был кофе. И по счастью, девушка выплеснула его прямо на бумаги, которые держал в руках Даниэль. Вскрикнув от ужаса, она застыла, раскрыв рот, а потом начала испуганно извиняться, увидев кофе и на снежно-белой рубашке незнакомца.

– Я не обожгла вас? – торопливо воскликнула она, – Простите, я такая неловкая!

– Ничего-ничего, я всегда любил кофе, – ободряюще улыбнулся Даниэль. – Так что бог с ней, с рубашкой! А вот бумаги, конечно, жаль.

– Они были важными? – спросила девушка опечалено. Он кивнул.

– Давайте их сюда, – тут же решительно произнесла она, поставив чашку на стол. – Я быстро сделаю ксерокопии, пока листы не размокли окончательно. Даниэль протянул ей папку, девушка скрылась за соседней дверью, вскоре он услышал звук работающего копировального аппарата. Ему оставалось только ждать, и он принялся оглядывать приемную, а потом взгляд его остановился на табличке и Даниэль вдруг понял, чья это приемная. На табличке было выбито имя «Кристина Алькасар», Даниэль словно услышал шелест ангельских крыльев над правым плечом и понял, что кофе был пролит не случайно – шанс дается лишь раз и нельзя его

упускать! А что если эта милейшая девушка у ксерокса – и есть Кристина, мелькнуло у него в голове. В следующую секунду, отогнав эту мысль, как нелепую, он подошел и решительно отворил дверь, даже без стука. А потом вошел в кабинет.

За столом сидела женщина, она склонилась над какими-то бумагами, лица ее он не видел, только длинные темно-рыжие волосы. На ней было черное закрытое платье, как если бы она, и правда, до сих пор носила траур. Услышав его шаги, Кристина спокойно подняла голову, ожидая увидеть свою помощницу, но увидела незнакомого мужчину, замерла, на секунду потеряв самообладание. На ее лице отразилась растерянность.

За эту секунду Даниэль успел заметить, что хозяйка морской империи была довольно молода и хороша собой, особенно огромные голубые глаза, необычной очень красивой формы – большие, вытянутые к уголкам, типично славянские, он не встречал таких прежде! В следующую секунду она уже справилась со своим изумлением, ее лицо приобрело вдруг холодную жесткость, а глаза показались уже не прозрачно-голубыми, а стальными, и Даниэль понял, что прозвище было дано ей не зря.

– Вы что-то хотели? – спросила она, и его поразило звучащее в голосе ледяное безразличие, словно с ним говорил робот, а не человек.

– Меня зовут Даниэль Сантьяго, – он вежливо поклонил-

ся.

– Я не спрашивала кто вы. Я спросила, что вам здесь нужно, – оборвала Кристина все тем же железным голосом. – Вы работаете в моей компании?

– Нет, но хочу работать. Я был на собеседовании у Венсана Сенье. Он отказал мне, но я все же решил показать свои чертежи вам...

И без того огромные глаза Кристины еще шире распахнулись от изумления, казалось, даже эта железная леди потеряла дар речи от подобного нахальства.

– Венсан Сенье отказал вам, и вы... пошли сюда?!

– Как в суд высшей инстанции, – льстиво произнес Даниэль, слова пришли на ум так быстро, словно ему продолжал покровительствовать Архангел. На губах Крис мелькнула легкая улыбка.

– Так зачем вы явились?

– Надеюсь, что вы уделите мне десять минут своего времени, и я смогу показать чертежи...

– И где же они? – Крис скептически оглядела Даниэля, в руках которого ничего не было.

– Ваша помощница облила их кофе, как и мою рубашку...
Осталось пятно!

– Сочувствую, – холодно прервала Кристина.

– Она пошла сделать ксерокопии, чтобы исправить свою оплошность.

– И вы воспользовались тем, что в приемной никого нет,

чтобы проникнуть сюда...

– Именно так. На секунду мне показалось, что она – и есть вы... Я подумал, что это Кристина Алькасар облила меня кофе...

Кристина слегка приподняла уголок рта, что видимо должно было обозначать улыбку, а потом села, оперлась подбородком на руку и взглянула на Даниэля.

– Чтобы вы понимали, Маргарите, моей помощнице – еще нет тридцати, она очень молода. Я – нет, – строго сказала она. – И Кристина Алькасар никого и никогда не обливает кофе.

– Я понимаю, – он виновато кивнул.

– У вас есть пять минут, сеньор Сантьяго, – спокойно произнесла Кристина. – Хотя ваше нахальство, без сомнения, возмущает.

Что ж, пять минут – не десять, но зато она запомнила его фамилию! Воодушевленный, Даниэль попытался было сказать, почему он так хочет работать именно над фантастическим проектом Террановы, но Кристина снова резко перебила:

– Ближе к делу! И у вас, и у меня мало времени!

Тогда он прервался, на секунду растерянно замолчал, его мысли спутались, а ладони вдруг стали влажными от волнения. Казалось, он лишился дара речи, но после взял себя в руки и принялся рассказывать о том, каким видит этот проект и свое в нем участие, об идеях и замыслах, а Кристина

все это время смотрела не на него, а на стрелку, бегущую на ее дорогих наручных часах, а потом все также равнодушно произнесла:

– Ваши пять минут истекли.

Даниэль снова замолчал, она подняла на него свои синие холодные глаза.

– Прощайте, сеньор Сантьяго, у меня много работы. Спасибо, что заглянули. Маргарита вас проводит.

Растерянный, Даниэль даже не успел поблагодарить ее за уделенное время. Как она могла отказать так быстро, да и слушала ли она вообще?! Маргарита в эту секунду, действительно, неслышно появилась на пороге, но не одна, ее сопровождал дон Габриэль.

– Крис, ты занята? Привет. Не знал, что у тебя встреча. Мне зайти попозже? – за эти десять лет Габриэль сильно сдал, подводило здоровье, несмотря на заботу, которой окружала Кристина своего советника, вылечиться от подтачивающей организм болезни никак не удавалось.

– Нет, все в порядке, сеньор уже уходит. Рада вас видеть, дон Габриэль, – Кристина поднялась ему навстречу, – Маргарита, принеси дону Габриэлю кофе.

Кивнув, Маргарита скрылась в приемной, а Даниэль молча наблюдал: на него больше никто не обращал внимания, но и уйти он не мог, ведь Маргарита убежала за кофе для дона Габриэля и так и не отдала чертежи.

– Присаживайтесь, – предложила Кристина своему гостю.

Габриэль сделал шаг в сторону кресла, а потом вдруг покачнулся, схватившись за сердце, судорожно хватая ртом воздух. Кристина бросилась к нему, но никогда не смогла бы удержать его одна – тело человека, теряющего сознание, бывает чертовски тяжелым, – ей помог Даниэль, который мгновенно сориентировался, подхватил старика под мышки, поволок к креслу и усадил.

– Нужен свежий воздух, – быстро сказал он.

– Здесь окна не открываются, – прошептала испуганная Кристина, во все глаза глядя на задыхающегося человека.

– Тогда включите кондиционер! И потом вызывайте скорую!

На секунду Кристине вдруг показалось, что подул холодный воздух, она испуганно схватила Даниэля за руку чуть выше локтя, напряглась, прислушиваясь: не раздастся ли шелест крыльев... Но было слышно лишь тяжелое дыхание Габриэля.

– Здесь есть врач, я сейчас позвоню, – справившись с первым испугом, – а Даниэль был готов биться об заклад, что в эту секунду она действительно была напугана, – Кристина включила кондиционер на полную мощность и набрала телефон врача. – Он будет с минуты на минуту.

Даниэль между тем нашел в кармане дона Габриэля спрей, которым тот пользовался во время таких приступов, раскрыл старику рот и несколько раз впрыснул лекарство, после чего дыхание Габриэля стало чуть более ровным. Он, видимо от

испуга, крепко вцепился в руку Даниэля и не отпускал до самого прихода врача.

Чуть позже, когда подали карету скорой помощи, Даниэль, не забыв прихватить свои чертежи, помогал санитарам: открывал перед ними двери, держал лифт, чтобы им было проще спустить больного на нижний этаж. Кристина спустилась вместе с ними.

Когда карета скорой помощи скрылась, увозя больного в госпиталь, Кристина и Даниэль продолжали стоять рядом на улице, глядя ей вслед.

– Спасибо вам, я очень растерялась, не знаю, что бы я делала, если бы он умер у меня в кабинете... – тихо сказала женщина, и Даниэлю вдруг показалось, что почему-то Кристина считала такой исход реальным, а еще, что она видимо боится покойников.

– Не за что, – ответил он. – Пустяки. Любой бы помог в такой ситуации.

– До свидания, сеньор Сантьяго, – любезно кивнула ему Кристина и направилась обратно в вестибюль.

– Сеньора Алькасар! – окликнул он. Она обернулась, и на миг его ослепила вспышка солнца на ее длинных огненных волосах, наверное, такие волосы были у скандинавских валькирий или у Саламандры, девы огня! – Что насчет моих чертежей? Поверьте, мои идеи неплохи, я знаю, что говорю, и если сеньор Венсан ничего в них не увидел, это не значит, что...

– До свиданья, сеньор Сантьяго, – уже жестче прервала его Крис и ее голос снова стал металлическим, взмахнула длинными ресницами, резко повернулась и скрылась в здании. Он проводил ее разочарованным взглядом.

Вечером в доме Рауля вместе с добросердечными хозяевами за вкусным ужином и бокалом вина, слушая плеск волн, Даниэль погоревал над неудавшимся собеседованием. Рауль и Ортанс отпустили на эту тему немало шуток, в основном касавшихся сурового нрава Крис и облитых кофе чертежей.

– Что ж, хотя бы я выиграл наш спор, – заметил Даниэль. – Рауль говорил, что мне не удастся даже поговорить с Кристиной!

– Но я тоже выиграл! – тут же парировал Рауль. – Я говорил, что тебя не возьмут. И тебе действительно отказали!

– А я пока не собираюсь сдаваться, – возразил Даниэль, – Не для того я приехал сюда с Лансароте, не для того оставил любимый остров и семью! Нет, Кристина Алькасар еще возьмет назад все свои слова, клянусь!

Уже ночью, в своей комнате, он никак не мог заснуть, все прокручивая в голове каждый момент этого неудачного визита, с другой стороны, был ли он настолько неудачным? Ведь то, что случилось с доном Габриэлем, без сомнения было не случайным совпадением, но знаком, посланным самим Господом, чтобы дать ему шанс познакомиться с хозяйкой судоходной компании поближе! Даниэль поймал себя на мысли, что образ женщины с огненными волосами и

огромными синими глазами не выходит у него из головы. Несомненно, она холодная и бездушная. Но всегда ли она была такой? Кажется, она искренне переживала за дона Габриэля. Или же ей просто зачем-то нужен этот старик? В любом случае, она очень хороша, и неудивительно, что граф Манрике некогда потерял голову. Кроме того, она несомненно умна, держится с достоинством, но уж очень резка. Хотя, каким бы стал он сам, если бы ему выпало то, что выпало ей? Он прожил жизнь на уединенном острове, вдали от проблем и стрессов большого города, и не ему судить Железную Крис, управляющую огромной империей. Засыпая, Даниэль уже знал, что его поход против «Калины Интернешнл» не окончен, он был намерен штурмом взять эту неприступную стеклянную крепость, получить возможность работать в Терранове, а может быть, и занять место неуступчивого Венсана, кто знает? И в это мгновение в его голове родился план. Старика звали Габриэль, а он просил о помощи Архангела Гавриила... Габриэль, Гавриил... Вот и пришла к нему добрая весть!

Поэтому уже на следующий день Даниэль снова вернулся в Барселону, с помощью вездесущего Рауля разузнал, где находится дон Габриэль Ортис, и явился его навестить. В конце концов, он, как оказавший больному первую помощь, имел полное право узнать, в каком состоянии находится спасенный им человек, кроме того предполагал, что в случае, если Ортису лучше, тот вполне может обрадоваться гостю. Так и

вышло. Дон Габриэль сразу же узнал Даниэля: несмотря на свою немощь, он сохранил живой ум и неплохое зрение, поэтому едва Даниэль в белом халате для посетителей появился на пороге его палаты, как дон Габриэль, всмотревшись, радостно улыбнулся.

– А, это вы, молодой человек! Входите, входите! Рад вас видеть! Я и сам думал разыскать вас, когда выйду отсюда. Спасибо, что не дали мне умереть!

Дон Габриэль лежал обложенный подушками и укрытый одеялом, а в его вене торчала игла от стоявшей рядом капельницы, очевидно, лечение не прерывалось ни на минуту.

– Добрый день, сеньор, я пришел узнать, как ваше самочувствие, – Даниэль сделал шаг к кровати, на которой лежал больной. Тот выглядел уже лучше, дышал спокойно и лишь чуть красноватый цвет кожи свидетельствовал о проблемах с артериальным давлением.

– Спасибо, мне лучше. Но эти негодяи – врачи, считают, что мне надо побыть здесь еще добрых пять дней. А я б уже сейчас отправился домой.

– Лучше не торопиться. Вы были совсем плохи вчера. Рад, что вам лучше.

Дон Габриэль любезно предложил своему посетителю присесть на стул у кровати, чем тот незамедлительно воспользовался, а потом, как и надеялся Даниэль, больной поинтересовался, зачем тот приходил в офис «Калины Интернешнл» и как оказался в кабинете Кристины. Выслушав ис-

торию про облитые кофе чертежи, Габриэль рассмеялся.

– Забавно, – старый советник надолго закашлялся, потом продолжил, – Значит, вы архитектор? И считаете себя достойным работать на нашем проекте?

– Совершенно верно, – подтвердил Даниэль. И он с энтузиазмом принялся рассказывать о том, почему хочет работать именно здесь, о своем взгляде на идеальный город, о революционных идеях и технологиях, о мечтах и иллюзиях, о том, как покинул родной остров ради того, чтобы нести свой талант людям, чтобы использовать его во благо будущих поколений.

– Ведь в каждом городе обязательно есть улица Строителей, – закончил Даниэль свою вдохновенную речь, – Потому что именно им город обязан самим фактом своего существования, а также всеми благами, которые могут пользоваться люди, в нем живущие.

Выслушав своего посетителя, Габриэль Ортис долго молчал, погрузившись в мрачноватую задумчивость, а потом поднял глаза и снова откашлялся.

Даниэль поднялся, взял с тумбочки стакан с водой и протянул ее старику. Тот поблагодарил, сделал несколько глотков, после чего Даниэль вернул стакан на место, а больной продолжил:

– Я понял то, что вы мне сказали сейчас. И вы мне нравитесь, молодой человек! Как, кстати, ваше имя?

– Даниэль Сантьяго.

– Так вот, Даниэль Сантьяго, вы мне нравитесь. Вижу, сколько в вас энтузиазма, как вы горите своими идеями, и в них тоже есть рациональное зерно! Я не очень сведущ в архитектуре, но, тем не менее, уверен, что вы рассуждаете правильно. Вы напоминаете мне Кристину, какой она была тогда, когда я впервые познакомился с ней. Тогда она лучилась жизнью, переливалась эмоциями и смехом, она так же, как и вы, горела идеями, ее глаза сияли...

– Где же все это теперь? – удивился Даниэль. О той ли женщине говорит этот пожилой сеньор? Дон Габриэль только махнул рукой.

– Не спрашивайте! Впрочем, после всего, что ей довелось пережить... И потом, этот груз, Терранова, холдинг, огромное состояние, – все взвалили на хрупкие девичьи плечи. Кто угодно сломается!

– Кроме нее. Ведь она сделана из железа! – пошутил Даниэль.

– Ведь она сделана из железа... – как эхо откликнулся собеседник, но в отличие от Даниэля его голос прозвучал совершенно серьезно и в нем отчетливо сквозило сожаление.

Улыбка сползла с лица Даниэля, и он задумчиво произнес:

– Знаете, я никуда не тороплюсь и вполне могу побыть с вами еще немного. Если вы не устали, расскажите мне о ней, дон Габриэль! Обо всем, что случилось. Я слышал, скажу честно, не самые лестные отзывы о хозяйке «Калины Интернешнл», впрочем, наверное, вы и сами знаете, что о ней

говорят.

– Знаю...

– Так помогите разобраться, где правда, а где ложь!

Габриэль задумался. С одной стороны ему не хотелось обсуждать свою подопечную с совершенно посторонним человеком. С другой – хуже репутация Кристины уже не будет, потому что хуже просто некуда, хотя... если сравнить с репутацией покойного Флореса – Кристине есть куда расти! Кроме того, Даниэль нравился старику и вызывал симпатию, а в свои-то годы он знал толк в людях и не обманулся бы просто широкой улыбкой и приятным обликом посетителя. Да и хотелось старику поделиться тем, что накопилось в душе за те долгие годы, что был он рядом с милой рыжеволосой девочкой, которая постепенно превращалась в бессердечную королеву морей.

И он пустился в рассказ о прошлых годах, выслушав который, Даниэль понял, что его мнение о Кристине Алькасар уже никогда не будет прежним. Он верил этому старому сеньору с благородным лицом и умными глазами: такой человек не станет лгать.

Кристину Алькасар нашли спасатели в тот момент, когда она уже готовилась сбросить тело Максимино Флореса в воду, чтобы он навсегда обрел покой на дне огромной океанской могилы. Однако спасательный катер подоспел вовремя, Кристину и тело ее спутника доставили на берег, и Флореса удалось похоронить, как подобает. Кристина впоследствии

часто приходила на его могилу, почти так же часто, как на могилу покойного мужа. И если у мужа она просила сил и защиты, то на могиле Флореса вспоминала данные ему клятвы и становилась сильнее сама. Именно здесь, у его надгробного камня, и сформировался тот характер, за который она впоследствии получила имя Железной Крис.

Почти сразу, вернувшись на берег, она узнала о гибели Рейнальдо Альвареса, своего незадачливого кавалера, и вопреки всему, грустила о нем. Ведь в конце концов он был братом Джайсы, ее единственной подруги.

Донья Лурдес проходила в качестве обвиняемой по делу о морских катастрофах и совершенных убийствах, но она была настолько потрясена гибелью сына, что, казалось, потеряла рассудок от горя, поэтому не могла дать в суде сколько-нибудь существенных показаний и через некоторое время была направлена на лечение в элитную психиатрическую лечебницу, откуда так и не вышла. Джайса иногда навещала мать, хотя и осуждала ту за совершенные преступления.

Дон Леонардо вместе с Алехандро Монтаньей был отправлен в тюрьму, а донья Вельда, не пережив позора семьи, в скором времени скончалась.

Из всей семьи Манрике в Совете директоров холдинга оставались теперь только Кристина и Алваро, с которым молодая женщина, как ни странно, нашла общий язык и даже смогла подружиться. Впрочем, Кристина довольно быстро удалила его из Совета, выделив дядюшке грандиозную

сумму на постановку фильма по одному из его сценариев. В итоге Алваро на деньги Кристины снял один за другим семь неудачных фильмов, которые продюсеры выбрасывали в корзину, едва начав смотреть. Но горе-сценарист проявил упорство, невиданное для семьи Манрике, да и для сценаристов в целом, и снял восьмой фильм, который принес ему долгожданное, пусть и несколько запоздалое признание. Его псевдо документальная лента «Ветер перемен» получила приз Венецианского и Берлинского фестивалей, а также с успехом прошла по экранам всей Европы. Теперь Алваро нацелился на покорение Каннского фестиваля и гонку за Пальмовой ветвью, для чего снимал свой девятый проект, на этот раз уже в жанре художественного авторского кино, и потому очевидно, что работа холдинга «Манрике» в целом и «Калины Интернешнл» в частности, его совершенно не интересовала.

Джайса за эти годы успела трижды побывать замужем и развестись, сделать модельную карьеру и поставить на ней крест, стать королевой социальных сетей и удалиться из них, попробовать себя в работе модельера и в качестве послушницы в восточных монастырях, объехать полмира и принять участие в бесчисленном количестве светских раутов, научиться пилотировать самолет и подняться на вершину Килиманджаро – в общем, Джайса Альварес, потрясенная тем, что случилось с ее братом и матерью, пыталась жить на полную катушку, как если бы жила и за себя, и за погибше-

го Рея, с которым всегда была очень близка. Она тяжело перенесла его смерть, а также пристальное внимание прессы и общественности к своей семье, ведь во время судебных процессов на свет были вынесены все скелеты, пылившиеся в шкафах семьи Манрике, вывалены целые горы грязного белья, озвучены все страшные тайны, которые годами скрывали стены особняков, – дошли даже до обсуждения преступлений Проклятого капитана дона Августина Хулиана Манрике. Джайса после процесса слегла в клинику, перенесенный стресс был слишком велик, но постепенно оправилась, вышла замуж, сохранила хорошие отношения с дядей Алваро и дружбу с Кристиной, после неудачного брака вступила в новый. Родила двоих детей, сына и дочь, потом, безумно влюбившись, ушла от мужа к швейцарскому военному, в третьем браке с которым родила еще одну девочку.

Джайса по-прежнему не понимала, как может Кристина жить без семьи, без детей, без мужа и даже не иметь ни романов, ни увлечений, но со временем смирилась с тем фактом, что Кристина Алькасар была, видно, и правда сделана из железа – все, что связано с человеческой плотью и ее слабостями словно не касалось ее. Кристина никогда не болела и никогда не жаловалась. Она редко смеялась и никогда не плакала. Ни разу никто не видел ни единой слезинки в ее глазах, никто не слышал от нее восторгов или сожалений. Она не уставала, не отдыхала, не боялась, не сдавалась и не останавливалась. Кристина Алькасар шла к своей цели планомерно

и неотступно, словно робот, не знающий ничего, кроме программы, что была заложена в него при создании.

Она оставила в совете Луиса, Габриэля и Филомену, остальными же стали выходцы из других стран, преимущественно из России: теперь Крис еще сильнее, чем раньше тосковала по оставленной Родине и своим соотечественникам. Но все ее помыслы были устремлены только лишь к Терранове, своему главному детищу, работой над созданием которого она подменила собственную жизнь.

– Поэтому, не слушайте, что говорят, Даниэль, – закончил старик, утомленный столь долгим рассказом, – Да, без сомнения, характер у моей Кристины не сахар, но в том нет ее вины – жизнь сделала ее такой. И уж, конечно, никогда она не искала корысти и выгоды. И замуж вышла без расчета. И не убивала никого. Богатство свалилось на нее случайно и, на мой взгляд, сломало бедняжку.

Заметив, что дон Габриэль устал, Даниэль тепло поблагодарил его за рассказ, пообещал снова навестить старика и откланялся.

Он еще долго бродил по вечерним улицам Барселоны, размышляя над услышанным только что, Кристина представляла теперь перед ним в совершенно ином свете, он понимал, что речь идет не о взбалмошной самодурной бабенке, но о серьезном противнике, умном, осторожном, лишенном эмоций и слабостей, и как знать, на чьей стороне окажется победа? Но ведь если разобраться – мечтают-то они об одном

и том же! О прекрасном городе в океане!

Тем временем Кристина, впервые за много лет участвовала в фотосессии для испанской версии «Forbes». Статья была посвящена запуску второго этапа проекта «Терранова».

Кристина, как всегда в черном, сидела на фоне белого экрана, натянутого позади, на нее был направлен свет нескольких приборов, вентилятор раздувал ее волосы, а фотограф непрерывно щелкал камерой.

– Ногу, ногу поверни в сторону! Да нет, не эту ногу, другую! Ну что же ты! – подсказывала крутившаяся вокруг Джайса, вызвавшаяся помочь подруге в непривычном для той занятии. – Вот, так они смотрятся куда длиннее. И голову наклони!

– Сеньора Кристина, чуть откиньтесь назад, так будет лучше падать свет. Спасибо. Мы почти закончили, – добавил фотограф. – Еще несколько кадров и все. Потом вам надо будет переодеться и поправить макияж. Сделаем несколько снимков в саду – и все.

Кристина вымученно кивнула, после чего они сделали еще несколько кадров.

Пока гримеры поправляли Кристине макияж, а костюмеры готовили новый костюм, Джайса сидела рядом и болтала.

– Прости, что я все о своем, – прервалась она, наконец. – Ты говорила, что у тебя в офисе было чрезвычайное происшествие сегодня. Что-то с доном Габриэлем!

– Да, – подтвердила Кристина. – Габриэлю стало плохо у меня в кабинете.

– Как он?

– Сейчас уже лучше, его отвезли в госпиталь. Но, Джайса, я так испугалась... Так боялась, что он вот-вот умрет...

– Кристина побледнела, это было заметно несмотря на толстый слой профессионального макияжа, – Я думала, что он снова появится... Газир. Помнишь, я говорила тебе!

– Помню, как уж забудешь, – вздохнула Джайса. – Он забрал моего брата. Я хорошо это помню. И выскажу ему все, что думаю о нем, при встрече!

– Надеюсь, ты встретишься с ним не скоро... Честно говоря, я была даже рада, что этот безумный архитектор оказался у меня в кабинете. Вынуждена признать, что он здорово помог!

– Что за безумный архитектор? – лениво поинтересовалась Джайса, наливая кофе себе и Кристине.

– Представляешь, на этаж забрел какой-то мужчина и вломился ко мне в кабинет. Да еще перепутал меня с моей секретаршей!

– Да уж, непорядок, – хихикнула Джайса. – Тебе надо проверить, как работает охрана.

– Проверила, – кивнула Кристина. – Задала всем хорошую трепку!

Тем временем гримеры закончили работу, оставалось только чуть-чуть пригладить волосы.

Кристина снова тоскливо вздохнула: ей так не нравились все эти манипуляции.

– Не жалуйся, ты хотя бы ненадолго оторвалась во время фотосессии от рабочей почты! – наставительно заметила Джайса. – Потом скажешь мне за это спасибо. Так чего он хотел?

– Кто?

– Безумный архитектор, который вломился в твой кабинет?

– Ах, этот... Хотел работать в Терранове.

– И что ты?

– А что я? Выставила его, конечно. Еще не хватало, чтобы на моем проекте работал какой-то сельский архитектор с Лансароте! Без опыта, без имени!

– Он еще и с Лансароте? Экзотично! – снова хихикнула Джайса. – Ладно, иди, переодевайся и пошли, доснимем то, что в саду.

Кристина поднялась, прошла за ширму и передела платье. После чего вместе с подружкой и фотографом, в сопровождении ассистентов вышла в сад, где и была завершена фотосессия.

Возвращаясь домой, Кристина подумала, что фотосессия стала первым мероприятием за последний год, на которое она согласилась, – да и то лишь, чтобы привлечь внимание людей к Терранове. Люди любят почитать сплетни, особенно

про богатых и знаменитых. Хотя, ее жизнь так скучна для любителей светской хроники – про нее совсем нечего написать, поэтому опять будут поднимать те же надоевшие темы: вечный траур, русского актера, затонувшие корабли, фильмы Алваро, романы Джайсы...

Кристина вздохнула. Она мечтала не о такой жизни. Но теперь уже поздно сожалеть. Нужно закончить начатое.

Глава 4. Словно Дракула

Даниэль не заметил, как наступила ночь. Он все продолжал бродить по городу и незаметно для себя добрался до высотного здания, расположенного прямо напротив офиса «Калины Интернешнл». Здесь, высоко в пентхаусе, находилась квартира, где уже долгие годы жила в одиночестве Кристина Алькасар. Ее родители много времени проводили в России, а когда возвращались в Испанию, предпочитали останавливаться в опустевшем теперь особняке семьи Манрике, где их часто навещали не только сама Кристина, но и всегда веселая Джайса со своими детьми, а иногда и, напротив, всегда мрачный Алваро. Он так и не женился и все больше замыкался в себе, привыкая к одиночеству, абсолютно самодостаточный, не желающий делить с кем-то жизненное пространство и отведенное ему время. Кристина иногда ловила себя на мысли, что в этом они с Алваро были похожи: все больше и больше она напоминала себе мрачного дядюшку-сценариста, все реже чувствовала потребность в обществе других людей, в друзьях и родных, и уж конечно никогда не задумывалась о том, чтобы снова связать свою жизнь с женщиной. Впустить кого-то в свой мир казалось ей чем-то граничащим с богохульством и представлялось ночным кошмаром, ведь у нее не было ни времени, ни желания приспособливаться к другому человеку, искать точки соприкосновения, да и зачем? У нее

слишком много других дел. Последний роман у нее случился с тем самым русским артистом, про которого рассказывал Даниэлю Рауль, и было это очень много лет назад. Она так и не сумела полюбить артиста, к тому же он сильно разочаровал ее, поэтому первоначальный интерес, вызванный его загадочной личностью и обходительными манерами, быстро угас. Кроме того, после истории с предательством Рея, ей было сложно поверить кому-то. Где гарантия, что человеку нужна она сама, а не ее деньги?

Джайса часто пыталась уговорить ее довериться интуиции, понять, что не все люди стремятся обмануть и далеко не всем вообще нужны деньги, но Кристина оставалась непреклонной. Не потому, что она упрямылась или не доверяла своей подруге, но в первую очередь, потому что не испытывала потребности в чувствах, в романтических мечтах, в том, чтобы ощущать кого-то рядом с собой. Кристина была абсолютно уверена, что прекрасно чувствует себя в одиночестве, оно стало не только ее спутником, но и самым близким другом. После Террановы, разумеется, потому что по-прежнему все ее мысли были захвачены строительством нового города. Клятва, данная Антонио, давно ушла в прошлое, скрылась в далеких лабиринтах памяти, покрывшись пылью промелькнувших лет, и теперь женщина даже не помнила, что мечта о Терранове когда-то была для нее чужой, навязанной волей покойного мужа. Нет, теперь Кристина твердо верила, что это с самого начала была ее идея, предназначение, для кото-

рого она родилась на свет!

Стоя у подножья высокой башни, Даниэль видел, что в квартире, принадлежавшей Кристине, горит свет. Вероятно, она была дома, ведь час уже поздний, наступила ночь, а ей наверняка завтра рано вставать. Через некоторое время горящие приветливым теплым светом окна погасли, видимо, хозяйка квартиры отправилась спать. Интересно, она живет одна в этом огромном пентхаусе? С прислугой, с охраной, с дюжиной злых собак? Или же наоборот, держит при себе маленькую собачку, из тех, что любят заводить современные барышни? Даниэль чувствовал, что его ноги словно приросли к земле, словно свет сошелся клином на этом самом месте и все, что было связано не только с Террановой, но и с самой Кристиной вызывало в нем живейший интерес. Зачем только дон Габриэль обмолвился об этой квартире...

Он внимательно оглядел фасад здания – высокого стеклянного небоскреба, гладкие стены, подняться по которым под силу разве что человеку-пауку! Однако в боковой части, как раз у балкона, проходила водоотводная труба, тонкая, которая вряд ли может выдержать вес человеческого тела. К тому же там, на высоте, дуют ветра, даже если труба выдержит – его может попросту сдуть, если он вздумает забраться, словно романтический влюбленный, на балкон Кристины, где находился ее зимний сад. Однако в голове у Даниэля мелькнула мысль, он несколько раз обошел вокруг здания, подсчитывая что-то в уме, а потом приблизился к тру-

бе, и, ухватившись за нее, медленно пополз вверх, опираясь ногами о выступы, расположенные один за другим на стеклянном теле башни. Подъем занял у него около часа, и когда он добрался до балкона, то уже глубоко жалел, что связался с таким рискованным делом, однако, отступить было поздно. До балкона теперь ближе, чем до земли. Кроме того, по счастью, его пока никто не заметил, но если заметят – тут же вызовут полицию, да еще сочтут воров! Соблюдая величайшую осторожность, стараясь, чтобы не соскользнула нога, он, не выпуская из рук трубы, перебрался на балкон и, наконец, почувствовав твердую опору под ногами, разжал горевшие от напряжения руки, на которых уже начали появляться мозоли. В дальнейшем, сколько он ни думал – не мог объяснить причины своего крайне странного поступка. Зачем ему все это понадобилось? Разве он подросток, чтобы так рисковать жизнью! Сердце гулко колотилось от пережитого только что испуга.

Он побродил по широкому балкону, любуясь на цветы зимнего сада, выращенные заботливыми руками приходящих садовников: Кристина редко поливала растения сама, – постоял, глядя на ночное небо, с блестящим на нем поясом Ориона, на сверкающие внизу огоньки бегущих по городу автомобилей, на колышущиеся ветви пальм, на сияющее голубой дымкой здание «Калины Интернешнл», сейчас тоже спящее, погружившееся во тьму... Барселона спала, как вероятно, и Кристина Алькасар.

Даниэль стоял, раздумывая, что делать дальше. Он хотел только добраться до балкона, постоять там, где стояла она, побыть с ней на равных несколько минут, а потом спокойно спуститься вниз, однако при мысли о том, что снова придется ползти по высокой скользкой стене в сердце закрадывался холодок, да что там – охватывала паника! И он медлил. Сам не зная зачем, он легко толкнул дверь, ведущую в квартиру, та оказалась не заперта, и в следующее мгновение Даниэль оказался в пентхаусе Кристины, где вопреки его ожиданиям не было ни охраны, ни злых собак, ни даже маленькой собачки. Кристина жила совершенно одна.

Он прошел по темному коридору, очутившись в кухне, налил себе стакан воды, раздумывая, как сможет он незаметно выйти через дверь и пройти к лифтам, ведь в этом случае его лицо поймают вездесущие камеры. Значит, нужно чем-то прикрыть лицо, но чем? В поисках какого-нибудь пакета, ткани, листа бумаги, которым можно прикрыть лицо, Даниэль прошел в гостиную и очутился совсем рядом со спальней Кристины. И только сейчас заметил, что из-под ее двери пробивается желтоватая полоска света. Очевидно, Железная Крис все еще работала. А может быть, она из тех, кто боится спать в темноте и никогда не выключает ночник? Он осторожно приблизился к двери, прислушиваясь. Однако за дверью было тихо. А что если с ней что-то случилось? Почему открыта дверь на балкон? Что если Кристину похитили или того хуже, убили? Ведь на ее жизнь столько раз покушались

прежде! Наваждение накатило так быстро, что Даниэль не успел с ним справиться, просто толкнул дверь и оказался в спальне, где Кристина полулежала в кровати в белой кружевной ночной рубашке: она грызла яблоко, которое держала в одной руке, а другой торопливо водила пальцем по планшету. Увидев его на пороге, она вскрикнула от неожиданности, вскочила, а потом сделала то, чего он никак не ожидал! С этой самой секунды Даниэль понял, что перед ним незаурядная личность и в его сердце вспыхнуло восхищение. Он осознал отчетливо, что если она откажется его принять, то он поплывет в Терранову хоть вплавь, но будет работать на Кристину Алькасар! Потому что она не убежала, не закричала, не завизжала, не засыпала его вопросами, не потеряла сознание от испуга, не потянулась за оружием, которое хранилось в тумбочке. Нет! Она запустила в него огрызком яблока! И надо заметить весьма метко – яблоко угодило точно в висок, и Даниэль вскрикнул от неожиданности. В эту секунду Кристина его узнала.

– Это опять вы?! – возмущенно воскликнула она. – Что вам здесь нужно?

– Да, это опять я, – Даниэль комично развел руками. – Прошу меня извинить.

Он вытер висок и посмотрел на нее: она стояла перед ним в своей белой, почти прозрачной рубашке, прикрытая лишь рассыпавшимися по плечам длинными рыжими волосами, каких он никогда не видел прежде, а ее синие глаза горели

от гнева, но в них не было и тени страха, только удивление и недоумение.

– Я не знаю, что мне нужно. Вообще-то я попал сюда случайно, – продолжил Даниэль.

– Случайно! – воскликнула Кристина, всплеснув руками, – Вы случайно попали ночью в мою квартиру! А днем случайно ворвались в мой кабинет! Как такое возможно! Вы что, вступили в сговор с консьержем? Иначе как бы вы открыли дверь?

– Дверь закрыта, можете проверить. Я попал сюда через окно.

– Что?! – снова вскрикнула Кристина. – Через окно? Вы хотя бы понимаете, на каком мы этаже?

– Да, я считал этажи, пока полз сюда. Это меня отвлекало от страха свалиться вниз.

– Полз? Что это значит?

– Если коротко – я заполз сюда по водоотводной трубе, потом добрался до балкона, побродил немного по вашему зимнему саду, разглядывая цветы. Очень красивые, кстати. Но их следует немного переставить – так будет лучше. А потом случайно толкнул дверь, ведущую в квартиру. Она оказалась не заперта. И я вошел. Прежде всего, потому что не хотел спускаться тем же путем. Откровенно говоря, мне стало страшно.

– Что за глупости! Как можно подняться на балкон с земли! Это совершенно невозможно, не нужно врать! – она за-

молчала, словно задумавшись о чем-то, – Хотя... ключа от квартиры у консьержа тоже нет. Так как вы сюда попали на самом деле? И главное, я никак не пойму, зачем!

– Да я же говорю – через окно. С балкона, поднявшись по трубе. И побоялся спуститься обратно. Потом я заметил свет из-под вашей двери... Там был свет и тишина. Я испугался, что с вами что-то случилось.. И решил проверить.

– Снова испугались? Что же вы всего боитесь? – спросила она насмешливо. – А то, что появление постороннего человека среди ночи у меня в комнате может напугать до смерти, об этом вы не подумали?

– Я не побоялся подняться сюда по отвесной стене, – тихо заметил он, вдруг почувствовав себя неловко.

Кристина бросила на него холодный взгляд синих глаз, а ее голос снова стал насмешливым, но каким-то глубоким и задумчивым.

– Вы что, Дракула? – спросила она.

Потом отвернулась, подошла к креслу, взяла халат и набросила на плечи.

– Почему Дракула? – растерялся Даниэль.

– Потому что вроде бы только он мог ползать по отвесным стенам.

– И еще человек-паук. Видели кино?

– Час от часу не легче! – воскликнула Кристина. – Вы не только ненормальный, но еще и маньяк! Вломились ко мне среди ночи, чтобы поговорить о фильмах?! Убирайтесь,

немедленно!

Даниэль постарался, чтобы его голос звучал спокойно, ему не хотелось, чтобы после стольких мучений, после ужаса этого безрассудного подъема, она вышвырнула его из квартиры, не дав ничего объяснить. И потому, как можно мягче, он произнес:

– Я не вампир и не паук. Я просто сделал кое-какие расчеты. Сама по себе труба не может выдержать вес человеческого тела. Но если правильно распределить нагрузку, использовать небольшие выступы на стенах и вовремя переносить вес, по ней можно подняться.

– Вы сделали расчеты? Чтобы подняться ко мне в квартиру? – с недоумением произнесла Кристина, глядя на него исподлобья.

– Именно. Я уже говорил вам, что я архитектор. Хороший архитектор. И могу рассчитать прочность опоры. На самом деле мои теории и идеи в основном относятся к сфере изучения опорных механизмов, фундаментов, я знаю, как ставить сваи и столбы, знаю, что нужно делать, чтобы самая сложная конструкция не рухнула, как карточный домик. И именно поэтому я и сумел подняться сюда. Любая опора это два параметра – прочность и время. Если время нагрузки достаточно короткое – опора может выдержать вес. Нужно только правильно рассчитывать и вовремя переносить его, но это очень и очень непросто. Не думайте, что ваша жизнь подвергается опасности – вы можете смело оставлять дверь на бал-

кон открытой. Кроме меня никто не сумеет забраться по этой трубе. Я выполнил много подобных подъемов дома, на Лансароте. Правда, никогда не забирался так высоко! Поверьте, злоумышленники смогут разве что подлететь на вертолете. И их тут же заметят.

– Если смог один человек, то сможет и другой, – задумчиво ответила Кристина. – Значит... вы поднялись сюда по отвесной стене, пробрались в мою квартиру... Но я никак не могу понять с какой целью? Снова поговорить о вашем трудустройстве?

– К примеру, – Даниэль улыбнулся самой очаровательной улыбкой из своего арсенала. – Нравится вам такой вариант? Если нет, могу попросить у вас предложить мне кофе или вина?

В глазах Кристины снова вспыхнуло возмущение.

– Несмотря на то, что вы без сомнения безумец, но безумец храбрый, – сухо ответила она, – замечу, что вы еще и совершенно невоспитанный человек. Проще говоря, хам. Вы ворвались в квартиру ко мне, примерно представляя, сколько стоит мое время. Я уже молчу, что это незаконное проникновение на частную территорию и нарушение личного пространства. К тому же на дворе ночь! И у вас еще хватает наглости просить о кофе? Немедленно уходите или я вызываю охрану. Мне нужно поспать. Завтра много работы.

– Хорошо, я с удовольствием уйду, если вы сообразоволяете открыть мне дверь.

– Уходите через окно, – равнодушно бросила Кристина.

– Ого! – в глазах Даниэля вспыхнули лукавые искорки, – А вас не зря называют Железной Крис! Вас так просто не проймешь!

– Откуда вы это взяли?

– Я навещал сегодня в больнице дона Габриэля. Хотел узнать, как его самочувствие. Заодно немного поговорили про вас. Ничего личного, не беспокойтесь! Это он сказал, где ваша квартира, случайно, в разговоре.

– Вы навещали моего советника в больнице... кажется, вы всерьез решили прилепиться к нам, как банный лист!

– Так и есть. Клянусь, я не остановлюсь, пока вы не позволите мне заняться Террановой. Сеньора Кристина, поймите, я хочу работать на вас и только на вас!

– Откуда такая преданность? – она насмешливо прищурилась и скрестила руки на груди. – Вы видите меня второй раз в жизни!

– Зато при весьма нетривиальных обстоятельствах! А почему нет? Вы могущественны, серьезны, умны, у вас гениальные идеи, кроме того, вы потрясающе метко бросаете яблоки!

– Уже жалею, что не бросила в вас планшет.

– Он бы разбился.

– Вероятно.

Повисло молчание, несколько секунд они продолжали разглядывать друг друга, и только сейчас Кристина вдруг об-

ратила внимание на то, как красив ее ночной гость. Почему она не заметила этого сразу? Или просто так кажется в приглушенном свете ночника? Без сомнения у него приятное лицо, открытая улыбка, вряд ли он может быть плохим человеком. Хотя... у Рея тоже было приятное лицо. Все это ни о чем не говорит, под маской может быть кто угодно.

– Еще раз напоминаю, что уже поздно, – заметила она, наконец. – И прошу вас удалиться. Также, надеюсь, что впредь вы воздержитесь от подъема по трубе, иначе мне придется поставить под окном вооруженную охрану.

– И завести злую собаку.

– Это мысль.

– Я боялся, что она встретит меня здесь, но видимо вы живете одна. Не страшно?

– Я не так пуглива, как вы, – она усмехнулась. – Одиночество помогает, когда много работаешь.

Он согласно кивнул, и снова повисло молчание, Даниэль понимал, что минуты убегают прочь, а ему совершенно не хочется уходить, хотя, разумеется, следовало.

– Так вы уйдете?! – с нетерпением воскликнула Кристина, перекинув волосы на одну сторону, она нервным движением машинально принялась заплетать их в косу.

– Только если вы мне откроете дверь. Назад по трубе я не полезу.

Кристина обреченно вздохнула, потом прошла мимо него и вышла из спальни, направляясь в прихожую. Он последо-

вал за ней.

– То есть, кофе не будет? – крикнул он вслед.

Кристина остановилась возле входной двери и обернулась.

– Ни кофе, ни Террановы, – строго ответила она. – Убирайтесь. И забудьте сюда дорогу! Клянусь, если я еще раз увижу вас возле своих зданий – вызову охрану!

– А если увидите меня на своих кораблях? – грустно пошутил он, чувствуя, как уплывает сквозь пальцы тот призрачный шанс, что дал ему этот безумный, с риском для жизни подъем по отвесной стене.

– Если увижу на своих кораблях – прикажу выбросить вас за борт, – твердо ответила она, открывая замки.

– А если бы я был Дракулой, вы бы взяли меня работать в Терранову?

– Вы считаете, что в новом городе нужен вампир?

– Почему нет? Всем нужен вампир, – улыбнулся он, приблизившись к ней. Кристина стояла у двери и чтобы выйти, ему было необходимо пройти мимо нее. Совсем близко от нее.

Она слабо улыбнулась в ответ. Он остановился напротив, их разделяло всего каких-то двадцать-тридцать сантиметров и оба почувствовали то странное напряжение, которое происходит с каждым человеком, когда незнакомец вторгается в его личное пространство, приближаясь на опасно близкое расстояние.

– Мне, – она сделала ударение на слове «мне», – вампир не нужен. И архитектор мне тоже не нужен.

– А кто же вам нужен? – тихо произнес Даниэль и снова улыбнулся.

– Никто.

Она открыла дверь, чтобы выпустить его, но он продолжал медлить, словно чувствуя, что это мгновение никогда больше не повторится, и второго шанса убедить ее у него уже не будет. Ему вдруг стало чрезвычайно неприятно слышать, что ей не нужен никто, эти слова странно задели его, всколыхнув какую-то затаенную боль, даже обиду, которую он сам не осознавал и не понимал. А потому в следующую секунду он вдруг стремительно покачнулся, схватив Кристину Алькасар в объятия и крепко прижав к себе, нашел губами ее губы. От неожиданности она замерла, не зная как реагировать, а потом попыталась вырваться, что было совершенно бесполезно: он держал ее очень крепко. Кристина изо всех сил сжала губы, максимально выражая свое сопротивление, но ее оборона постепенно слабела, ведь в любом случае, он был намного сильнее, кроме того, казалось, что от него исходила такая же мощь, как от только что упомянутых ими ночных охотников за кровью. Ведь, как известно, вампиры были не просто сильны, но могли и воздействовать на сознание жертвы, подчиняя ее своей воле. На миг Кристине показалось, что он и правда поднялся в ее квартиру по отвесной стене, потому что обладает сверхъестественными возможностями

и сейчас, пользуясь ими, подчинил ее своей воле. А потом поняла, что ее просто уже очень давно никто не целовал.

Даниэль разжал руки, Кристина, тяжело дыша, прижалась к стене и смотрела на него немного испуганно. Казалось, она ждала его дальнейших шагов, ведь без сомнения, перед ней опасный безумец, но он только поклонился и стремительно выскочил в лифтовой холл. Несколько секунд Кристина смотрела ему вслед, а потом с грохотом, выражая запоздалый протест, захлопнула массивную железную дверь.

Спустившись вниз, Даниэль брел по ночной улице, чувствуя, как прохладный ночной воздух успокаивает, охлаждая его разгоряченное тело. Он сам не понимал, что на него нашло, и испытывал неловкость, граничащую со стыдом, кроме того, теперь он точно потеряет возможность работать в Терранове! Зачем он сделал это, ему не свойственны такие поступки, он всегда был спокойным и разумным, а тут, словно бес вселился, словно кто-то затуманил разум! Можно было бы объяснить подобное поведение, если бы он был пьян, но нет, в его крови не было ни капли алкоголя. А значит, случившееся сегодня можно объяснить лишь сильным выбросом адреналина после рискованного подъема на высоту. Многие люди испытывают подобные ощущения после опасных аттракционов в парке развлечений. Но он никогда не был любителем таких забав и не ожидал от себя такой реакции. Даниэль понимал, что именно адреналин заставил его поцеловать Кристину. Но в то же время чувствовал, что по-

сле поцелуя для него что-то изменилось. Конечно, она не ответила на поцелуй и сопротивлялась изо всех сил, но само ощущение ее близости, когда он держал ее в объятиях, повергло его в изумление: никогда он не думал, что обнимая женщину, можно испытывать такое волнение, почти испуг, и в то же время, туманящую рассудок страсть. Никогда прежде с ним не случалось подобного, ошеломленный и потрясенный, он решил завтра же купить билет, чтобы вернуться обратно на Лансароте. Он боялся новой встречи с Кристиной, хотя уже сейчас мечтал о ней.

А Кристина, стоя на балконе, куда она вышла через действительно оказавшуюся открытой дверь, никак не могла уснуть. В этот вечер произошло много невероятных событий! Посторонний мужчина проник в ее квартиру, в ее спальню! Он мог причинить ей вред, но не сделал этого. Больше того, он поцеловал ее, чего не случалось с ней уже столько лет. И этот поцелуй не вызвал в ней отвращения, напротив, показался волнующим и приятным. Но Кристина думала сейчас не о романтическом поступке Даниэля, не о его крепких объятиях и неожиданном поцелуе, не о том, что бы произошло, если бы она не прогнала его. Не о возможной интрижке или стоящей на пороге, явившейся без приглашения любви.

Она думала о человеке, сумевшем подняться на большую высоту по трубе, не способной выдержать вес человеческого тела. Он поднялся в ее квартиру, потому что сумел правиль-

но рассчитать точки опоры и сказал, что никто другой этого не сумеет повторить. А разве не то же самое требовалось им в Терранове? Ведь, когда строишь город, стоящий на воде, основная проблема – это как раз рассчитать, правильно установить опоры, чтобы в дальнейшем результаты их титанического труда не погрузились в океанскую пучину, чтобы город будущего был надежным и безопасным для его жителей. И прямо перед неожиданным визитом Даниэля она читала на своем планшете письмо от Венсана, где тот сообщал, что они никак не могут приступить к продолжению строительства, потому что неясно, как ставить опоры... А не это ли знак небес? Таких совпадений не бывает! Что если это Антонио, наблюдающий за ней сверху, послал на ее пути странного бесстрашного безумца, чтобы все-таки воплотить свою мечту об идеальном городе в жизнь?

Наутро, едва проснувшись, Кристина позвонила Венсану Сенье и попросила его рассмотреть кандидатуру Даниэля Сантьяго на должность помощника главного архитектора проекта «Терранова».

Глава 5. Бал-маскарад

Кристина медленно шла по единственной пока улице Террановы под руку с Алваро. На ней вопреки ее обычным деловым костюмам были джинсы и блузка, а сверху – длинное шерстяное пальто песочного цвета. Здесь, посреди океана, несмотря на южные широты, всегда дул холодный, пронизывающий ветер. Алваро не изменял своим привычкам, на нем как всегда был длинный серый плащ и шляпа, которую он придерживал рукой, чтобы ее не унесло ветром.

– Помнишь, дядюшка, – нарушила тишину Крис, – я обещала, что однажды приглашу тебя прогуляться по улицам своего города. А ты сказал «Ну-ну»... Как видишь, я сдержала свое слово.

– Замечу, дорогая племянница, что «прогуляться по улицам» – это очень громко сказано. Я вижу пока что одну-единственную улицу!

Кристина рассмеялась.

– Одна-единственная улица посреди океана, согласишься, это тоже достижение!

– Соглашусь. Как, кстати, она называется?

– Проспект Антонио Манрике, разумеется.

Алваро одобрительно кивнул.

– С другой стороны, учитывая, сколько денег ты сюда вложила...

– Ну, знаешь ли, тебе грех обижаться! На твои фильмы я потратила лишь чуточку меньше! Как, кстати, продвигается съемочный процесс?

– Съемки закончены, ожидается постпродакшн, – ответил Алваро, пожившись от холодного ветра.

– А про что фильм?

– Про путешествие Дона Кихота, – ответил тот.

– Можно было не спрашивать, – Кристина рассмеялась. – Вы, испанцы, всегда пишете и снимаете только про Дона Кихота... Как будто больше нет других тем!

– Не скажи. Во-первых, это самый великий персонаж испанской литературы – и самый необычный, без сомнения. В те-то годы придумать такого роскошного героя! Сервантес был истинным гением, чего уж спорить! Во-вторых, Дон Кихот – великий мечтатель, как и все мы, писатели, сценаристы, режиссеры. Мечтаем о несбыточном, боремся за известные нам истины, против невежества и равнодушия. Разве же не так? Поэтому тема-то вечная! А в-третьих, у меня история современная. Действие происходит в наши дни. Представь, что было бы, если бы Дон Кихот, со своим оруженосцем, на своем Росинанте, ехал бы теперь, в эту минуту по дорогам Ла-Манчи? С кем бы он сражался? С мельницами или с башнями сотовых операторов? Кого бы он избрал своей Дульсинеей? Крестьянку из деревни, или, к примеру, тебя?

– Я бы точно сразилась с сотовыми операторами, – мрачно заметила Кристина. – Давно собираюсь. В Терранове до сих

пор не ловит связь, ни один оператор не согласился установить здесь вышку. На следующей неделе я снова встречаюсь с исполнительным директором компании «Vodafone», надеюсь, наконец, сумеем договориться. Ведь какой же город будущего без телефонов! Но прости, я отвлеклась. Идея про современного Дона Кихота весьма интересна, не стану отрицать! И в Испании есть такие красивые пейзажи, если ты покажешь их на экране, думаю, фильму обеспечен успех и без драки с сотовыми операторами!

– Приглашу тебя в Канны, как только попаду на фестиваль, – довольно кивнул Алваро.

– Буду всенепременно, – Кристина рассмеялась. – Согласна, дядюшка, ты прав, одна-единственная улица за столько лет – небольшое достижение. Но, ты же знаешь, мы испытывали определенные трудности с расчетами. Зато теперь у нас появился новый архитектор, он работает в паре с Венсаном и, полагаю, существенно поможет нам продвинуться вперед. Сейчас они с Венсаном обсуждают проект в офисе в Барселоне, но если удержишься здесь на пару дней, сможешь с ним познакомиться лично. Он прилетит сюда.

– Новый архитектор? – Алваро удивленно поднял брови. – Опять какой-нибудь русский?

– Во-первых, Венсан – француз. Нет, новый архитектор – испанец с острова Лансароте. Его зовут Даниэль Сантьяго.

– Что он из себя представляет?

Кристина остановилась и задумалась, размышляя, как

лучше описать дядюшке Даниэля.

– Ну, он примерно одних лет со мной. Очень хорош собой, неглуп и обладает удивительным упорством, я бы даже сказала, что он наглец...

– Стоп-стоп-стоп! – Алваро прервал ее и рассмеялся. – Что я слышу! Хорош собой? Упорный наглец?! Ты ли это, Кристина! Я-то спрашивал о его профессиональных качествах, но еще немного предположу, что этому мужчине удалось тебя заинтересовать!

Крис на секунду смутилась, не зная, стоит ли рассказывать о ночном происшествии, но решила продолжить, умолчав, однако про поцелуй. Почему-то эта история показалась ей вдруг слишком личной, чтобы ее обсуждать.

– Честно говоря, ему удалось меня впечатлить. Не только своим упорством и желанием работать со мной, но и профессиональными качествами. Представляешь, рассчитав точки опоры, он залез ко мне в квартиру через окно по отвесной стене! Нет, дядя Алваро, не смейся, не в особняк Манрике! Он залез в мой пентхаус в сити!

Алваро перестал насмешливо улыбаться и взглянул на нее с изумлением, граничащим с недоверием, а Кристина между тем увлеченно продолжала:

– Но даже не это главное! Я заметила, что ему словно благоволит судьба. Сначала, благодаря тому, что Маргарита пролила на него кофе в приемной, ему удалось проникнуть в мой кабинет. И когда я уже было выставила его оттуда, при-

шел Габриэль, которому стало плохо. Этот человек, Даниэль Сантьяго, помог мне привести Габриэля в чувство и передать его врачам. Потом он навестил его в больнице, и дон Габриэль в порыве откровенности рассказал ему, где я живу. А после он умудрился забраться на балкон, а я именно в этот день забыла запереть дверь, хотя всегда тщательно проверяю, чтобы двери и окна были закрыты. Так он пробрался ко мне в квартиру, и представляешь, набрался наглости заявиться в мою спальню!

– Чувствую, это отличный эпизод для нового сценария, – улыбнулся Алваро, потирая замерзшие руки. – Весьма пикантная история! И что ты сделала?

– Запустила в него огрызком яблока, – рассмеялась Кристина.

– Вряд ли больно. Зато унижительно, – Алваро удовлетворенно кивнул. – Что ж, ты меня заинтересовала. Пожалуй, задержусь, чтобы взглянуть на этого исключительного человека. Он производит впечатление истинного храбреца.

– Отлично, рада, что ты остаешься. Сегодня вечером прилетит Джайса. Мы давно не виделись. К тому же, в конце недели планируется бал-маскарад, в честь начала строительства новых улиц, а она никогда не упустит возможности повеселиться.

– Надо полагать, она прилетит без детей?

– Разумеется, все-таки посадочная полоса пока очень короткая, зачем лишний раз рисковать жизнью малышей. К то-

му же, тут кругом строительство, вряд ли им будет интересно.

Джайса прилетела вечером на небольшом частном легкомоторном самолете: другие сюда не летали, ведь в Терранове пока не было аэропорта, поэтому посадить здесь большой лайнер возможности не было. Даже грузовые самолеты пока не могли совершать полеты в Терранову, эта роскошь была доступна лишь владельцам частных авиапарков, и именно к таким относилась семья Манрике. В распоряжении Кристины был десяток небольших самолетов, каждый из которых периодически совершал полеты в Терранову. На одном из таких и прилетела Джайса.

Она сбегала по трапу, как всегда легкая и элегантная, с развевающимися на ветру светлыми волосами и чуть слезящимися от ветра глазами, с коралловой помадой на губах, закутанная в длинное пончо.

– Так было страшно, думала все, конец нам, – она обняла Кристину, которая пришла ее встречать, – Самолет так качало!

– Да прекрати, Проклятый капитан топит только наши корабли. И то в последние годы не было никаких крушений.

– Слава богу, смотри не сглазь! – торопливо произнесла Джайса, озираясь. Она была в Терранове впервые и теперь с изумлением смотрела на несколько высоких зданий, поднимавшихся, казалось, прямо с морского дна.

– Ничего себе, – выдохнула она. – Это похоже на Эмира-

ты! Там тоже гостиницы стоят прямо на воде.

– Гостиницы в Эмиратах стоят в двух шагах от берега. Еще никто не строил города в открытом океане, – тут же возразила Кристина.

– Но пока здесь, конечно, царит разруха...

– Это не разруха. Это процесс строительства. Я надеюсь, что через несколько лет мы завершим строительство, и ты увидишь совершенно другую Терранову! А пока, садись, скорее, посмотрим город. Точнее, его единственные площадь и улицу!

Они сели в небольшой электромобиль, – другие здесь не допускались, а все здания использовали в качестве источника энергии исключительно солнечные батареи, – и Кристина провезла подругу по единственной улице, вдоль которой высились редкие постройки. Улица была настолько прямой, что казалось – ее чертили по линейке. А с двух сторон от них, но значительно ниже, синели бескрайние просторы океана, катились неторопливые волны, прекрасные и глубокие, но Кристина не замечала их красоты, она думала лишь о той пользе, которую они могут принести Терранове.

– Посмотри, они постоянно в движении! Подводные течения заставляют океанские воды перемещаться, ветры создают волны, и все это – энергия! Все это может быть преобразовано и использовано в Терранове! Бесплатный, неисчерпаемый, экологически чистый источник энергии! – с восторгом произнесла она.

– Да, звучит заманчиво, – кивнула Джайса.

Потом они выехали на широкую и совершенно пустую площадь, на которой напротив друг друга располагались по квадрату всего четыре здания: мэрия, городская администрация, церковь и отель, куда Кристина и направила электромобиль. Все здания, включая и церковь, были выполнены в одинаковом стиле, очень современном, они были из бело-голубого стекла, отражали солнце и сияли в его лучах, словно стены древней Пальмиры, описанные погонщиками восточных караванов, проходивших через пустыню много столетий назад.

– Отель-то хоть хороший? – поинтересовалась Джайса.

– Обижает, – Кристина улыбнулась. – Отель на полные пять звезд, а то и на все шесть. К тому же – у тебя будет лучший номер. Прямо рядом с моим.

– Отлично, хоть поболтаем, – Джайса улыбнулась.

Она осталась очень довольна номером, выполненном в неярких светло-зеленых тонах, что в сочетании с солнечными лучами создавало ощущение теплого уюта и спокойствия, с огромными панорамными окнами и удобной мебелью, номер был просторным настолько, что при желании бал-маскарад можно было устроить прямо здесь. В то же время, каждый номер в этом отеле обладал своей неповторимой индивидуальностью, потому что был выполнен в традициях народов разных стран. Номер Джайсы явственно напоминал о девственной природе Австралии.

– Главное достоинство этого отеля: из всех окон видно море, – пошутила Кристина.

– Тут еще попробуй сделать, чтобы его не было видно, – рассмеялась Джайса, бросая сумку на кровать. – Если только заколотить окна совсем!

Она вышла на балкон и остановилась, пораженная безбрежностью расстилавшейся вокруг голубой пустыни. Океан был повсюду, докуда хватало взгляда – до горизонта и за горизонтом, он никогда не кончался, бескрайний, беспокойный.

– И какой свежий тут воздух! – воскликнула Джайса. – Запах открытого моря...

Вечером, когда она сидела на диване в халате с только что вымытыми волосами и листала журнал, в дверь постучали и вошла Кристина.

– К тебе можно? – спросила она, и Джайса радостно кивнула. Почти сразу же за ней пришел служащий отеля, он принес ведро со льдом, в котором охлаждалась бутылка шампанского, и поднос с фруктами, орехами, сладостями и сырами.

– Я подумала, шампанское нам не повредит, – заметила Кристина.

– Разумеется. Не все же тебе работать, – согласилась Джайса. Они подняли бокалы, потом Кристина спросила, как дети, рассказала немного о работе, о планах, ведь больше рассказывать было не о чем. Ее жизнь не была богата на приключения, если не считать недавнего инцидента с Дани-

элем, о котором она тоже поведала подруге. Джайса была потрясена его смелостью и тут же заявила, что мечтает с ним познакомиться.

– Почему нет, тебе же не помешает выйти замуж в четвертый раз, – тут же откликнулась Кристина.

– Нет уж. Я не из тех, кто отбивает кавалеров у подруг! – возразила Джайса. – И потом... я не выйду замуж в четвертый раз, Крис.

– Почему? – Кристину насторожило, что подруга вдруг стала серьезной, неужели, что-то случилось, а вдруг Джайса больна? Почему-то здоровье Джайсы беспокоило Кристину сколько она себя помнила, вероятно, это из-за слишком уж выраженной худобы подруги.

– Долго рассказывать! – та лишь отмахнулась и попыталась перевести тему. – Я недавно навещала маму...

– Как она?

– Все так же. Боюсь, она вряд ли когда-нибудь придет в себя.

Кристина вздохнула. С одной стороны – она сочувствовала Лурдес, потерявшей сына и оказавшейся в доме для умышленных, с другой – если быть честной – Лурдес вполне заслуживала тюрьмы, а то и смертной казни за все, что она сделала. Ведь топить корабли с ни в чем неповинными людьми – это был ее план!

– Мне жаль ее, – продолжила Джайса. – Хотя я в ужасе от того, что она совершила. Но, думаю, это был какой-то

приступ фанатизма, не знаю, как иначе объяснить ее поведение... Ладно, не будем о грустном! Давай поговорим о чем-нибудь другом!

– Давай, – тут же откликнулась Кристина, – Расскажи, почему ты не хочешь больше замуж? Что случилось?

Несмотря на то, что сама она уже долгие годы не испытывала никаких эмоций – не плакала и почти не смеялась, посвящала жизнь только работе, – Кристина сохранила умение слушать и слышать других, она почувствовала, что подругу что-то беспокоит и хотела, чтобы та рассказала, поделилась и если нужно – попросила о помощи. Кристина Алькасар никогда не отказывала в помощи тем, к кому чувствовала привязанность и благодарность.

– Это сложно объяснить. Просто в последнее время я изменилась. Стала жить по-другому, интересоваться другими вещами. И остальное – потеряло смысл. Я оборачиваюсь назад и не вижу ничего хорошего в своих замужествах. Разве что мои дети...

– И чем же ты интересуешься?

Джайса молчала, ей казалось, неловко говорить, и Кристине пришлось продолжить самой.

– Ты вступила в тайную секту? В клуб заговорщиков? Увлелась социальными сетями? Какие у меня еще варианты... Ходишь на тайные собрания мазохистов? Не волнуйся, рассказывай, поверь, я готова принять тебя любую!

– Нет, – Джайса рассмеялась. – Хотя социальные сети и

сборища мазохистов куда лучше увязались бы с моим прежним образом жизни. Я же даже один раз уже лежала в больнице, лечилась от вредных привычек, после того, что произошло с Реем и мамой. Ну, ты помнишь. А потом совсем недавно, я снова почувствовала, что мне нужно вернуться туда, в больницу. И я вернулась, всего на несколько дней. Не стала тебе рассказывать, чтобы не беспокоить. Ты и так все время занята. И там-то все и началось...

– Что именно?

– Я познакомилась с Марией. Это женщина, которая работает в больнице. Она помогает пациентам, разговаривает с ними...

– Психолог?

– Нет, волонтер.

– И о чем же вы разговаривали? – Кристина нахмурилась. Не хватало только, чтобы Джайса увлеклась женщинами! Хотя от нее всего можно ожидать! Ведь поклонников мужчин у нее было столько, что даже Кристине, математику со стажем, было не сосчитать.

– О церкви, – просто ответила Джайса. – О боге и религии. О том, что где-то там, за пределами жизни земной есть другая жизнь...

Кристина онемела от изумления: меньше всего она ожидала услышать от своей взбалмошной подруги нечто подобное.

– И я почувствовала, словно в моей душе снова зажегся

свет. Когда мама и Рей оставили меня, мне казалось, что я одна... Конечно, есть ты – но у тебя своя жизнь. Есть дети – но они пока зависят от меня, а потом вырастут и пойдут своей дорогой. И я снова останусь одна. Но Мария говорит, что бог всегда с каждым из нас. Он видит нас, он протягивает нам руку, когда нам трудно, просто мы не всегда замечаем его присутствие...

– И... – осторожно спросила Кристина.

– И – я начала приглядываться. И я заметила. Я заметила его присутствие! Представляешь?! Меня это потрясло настолько, что я подумала, а зачем я трачу время на все это? На моду, на поклонников, на покупки, на свою внешность – ведь это пройдет... Однажды это пройдет... А он останется. Так не лучше ли быть с тем, кто останется со мной навсегда? В общем, теперь я работаю вместе с Марией. И я подумываю о том, чтобы со временем посвятить себя богу целиком.

– Ты что, собралась в монастырь? – изумилась Кристина.

– А почему нет? – Джайса подняла на нее прекрасные темно-зеленые глаза, – Все лучше, чем в психиатрической лечебнице, как моя матушка.

– С этим согласна, – Кристина вздохнула и сжала руку подруги. – Хочешь, когда построим город, будешь посланником божьего слова здесь?

Джайса рассмеялась.

– Тебе лишь бы поиздеваться! А ведь я говорила серьезно! В мире столько несчастий! Через несколько дней я отправ-

ляюсь с гуманитарной миссией в Африку, так что пожелай мне удачи в моем походе против зла.

– От души желаю!

– Это будет поход против зла в первую очередь в моей собственной душе... Впрочем, ладно! Хватит, лучше расскажи мне про бал-маскарад! Что вы планируете устроить?

– Это будет сюрпризом, – Кристина покачала головой.

Она никому не хотела рассказывать о своем замысле. Бал-маскарад должен был состояться в этом же отеле, в главном холле в воскресенье.

За несколько дней до него прилетели Венсан и Даниэль, которые сразу же приступили к работе, не тратя время на отдых. Кристина не колебалась ни минуты, прежде чем выдать Даниэлю приглашение на маскарад, несмотря на то, что он являлся для них новым человеком, – она не сомневалась, что уж если он сумел забраться по отвесной стене на ее балкон, то проникнуть на бал-маскарад для него не составит никакого труда. Он, действительно, отличался исключительной смекалкой, решительностью и бесшабашностью, а значит, остановить его все равно не получится.

Когда они встретились на одном из совещаний, Кристина испытала легкую неловкость, однако нашла в себе силы поприветствовать Даниэля, как нового сотрудника компании и выразила надежду, что он внесет существенный вклад в строительство города. Ей показалось, что Даниэль тоже чувствовал себя неловко, а как только они остались на несколь-

ко минут наедине, тут же попытался извиниться за случившееся, но она жестом прервала его.

– Не нужно об этом вспоминать. Просто забыли, – твердо сказала она, и Даниэль согласно кивнул.

Он испытал невероятное счастье, когда наутро получил звонок от Венсана Сенье с предложением присоединиться к компании, и однако не мог отделаться от мысли, что добился своей цели не совсем честным способом, фактически вынудил Кристину своей настойчивостью принять его на работу. Что ж. С другой стороны – задача того стоила. Он ее не разочарует, Кристина еще порадуется, что доверила ему эту миссию!

Увидев ее снова, он испытал волнение и смущение, но его потрясла ее холодность, поистине эта женщина обладала железной выдержкой! Пока он летел сюда, в глубине души надеялся, что Кристина разделяет охватившее его, словно пожар, чувство, но оказавшись с ней наедине, понял, что для нее произошедшее – лишь досадное недоразумение. И он решил продолжать работу, выбросив из головы глупые мечты. В конце концов, Рауль и Габриэль в один голос сказали, что Кристина много лет отказывала всем поклонникам, так чем же он лучше других? Понимая, что у него нет никаких шансов, Даниэль сосредоточился на работе, которой уделял все время, оставляя лишь несколько часов на сон. Ведь столько всего предстояло сделать! Однако он был чрезвычайно изумлен, когда ему доставили приглашение на бал-маскарад.

Приглашение было на дорогой бумаге, с золоченым тиснением, содержало недвусмысленное пожелание, чтобы он явился на бал, проводимый в Гранд-отеле. Даниэль запоздало пожалел, что не взял с собой ни одного парадного костюма, а магазинов в Терранове пока не было. Выручил его Олег Балицкий – один из бывших русских эмигрантов: он был другом детства Кристины, и хотя их пути разошлись в дальнейшем, она сохранила самые лучшие воспоминания о его уме и благородстве натуры, и потому, выяснив, что Олег оказался также успешен в муниципальной карьере, предложила ему попробовать себя в качестве мэра Террановы.

– У нас приблизительно один размер, хотя, наверное, ты пошире в плечах, а я повыше, – сказал Олег, разглядывая Даниэля. – Но, полагаю, мой смокинг и моя рубашка тебе влезут. У меня есть несколько новых комплектов, примеряй и забирай!

Рубашка Олега, действительно, немного жала подмышками, а смокинг не застегивался, но в целом, если исключить небольшие неудобства, Даниэль выглядел вполне прилично и проникся к мэру чувством уважения и благодарности.

Когда в воскресенье он поднялся по залитой огнями лестнице, на нем был черный элегантный смокинг и он пытался завязать маску, так, чтобы она полностью скрывала лицо. Женщина в кружевном бледно-розовом платье остановилась рядом с ним.

– Не так нужно, – заметила она. – Хотите, помогу? Вы ведь

– новый архитектор, да? Даниэль Сантьяго?

Даниэль изумленно обернулся.

Женщина подняла свою маску, и Даниэль увидел прекрасные зеленые глаза Джайсы Альварес. Он знал ее в лицо, Джайса была известной моделью и частым гостем светских хроник в журналах и на телевидении. И к тому же, она была подругой Кристины.

– Да, это я, – Даниэль немного смутился, а красавица вдруг приблизилась, став совсем близко к нему, после чего принялась завязывать маску, несколько раз коснувшись тонкими пальцами его волос и шеи. Потом она вдруг потянулась, так что ее губы оказались у самого его уха, и вдруг прошептала:

– Хорошо, что вы пришли. Вас ждут. Она ждет вас.

Вздрогнув, Даниэль отстранился и с изумлением посмотрел на Джайсу, но та уже опустила маску и, послав ему улыбку, прошествовала мимо по лестнице.

Даниэль почувствовал, что его сердце забилось сильнее от волнения. А Джайса, крайне довольная собой, отправилась в бальный зал. Разумеется, Кристина не ждала Даниэля и не говорила подруге ничего подобного. Но Джайса, уставшая ждать, когда та наконец-то решится окончить свой траур, решила взять судьбу Кристины в свои руки. В конце концов, этот архитектор и правда хорош собой, а судя по рассказам самой Кристины – умен, талантлив и отважен. Так чего же еще нужно для счастья?

Посмотрев на себя в зеркало, Даниэль убедился, что узнать его в таком виде – совершенно невозможно. Он чувствовал себя Золушкой, которая явилась на первый бал, и от этого ощущения ему становилось неловко: на Лансароте никогда не устраивали подобных роскошных празднований, максимум – народные гулянья, церковные праздники, домашние посиделки или студенческие вечеринки. К тому же, Даниэль панически боялся, что бал подразумевает танцы, а танцором он был неважным.

Он прошел в холл, где уже были другие гости: дамы в вечерних туалетах и мужчины: все одинаковые, в смокингах и масках, отличавшиеся друг от друга лишь ростом и оттенком волос. Звучала легкая музыка, высились пирамиды бокалов с шампанским на столе, украшенном многочисленными закусками, половины из которых Даниэль не смог бы назвать, хотя в основном здесь, в морском городе, были блюда из рыбы и морепродуктов. Он взял бокал, медленно прошелся между рядами столов, не понимая, знает ли он кого-то из присутствующих, ведь их лица скрыты – так как же с ними общаться? Требуется ли сохранять инкогнито или можно назвать себя?

Однако, скоро выяснилось, что все говорили лишь на общие темы, обсуждали последние события в жизни общества и светские сплетни, а потому атмосфера была легкой и непринужденной.

Через некоторое время оркестр, исполнявший живую му-

зыку, заиграл вальс. Как и боялся Даниэль, начались танцы, и он попытался осторожно выбраться из помещения, но его быстро перехватили руки какой-то дамы в черном блестящем платье, закружив на паркете: оказалось, что двигаться у него получалось лучше, чем он опасался.

– Не знаю, кто вы, но вы отлично танцуете, – улыбнулась из-под маски дама.

– Вы просто очень добры, – улыбнулся Даниэль в ответ.

Потом танец закончился, и ему удалось все-таки выбраться из холла, однако, когда он вернулся, к нему подскочила новая женщина, как ни странно, их было немало, где они все прятались в рабочие дни? Или же прибыли специально на бал? Он насчитал несколько десятков женщин, хотя, разумеется, мужчин было больше. Почему же ему снова и снова достается участь танцора? Или их привлекает его стройное телосложение? Даниэль помнил комплименты, что отпускали ему красотки еще на Лансароте и улыбнулся сам себе.

Очередной танец закончился, и перед Даниэлем оказалась стройная молодая женщина в бальном платье темно-зеленого цвета с оттенком серого, ее лицо было скрыто маской. Его обрамляли локоны иссиня-черных волос, но, несмотря на это, Даниэль каким-то внутренним чувством понял, что перед ним – хозяйка Террановы. Она не произнесла ни слова, он осторожно обнял ее за талию и они закружились в танце. Кристина не видела лица своего партнера, он молчал, и она не могла узнать его по голосу, но почему-то она чув-

ствовала, что танцует с Даниэлем, хотя, конечно, как можно знать наверняка? Что если это всего лишь иллюзия, созданная ее воображением? Кристина не хотела признаваться себе, но решительность, которую он проявил, когда дону Габриэлю стало плохо, а также отчаянная безрассудная смелость, заставившая его подняться вверх по отвесной стене, в сочетании с его одержимостью Террановой впечатлили ее, как и излишняя самоуверенность, и открытая теплая улыбка. Сейчас вдруг ожили воспоминания о его поцелуе, конечно, это трудно назвать настоящим поцелуем, скорее борьбой, но ей вдруг захотелось узнать, каким бы был настоящий поцелуй. А когда Кристина хотела чего-то, она, не останавливаясь, шла к цели. И потому, как только музыка закончилась, они, не сговариваясь, вместе вышли из зала и прошли вверх по лестнице. По тому, насколько хорошо она знает отель, Даниэль удостоверился, что не ошибся – перед ним действительно Кристина. Они вышла на балкон второго этажа. Здесь не было ни души, а вокруг расстилались бескрайние просторы океана. Также, не говоря ни слова, Даниэль, починяясь какой-то неведомой силе, обнял Кристину, на этот раз она не пыталась сопротивляться, а напротив крепко прижалась к нему, отвечая на поцелуй.

Этот бесконечный поцелуй с человеком в маске вдруг напомнил Кристине о зловещей игре, где она уже много лет не появлялась – там тоже присутствовали люди в масках, под которыми скрывались те, кого вне игры ты знаешь в другом

обличии, вне игры они снимают маски и меняются совершенно. И сейчас она понимала, что целует человека в маске, полагая, что это Даниэль Сантьяго, но ведь по большому счету – она целовала незнакомца. А если смотреть еще глубже – Даниэль Сантьяго и без маски был для нее чужим человеком: они встретились лишь несколько дней назад, а до того она понятия не имела о его существовании. Но почему-то чувствовала себя так, словно знает его много лет, всю жизнь, а может быть дольше, еще с поры безвременья: ведь так можно целовать лишь того, кого знаешь и любишь многие годы.

Что если они все же иногда встречаются на пути, приходят в твою жизнь, проходят рядом, случайно касаются руки, бросают мимолетные взгляды, обмениваются парой слов, исчезают вдали и появляются снова? Знакомые незнакомцы, скрытые под маской одежд, причесок и лиц.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ТЕРРАНОВА

Глава 1. Окончание строительства

Кристина смотрела на расстилающиеся перед ее балконом широкие улицы, на просторную площадь, окруженную высотными зданиями, вокруг каждого из которых обязательно располагался симпатичных скверик с фонтанами, на бегущие вокруг города линии шоссе-эстакады, опоясывающие глубокие бухты, где стояли на рейде корабли, на движущиеся тротуары и поднимающие прямо к домам и эстакадам эскалаторы, на крытые переходы, которые должны защищать пешеходов от дождя и ветра – все переходы в Терранове были выполнены из прозрачного, но прочного материала, внутри размещались кондиционирующие устройства, поэтому здесь всегда поддерживалась одинаковая комфортная для человека температура и уровень влажности: снаружи влажность была слишком высока, часто дули сильные, порой ураганные ветры, а иногда палило жаркое солнце. Глядя на все это, Кристина думала, что строительство, вопреки всеобщим мрачноватым ожиданиям и злословию недоброжелателей, завершилось раньше, чем планировалось! Она рассчитывала, что возведение Террановы можно будет считать законченным лет через пять, однако с момента прибытия Даниэля Сантья-

го не прошло и трех лет, а результат был достигнут. С замиранием сердца смотрела она на эти башни, словно поднимающиеся со дна океана, ей хотелось петь и кричать от внезапно свалившегося на нее счастья – она это сделала, донесла свою неподъемную ношу, совершила то, что совершить было не под силу никому: она создала с нуля, возвела посреди моря чудесный город, равного которому нет на свете!

Как долго они изучали рельеф морского дна, Кристина несколько раз спускалась на дно и сама с помощью глубоководных аппаратов, сколько видели подводных гор, океанических равнин и желобов, котловин, впадин, поднятий! Сколько лет поистине каторжного труда, бессонные ночи, работа круглыми сутками, а сколько неудавшихся разработок, сколько сорвавшихся проектов, потраченных впустую денег! И какие титанические усилия затрачены! Ведь дома были сделаны подобно конструктору, их части доставлялись сюда кораблями и здесь на месте просто соединялись друг с другом, иначе подобное строительство оказалось бы невозможным в сложных условиях открытого океана. Сколько исследований провели они, изучая подводные течения, направления сезонных ветров, разломы литосферных плит, чтобы предугадать сейсмическую активность в том или ином регионе. Скольких ученых, исследователей, инвесторов, работников, инженеров привлекли к своему проекту! Тысячи тысяч! Со всего света: здесь работали специалисты из Австралии, Азии, Америки, России и Китая, наверное, в мире нет

ни одного государства, чьи граждане не приложили бы руку прямо или косвенно к созданию Террановы. Тяжелый, многолетний труд коллективного разума – ведь один человек не в силах учесть всех мелочей, необходимых, чтобы осилить проект такого масштаба! Тысячи людей трудились день и ночь, не покладая рук, словно во времена великой стройки фараона Хеопса, но горящие пламенным энтузиазмом, вкладывающие сердце и душу – и все с тем, чтобы однажды, здесь, в отдалении от берегов Мексиканского залива, у самой оконечности шельфа построить город своей мечты.

И пусть пока здесь нет ни одного жителя, но осталось провести лишь небольшое тестирование систем жизнеобеспечения и спасательного оборудования – и квартиры в городе можно будет выставить на продажу. Риэлтерские конторы несколько раз обращались с предложением выкупить строящиеся квартиры, но Кристина решительно отказывала – боялась сглазить, боялась, что преждевременно проданные дома могут повлиять на хрупкую ткань будущего и строительство никогда не завершится. В конце концов, она создавала этот город не ради денег, но ради того, чтобы воплотить в жизнь мечту покойного и все еще горячо любимого мужа.

Вспомнив Антонио, Кристина грустно улыбнулась, словно он мог видеть ее сейчас, а потом мысли перенеслись к Даниэлю. Она не могла не признать его заслуг: с момента, как он появился на проекте, строительство пошло вперед сумасшедшими темпами, никому неизвестный испанец с Ланса-

роте не обманул: он оказался лучшим архитектором, о таком она не могла и мечтать. Обманул ли он ее, когда говорил обо всем остальном? О своих чувствах?

С того поцелуя на балу между ними больше ничего не было, напротив, Кристина изо всех сил избегала встречи со своим сотрудником. Слишком много препятствий стояло между ними: в конце концов, она – одна из богатейших женщин Европы, а он еще недавно был простым дизайнером, не имеющим ничего, кроме старенького автомобиля, почему она должна верить в его бескорыстие? К тому же отношений с коллегами она не приветствовала, это может отрицательно сказаться на общем деле, а что может быть важнее строительства Террановы? И потому она довольно быстро дала понять Даниэлю, что их связывает только бизнес. Ничего личного. Да и потом, ведь тогда на балу он поцеловал незнакомку в маске, он не может быть уверен, что это действительно была Кристина. А значит – ничего не было, лишь иллюзия, бесплотная мечта, о которой почему-то никак не получалось забыть.

Даниэль смирился, погрузился в работу, но так и не смог выбросить Кристину из головы. Она все ждала, когда же архитектор увлечется кем-то из молоденьких сотрудниц, постоянно крутившихся вокруг него, особенно много времени проводила с ним Рехина Агирре, ученая океанограф. Они много пересекались по работе, и Кристина не могла не замечать, что девушке очень нравится Даниэль, это было видно

невооруженным глазом! Да и он, похоже, флиртовал с симпатичной фигуристой блондинкой. Она все ждала, когда до нее дойдут слухи о связывающих этих двоих романтических отношениях, но этого так и не случилось.

Иногда Кристина тосковала по крепким объятиям Даниэля, тогда, на балу, но чаще была погружена в работу и вполне счастлива.

Даниэль тоже чувствовал себя почти счастливым, глядя как из морской пучины поднимается город будущего, на его высокие башни, на красивые легкие мосты. Кристина была права, когда предполагала, что город должен располагаться на плавучих платформах, скрепленных определенным образом, лишь некоторые стояли на сваях, уходящих далеко вниз, к шельфу. Это создавало небольшую подвижность, но дома были сконструированы так, что даже в самый сильный шторм, максимум падала на пол стоящая на столе чашка.

Вдохновение и удовлетворение от работы, которое Даниэль испытывал, были для него лучшей наградой, хотя, надо заметить, он получал и весьма щедрое жалование. Однако отказался, когда Кристина предложила назвать улицу его именем, предпочитал запомниться как художник, создавший Терранову, ему не важно, назовут ли в его честь улицу, дом или что-то еще.

Кроме несбыточной навязчивой мечты о Кристине, не оставлявшей его сознания, были и другие сложности, которые не позволяли Даниэлю почувствовать себя полностью

счастливым. Одной из них был его напарник Венсан Сенье. Будучи человеком очень неглупым, главный архитектор довольно быстро сообразил, что его помощник отличается не только живым умом и решительностью, но и удивительным природным даром, граничащим с гениальностью, и потому прислушивался к его идеям и советам, изучал их, расспрашивал, соглашался, искренне восхищался, а потом... выдавал за свои. Причем делал он это совершенно законно, с согласия самого Даниэля.

– Ты же хочешь, чтобы идея увидела свет? – спрашивал Венсан, – Ко мне прислушаются, ведь я – главный архитектор и Кристина мне доверяет. Разве не так? В конце концов, дорогой друг, мы здесь ради общего дела, ради того, чтобы создать новым поколениям прекрасное будущее, а не ради личных амбиций, правда?

– Конечно, – соглашался Даниэль, понимая правоту Венсана, в душе он иногда чувствовал досаду, особенно, когда Кристина хвалила Венсана и восхищалась его талантом.

Это же я, все это придумал я, хотелось крикнуть ему, но он молчал, опускал глаза, сжимал кулаки, стискивал зубы и согласно кивал, подтверждая ее правоту. В конце концов, Венсан – главный архитектор, а важно только, чтобы идею приняли. Ведь иначе однажды может произойти непоправимое и прекрасный город окажется на дне океана, повторив судьбу легендарной Атлантиды. Погибнут люди, а все приложенные усилия, тысячи часов труда многорукой машины:

строителей, прорабов, инженеров, ученых, – будут погребены под толщами воды. И потому он молчал, не спорил с Венсаном и не пытался что-либо объяснять Кристине. В конце концов, ничего из того, что он по-настоящему хотел бы сказать ей – все равно не скажет, слова застревали в горле, едва он встречался с ледяным взглядом ее глаз.

Но вот теперь строительство официально окончено и потому было решено, что все-все, кто участвовал в строительстве, от топ-менеджеров до портовых грузчиков, получают официальный отпуск на одну неделю для возвращения на большую землю. А после окончания этой недели, работники вернуться уже насовсем, и начнется официальный старт продаж, и закипит водоворот городских будней, и в Терранову заедут первые жители.

Это придумала Кристина. Она дала этой акции официальное название «Неделя вне времени». Ей хотелось провести эксперимент, остаться со своим городом один на один. Она уже решила, что не поедет в увольнительную, а останется здесь, в Терранове совершенно одна: оценить ту гигантскую, титаническую работу, что была проделана. Чтобы почувствовать, как с плеч падает тяжелая ноша, что несла она все эти годы. А еще: чтобы почтить память Антонио, явившегося вдохновителем столь масштабного проекта, ведь именно ему принадлежала идея создания утопического города.

Когда все наконец уехали, отчалили корабли, взлетели са-

молеты, вокруг наступила полная тишина, слышен был лишь шум волнующегося океана, иногда рев ветра, плеск воды, и больше – никаких звуков. В искусственном городе пока не было ни птиц, ни животных, а все люди уехали. И сейчас Кристина чувствовала себя первым человеком на только что сотворенной земле.

Она спокойно провела ночь в своей комнате, наутро позавтракала там же, не выходя из квартиры, долго-долго смотрела на море, размышляя о проделанной работе и чувствуя то самое опустошение, что чувствует человек, который долго-долго шел к намеченной цели и наконец-то достиг ее. Такие люди испытывают горечь и разочарование, но Кристина знала, что ей подобное не грозит, ведь перед ней стояла еще одна, не менее сложная задача – снять проклятье с семьи Манрике. Хотя корабли больше не тонули, Кристина помнила, что однажды это может произойти снова, пока жива старинная легенда, пока дух Проклятого капитана продолжает скитаться по морям, и чувствовала ответственность не только перед Антонио, которому дала слово однажды, но и перед жертвами тех кораблекрушений, невольной виновницей которых она стала. Кристина смотрела на горизонт, ожидая, что теперь, как и тогда в лодке, появится призрачная каравелла и Проклятый капитан наконец заговорит с ней, но ничего не происходило. Прошли годы, они стерли воспоминания, и Кристине теперь казалось, что старинное судно ей привиделось, оно было лишь галлюцинацией, созданием

ее воспаленного воображения вследствие пережитого в тот непростой день ужаса.

После завтрака Кристина решила пойти на недавно построенный в Терранове искусственный пляж с чудесным золотистым песком, который доставили сюда многочисленные сухогрузы ее компании. Пока еще ни один человек не отдыхал на этом пляже, и Кристина решила, что будет вполне справедливо, если именно она станет первой. Она быстро положила в сумку полотенце и солнцезащитный крем, надела купальник и халат, завязала волосы и покрыла их соломенной шляпой, после чего направилась к пляжу.

Разумеется, пляж здесь был не обычным и не имел ничего общего с тем, что мы привыкли понимать под этим словом. Он располагался значительно выше уровня моря, как и весь город, иначе песок бы просто унесло водой, к нему вел специальный лифт, а также множество эскалаторов, расположенных вдоль стены, по которой каскадом бежал искусственный водопад.

Но на этом пляже были и зонтики, и шезлонги, и гигантские бассейны с морской водой, и Кристина заняла один из лежаков, самый лучший, центральный, – ведь больше никого не было, постелила полотенце, сбросила халат и, блаженно вытянувшись, закрыла глаза. Наконец-то она имеет право просто полежать на солнышке и расслабиться! Все закончилось! Она победила! На какое-то время она задремала, но вскоре проснулась, почувствовав, что становится слишком

жарко – все-таки солнце здесь палило нещадно. Вытащив из сумки солнцезащитный крем, женщина намазала им лицо, руки, плечи и уже попыталась было намазать спину, насколько это возможно, как так и замерла с флаконом в руке.

Потому что прямо к ней, в гавайской рубашке и шортах, тоже в соломенной шляпе и босиком, шел по песку Даниэль Сантьяго, вальяжно помахивая пляжной сумкой.

Раскрыв рот от изумления, Кристина смотрела на него, не в силах произнести ни слова, а он, как ни в чем ни бывало, приблизился, помахал ей рукой и широко улыбнулся.

– Что вы здесь делаете? – воскликнула она с возмущением, когда к ней вернулся дар речи. – Все должны были покинуть город! Все сотрудники... был издан приказ...

– Вы же знаете, что я не подчиняюсь приказам. Кстати, здравствуйте, сеньора Кристина!

Его ответ еще больше возмутил Кристину.

– За это я могу вас и уволить, – холодно сказала она, глядя ему в глаза.

– Да бросьте! Это такой же мой город, как и ваш. Без меня бы его не было, и вы это отлично знаете. И я тоже хочу побыть с ним наедине, пока не понаехали люди.

Кристина в ярости поднялась с шезлонга, это было уже слишком!

– Что значит «это ваш город»?! Что вы знаете о том, сколько кругов ада я прошла, прежде чем мне позволили хотя бы заговорить о нем? Что вы знаете о том, как я искала фи-

нансирование для этого проекта? Как выбирала сотрудников? Как боролась с властями трех стран! Как рушились одна за другой наши надежды! Как долго мы искали это место, затерянное в океанской пустыне! Сколько лет я потратила, сколько дней и ночей работала, ждала, думала, считала! Что вы знаете об этом, чтобы назвать Терранову своим городом? Нет, этот город принадлежит мне и моему мужу и никому больше!

Кристина замолчала, ожидая ответа на свою пламенную речь, и Даниэль действительно ответил.

– Помочь вам намазать спину кремом? – миролюбиво спросил он. – Не все хорошо делать самой.

Ошарашенная его неожиданной реакцией, Кристина застыла, потом молча протянула ему крем, после чего на автомате легла обратно на шезлонг. Даниэль тут же опустился прямо на песок, выдавил крем себе на ладонь и принялся натирать ее плечи.

– Вот, значит, уже я не зря остался! Хоть на что-то сгодился... – заметил он все также миролюбиво. – Но я очень рад, что решил остаться. Терранова сегодня напомнила мне Лансароте сразу после извержения вулкана. Люди уехали, птиц и животных нет. Абсолютная тишина, мертвая пустыня. Там вулканическая, здесь – футуристическая. Так ведь? Я словно дома побывал...

Кристина не ответила. Она закрыла глаза, чувствуя, как от его прикосновений оживают воспоминания о том поцелуе

на балконе, что случился несколько лет назад, оживают, захватывая все ее мысли, все ее существо. Очевидно, ему передалось ее состояние.

– На самом деле, это Джайса уговорила меня остаться, – сказал вдруг Даниэль.

– Что?! – воскликнула изумленная Кристина, резко открыв глаза и подняв к нему лицо. – Джайса?! Моя подруга? Но почему?!

– Именно поэтому. Потому что она – ваша подруга. «Хватит ходить вокруг да около», сказала она мне. Везет только смелым! И я поверил ей. И я остался. Она умеет убеждать, когда нужно.

– Не сомневаюсь...

– И она очень желает вам счастья.

– Счастья? – скептически заметила Кристина. – У всех разные понятия о счастье. И если Джайса думает, что мое счастье – это...

– Я остался ради вас, сеньора Кристина, – решительно перебил вдруг Даниэль и посмотрел ей в глаза прямым открытым взглядом. И этот взгляд заставил Кристину смутиться и растеряться. Но в то же время, если быть честной с собой, где-то в глубине души Кристина догадывалась о его чувствах, знала, что он все еще думает о ней, несмотря на холодную вежливость на официальных встречах. Он казался безразличным и равнодушным, но она догадывалась о его тайной страсти и знала, что ее предметом является она сама. Но

все это было неправильным и так не должно было случиться! Ведь они вместе работают, ведь он наемный служащий в ее компании...

– Ты же знаешь, что между нами ничего быть не может...
– от волнения она даже перешла на ты.

– Знаю, – спокойно ответил Даниэль. – Но это – неделя вне времени. Сейчас можно все. Именно так и сказала мне Джайса: в эту неделю можно все.

Пораженная то ли неоспоримостью этих слов, то ли сдавшись наконец своим столь долго сдерживаемым чувствам, Кристина порывисто вскочила с шезлонга и крепко обняла его за плечи.

Даниэль обнял ее в ответ.

– Кажется, что ты сейчас заплачешь, – прошептал он ей на ухо.

Кристина улыбнулась и покачала головой.

– Я никогда не плачу, – так же тихо ответила она. – Не могу заплакать. Я не плакала уже больше десяти лет...

– Сейчас можно. Никто не видит, а я никому не скажу.

– Да нет же, – она снова улыбнулась. – Я просто не могу. Нет слез. Совсем нет слез. Они просохли в ту ночь, когда умер Максимино Флорес. Я дала ему клятву никогда не плакать. И вот, больше нет слез... Хотя было столько поводов, ты даже не представляешь...

Она осторожно освободилась из его объятий.

– Уйдем отсюда, – попросила она. – Здесь всюду камеры.

Не нужно, чтобы нас видели вот так.

Дальнейшее Кристина могла вспомнить с трудом, и даже когда много лет спустя она возвращалась мысленно к этим дням, то понимала, что не осталось никаких воспоминаний кроме случайных обрывков фраз, мгновений, игры света и тени, удивительных эмоций и того пьянящего счастья, которое бывает лишь раз. Эти дни навсегда запечатлелись в ее сознании, словно залитые золотистыми лучами рассветного солнца, озаренные магическим сиянием любви, и все-таки она не могла вспомнить ничего конкретного.

– Неудивительно, это же неделя вне времени, – пошутил Даниэль, когда она рассказала ему о своих мыслях. – У меня то же самое. Хотя мне тогда было не до запоминаний.

Они знали, что у их любви есть лишь эти несколько дней и потому пытались получить от них все, что могли. Теперь Кристина не могла поверить, как она так долго жила без него! Не два с половиной года, что прошли с момента их встречи, не все те годы, что прошли со дня смерти Антонио. Нет, всю эту долгую жизнь, а может быть столетия до нее, как она могла жить без него?

– Мне кажется, будто мы с тобой были вместе когда-то давно. Очень давно, а потом надолго расстались. Я потеряла тебя и часть себя вместе с тобой, – сказала она ему в последнюю ночь перед возвращением людей в Терранову. – И потом долго-долго искала.

– И что это значит? – он улыбнулся в темноту. – Что мы

все равно будем вместе? Даже когда неделя вне времени закончится? Даже когда сюда вернуться люди?

Кристина задумчиво молчала.

– Не знаю... Это все так далеко от реальной жизни. В реальной жизни у меня столько забот, столько проблем и столько работы! И совсем нет времени на любовь. И на себя. Я отрекаюсь от себя очень давно, когда решила построить Терранову.

– Но Терранова построена.

– Да. Но столько всего еще предстоит сделать!

– У тебя отличные управляющие! Чего только стоит Олег!

Из него получится лучший мэр, я уверен. Да и остальные...

– Согласна, – улыбнулась Кристина. – Но все-таки они – не я. Ты даже не представляешь, сколько всего мне приходится брать на себя. Помимо Террановы есть еще судоходная компания, есть большой финансовый холдинг, плюс у нас остались химические предприятия, которые были еще при моем муже. Сельским хозяйством я почти не занимаюсь, но все-таки дел остается по горло! И я не говорю про различные внешние проекты, участие в мероприятиях, общественную жизнь. Это так сложно быть Кристиной Алькасар, ты даже не представляешь себе!

– Но ведь теперь у тебя есть я! – Даниэль повернулся и посмотрел на нее, – Ты можешь доверить какие-то из своих обязанностей мне, я буду тебе помогать – и твоя жизнь станет куда легче, чем раньше.

Кристина нахмурилась, ее лоб прорезали легкие морщинки, а потом она поднялась на локте, отчего ее длинные рыжие волосы рассыпались по подушке, и внимательно взгляделась в него. Неужели, он это сказал? Они только начали встречаться, между ними еще нет никаких обязательств, а он уже претендует на то, чтобы взять на себя часть ее задач? На то, чтобы занять ее место!

Даниэль без слов понял ее взгляд, откинулся на подушку и тяжело вздохнул.

– Слушай, нельзя быть такой подозрительной. Так можно с ума сойти. Ты что, действительно, думаешь, что мне нужна твоя компания и твои деньги? Напрасно. Думаю, что и тебе они не нужны. Ты была бы куда счастливее, если бы отказалась принять наследство мужа и не стала связываться со всем этим строительством, если хочешь знать мое мнение. Правда, тогда бы мы вряд ли встретились. А это совершенно недопустимо.

Кристина снова легла и крепко обняла его за плечи, заглянула в глаза.

– Это правда? Тебя не интересует моя компания? У тебя нет никаких личных амбиций?

– У меня есть личные амбиции. Они в том, чтобы остаться в памяти людей среди строителей Террановы. Но они не управляют мной. Иначе я бы ходил и говорил всем вокруг о технике крепления плавучих платформ, на которых стоят мосты... – эта фраза сорвалась сама собой, и он испуганно

замолчал. Даниэль упрекал себя за то, что сболтнул лишнего и надеялся, что Кристина в сонной дремоте не расслышит фразы или не придаст ей значения. Но она тут же снова вскочила.

– Что это значит? – спросила она. – Про крепления? Ты хочешь сказать, что эту технику придумал ты, а не Венсан? Но ведь вы же говорили...

Даниэль молчал, но она потрясла его за плечо.

– Скажи мне. Если ты хочешь, чтобы мы были вместе у тебя не должно быть от меня секретов!

– Хорошо, – он вздохнул. – Да, это была моя идея. Венсан, конечно, развил ее...

– Но почему вы не сказали? – изумилась она.

– Потому что знали, что идею прославленного архитектора комитет примет скорее, чем идею никому неизвестного помощника.

Кристина задумалась, она долго молчала, напряженно размышляя о чем-то.

– И много таких идей вы выдали за идеи Венсана? – спросила она, наконец.

– Достаточно, – ответил Даниэль. – Но не будем об этом. Я лишь хотел объяснить тебе, что у меня нет никакого желания занимать чье-либо место. Ни твое, ни Венсана. Теперь, когда Терранова построена, больше всего на свете, я хотел бы вернуться домой. Назад, на Лансароте. Соскучился по нашей мертвой черной земле, покрытой вулканическим пеплом...

– А как же я? – лукаво улыбнулась Кристина.

– Я хотел бы вернуться туда с тобой. Но понимаю, что это невозможно. Такой блестящей светской даме, как ты, нечего делать на богом забытом острове...

Кристина наклонилась и поцеловала его.

– Когда я была маленькой девочкой, задолго до знакомства с Антонио, даже до переезда в Испанию, когда еще жила в Саратове, я мечтала, что однажды придет день – и я буду жить на богом забытом острове посреди океана. А еще, как и все девчонки, мечтала, что буду, как Золушка, и однажды в меня влюбится принц. Половина желания исполнилась. В 2004 году в Испании не было ни одной газеты, которая не назвала бы меня Золушкой.

– Осталась вторая половина.

– Да, осталась вторая половина...

В эту минуту Кристина уже точно знала, что позволит ему остаться рядом с собой даже тогда, когда в Терранову вернутся остальные сотрудники компании, когда город заселят первые жители, а также решила, что передаст Даниэлю часть своих обязанностей, тех, с которыми на нее взгляд он сможет справиться. В конце концов, он прав, нельзя все и всегда делать самой, пора учиться делиться задачами, что обрушились однажды на ее голову. И потом, разве любовь не для того дана, чтобы быть вместе в радости и горести, делить не только хорошие, но и трудные времена? Разве не в этом смысл той мистической связи, что возникает между людьми

и порой тянется не один год, а порой и не одну жизнь? Кристине снова показалось, что они с Даниэлем были знакомы прежде, странно, несмотря на любовь к Антонио, в отношении мужа у нее никогда не возникало такого чувства. Напротив, все, связанное с ним, казалось ей внезапным, неожиданным, поражало и удивляло. То, что он оказал ей знаки внимания, что сделал своей женой, что подарил любовь, что оставил ей состояние. С Даниэлем все было иначе – казалось закономерным и единственно возможным ходом событий и такое единство голоса судьбы и голоса ее собственного сердца не могло не радовать женщину. Они будут вместе всегда, что бы ни случилось, потому что это – их настоящая дорога.

Она снова почувствовала, как в сердце поднимается волна ликования, и не в силах сдержать эмоции крепко поцеловала Даниэля. Тот уже начинал засыпать, но от столь страстного поцелуя тут же проснулся и решил, следуя добрым католическим принципам, отплатить Кристине сотней поцелуев за один.

За окном уже поднималось солнце, скоро на аэродром начнут опускаться самолеты. Но пока они все еще одни на этом маленьком клочке суши посреди безбрежного океана, словно Адам и Ева под беззаботной сенью Эдемского сада, единственные мужчина и женщина на земле. Им не хотелось размыкать объятий, расплетать руки, разъединять губы, наоборот, хотелось стать единым существом и застыть навечно в этом мгновении, когда возможно краткое единство двух

разделенных, но бесконечно родных существ.

Глава 2. Любовь

Прошла всего неделя после возвращения людей в Терранову, начались официальные продажи квартир, по телевидению крутили бесконечные рекламные ролики, обещавшие жилье в самом необычном и комфортабельном городе мира по оптимальным ценам, об этом кричали стоящие вдоль испанских дорог билборды, люди, желающие приобрести необычную недвижимость обзванивали агентства, но никто не говорил об этих чудесных переменах и достижениях. Никто, потому что все в Терранове обсуждали только громкую новость о романе Железной Крис, непорочной женщины с каменным сердцем, со своим подчиненным, помощником главного архитектора Даниэлем Сантьяго.

Их поражали перемены во внешности Кристины: всегда такая холодная, бледная, казавшаяся чуть изможденной, те-

перь она светилась от счастья, ее глаза сияли, на щеках пылал румянец, походка вдруг сделалась легкой и казалось, она вот-вот пустится в пляс от радости. Кристина теперь беспрестанно смеялась, постоянно улыбалась, и ее работники с изумлением увидели чудо, некогда покоровившее сердце Антонио Манрике, – улыбку, озарявшую все вокруг, словно жаркое испанское солнце. Прежде женщина была строгой и даже хмурой, ее запомнили с плотно сжатыми губами, которые разжимались только для того, чтобы отдать очередное распоряжение или пожуричь нерадивых, однако теперь Кристина расцвела и преобразилась.

Японский океанограф, работавший на строительстве Террановы, сравнил женщину со своей страной, когда после долгой зимы, она просыпается в бледно-розовом пожаре цветущей сакуры.

Женщины Террановы говорили о Даниэле. Они и раньше считали его красавцем и пытались привлечь внимание всегда сосредоточенного архитектора, но вскоре забросили эти безнадежные попытки, посчитав его трудоголиком, помешанным на работе. И вот сейчас они наперебой твердили, что не удивлены выбором Кристины, наоборот поддерживают его и одобряют.

Однако, как и всегда в таких случаях, несмотря на то, что над строительством города трудилась команда единомышленников, не обошлось без злословия и сплетен. Были те,

кто говорил, что Кристина, устав от одиночества, бросилась на первого встречного, который подвернулся под руку и не оказал сопротивления. Ей припомнили и неудачный роман с русским артистом, и потерпевшие крах отношения с Рейнальдо Альваресом и даже Максимино Флореса, который вероятно неспроста отдал девушке свое состояние. Были те, кто называл Даниэля охотником за сокровищами, соблазнителем богатых вдов и даже талантливым жигало, кто-то раскопал сведения, что в молодости Даниэль якобы танцевал в каком-то ансамбле, постепенно эта история обросла слухами и превратилась в откровенные танцы в барах. И хотя Даниэль никогда не танцевал в ансамбле и в принципе не особенно умел танцевать, людям эти слухи почему-то казались правдоподобными. Кристина и Даниэль не слышали и не замечали этих слухов, взглядов, недомолвок, они были слишком счастливы сейчас и казалось перенеслись в какое-то параллельное измерение, сквозь которое жизнь текла, не оставляя следа, словно бесплотная иллюзия, а плотностью, реальностью обладали лишь только они сами, и каждое мгновение проведенное врозь, было бесконечным. Кристина не могла дожидаться вечера, она начинала ждать его уже с утра, потому что вечером дела отступали, и она оставалась наедине с любимым человеком.

Джайса, ее лучшая подруга, поддержала и одобрила выбор Кристины. Я же говорила, тебе давно следовало влюбиться! Не нужно было ждать столько лет, писала она в своих сооб-

щениях. Сама Джайса все больше увлекалась новой миссией, она подолгу не видела детей, потому что почти все свое время проводила в неблагополучных странах, ездила в Азию, в Африку, в Центральную Америку, посещала приюты для беженцев и горячие точки, и везде, куда могла привнести хоть каплю милосердия, она старалась выполнить ту задачу, которую возложила на себя добровольно. Ее столько лет жившее пустыми развлечениями сердце устало и требовало больших свершений, Джайса хотела доказать самой себе, что живет не зря, а потому теперь была счастлива, что ее жизнь не проходит напрасно, она верила, что возможно совершить невозможное и сделать мир добрее, лучше, прекраснее. Кристина помогала начинаниям подруги деньгами, кроме того она выделила в Терранове несколько домов для бедных семей со всего мира, которым было некуда пойти, но которые мечтали изменить свою жизнь, стремились к образованию и хотели трудиться на благо Террановы и свое собственное, чтобы хотя бы дети выросли в новом мире и имели возможности, недоступные их родителям прежде.

Эти дома были построены в форме носов гигантских шлюпок, идущих друг за другом, и вскоре получили название Шлюпочного квартала и довольно быстро превратились в визитную карточку Террановы – ведь согласитесь, наполовину погруженные в воду спасательные шлюпки – под водой находились служебные помещения, – являющиеся ничем иным, как жилыми домами, такое можно увидеть далеко

не везде! Когда Кристина строила эти дома, она хотела, чтобы они всегда напоминали ей о той спасательной шлюпке, что не только сохранила ей жизнь однажды, но и поделила ее надвое – ведь Кристина до той ночи, когда ушел Максимино, до той ночи, когда увидела она ничем не примечательное лицо Газира, и Кристина после – отличались друг от друга словно два полюса. И женщина верила, что эти новые шлюпки, также поделят надвое жизнь всех, кто поселится тут, отделив страшное прошлое от дающего безграничные возможности будущего. Крушения остались позади, теперь все зависело лишь от самих спасенных.

Поделилась надвое и жизнь Джайсы. Крестину забавляло, что именно Джайса, которую все считали дурочкой, единственная из семьи Манрике, смогла найти подлинный смысл и жила наполненной жизнью, следуя по пути эволюции души неизменно быстрыми темпами.

Сама Кристина думала, что если бы еще до смерти Антонио ее попросили предсказать будущее членов семьи Манрике, она ошиблась бы во всем. Она думала, что Рейнальдо будет радовать светских сплетников своими похождениями, а потом остепенится, женится, заведет детей и станет одним из лучших управляющих холдинга «Манрике норте», если не Председателем. А вместо этого он погиб в подвале, подорвавшись на гранате, оставленной для него заботливыми руками Максимино Флореса. Думала, что донья Вельда будет жить вечно, но та умерла. Что они с Леонардо подру-

жаться однажды, а вместо этого он пытался ее убить. Думала, что донья Лурдес постепенно захватит бразды правления, завладеет семейным состоянием и будет управлять вся и всеми, а она оканчивала свои дни в психиатрической лечебнице строгого типа без какой-либо надежды однажды покинуть ее стены. Кристина считала, что Алваро так и будет непризнанным гением, а под конец жизни озлобится на весь свет, но в прошлом году он получил за свой фильм про современного Дона Кихота Золотую ветвь Каннского фестиваля, ему рукоплескали все площадки мира, и постепенно он превратился из занудливого брюзги в добродушного любимца общества, восхищавшегося его смешными шутками. Она думала, что если погибнет сама, то от рук Максимино Флореса, а он спас ей жизнь и отдал все свое состояние. Думала, что их с Антонио супружество будет долгим и счастливым, а он оставил ее уже через год. Думала, что Джайса станет светской пустышкой, единственным занятием которой будет размещение своих фотографий в инстаграме. Так и было, Джайса постоянно размещала фотографии в инстаграме. Вот только это были фотографии не со светских приемов и безумных вечеринок, а из лагерей для беженцев, разрушенных войной деревень, беднейших поселений стран третьего мира, из сиротских приютов и домов, где доживали свою жизнь старики, и одета красавица была не в модные платья, а чаще всего в льняные комбинезоны защитного цвета, напоминающие о ее роли солдата милосердия, ведущего вечный бой с неспра-

ведливостью и жестокостью.

И свою собственную жизнь Кристина представляла совершенно иначе. Она мечтала, что однажды вернется в Россию и будет снова преподавать математику, потом, уже став вдовой, думала, что навеки останется одинокой, начнет, но не сможет завершить строительство Террановы. Но все пошло иначе: она не вернулась в Россию, открыла сердце для новой любви и построила самый прекрасный город в мире.

Однако далеко не всем приближенным Кристины нравилось новое положение дел. Управляющие холдинга опасались растущего влияния Даниэля, это совершенно не входило в их планы, ведь каждый рассчитывал занять место поближе к Кристине, стать ее советником, сменив на этом посту стремительно стареющего Луиса Торреальбу. Дон Габриэль по состоянию здоровья год назад был вынужден оставить свое кресло в совете и теперь проходил реабилитацию в одной из швейцарских клиник. Он знал, что уже никогда не излечится от болезни, но хотел прожить остаток жизни достойно, не мучаясь от боли и не доставляя сложностей своим близким. И, конечно же, понимал, что уже не способен помогать в управлении большой компанией, давать дельные советы, изучать предоставляемые ему отчеты. Дон Габриэль все чаще ощущал, что подводит память, мозг уже не так быстр, все чаще он не мог сосредоточиться на новой информации, возможно, отчасти это было связано с эффектом лекарств, которые слегка туманили сознание, но все-таки и

старость давала о себе знать. Луис пока еще держался, он не хотел оставлять Кристину, пока рядом с ней не будет нового надежного советника и теперь с интересом присматривался к ее избраннику, пытаясь понять, чего же хочет этот Даниэль Сантьяго. Луис знал, что мужчина был хорошо образован, талантлив, отличался необычайной смелостью, решительным нравом и готовностью до конца отстаивать свои убеждения. Однажды он стал свидетелем того, как Даниэль с готовностью опустил на морское дно вместо монтажника, который боялся погибнуть при погружении. В этом месте действительно было опасно погружаться, но Даниэль настаивал на том, что опоры можно установить только здесь, иначе в дальнейшем произойдет обрушение зданий. Он в водолажном снаряжении опустил под воду и доказал, что это возможно, после чего команда монтажников все-таки смогла обеспечить установку опорного механизма. К счастью тогда обошлось без жертв.

Но любит ли он Кристину? Насколько он честен и бескорыстен? Насколько надежен и благороден? Этого Луис Торреальба пока не знал и потому следил за Даниэлем с повышенным вниманием. С каждым днем старый советник Кристины, к которой он уже давно относился как к дочери, проникался к Даниэлю все большей симпатией. Ему нравилась открытая улыбка помощника архитектора, его прямота и искренность, казалось, такой человек вряд ли способен плести интриги и создавать коварные замыслы.

Таких же взглядов придерживались и родители Кристины: мать и отец прилетели на открытие Террановы, чтобы понять, смогут ли они жить в городе, построенном их дочерью, или же вернуться в особняк Манрике, к которому уже привыкли. Татьяне Серовой на тот момент исполнилось уже шестьдесят три года, отцу Кристины минуло шестьдесят девять, но оба они были еще вполне молодыми и энергичными, чувствовали себя готовыми к переезду и способными обжиться на новом месте. Это обстоятельство чрезвычайно радовало Кристину, ей хотелось, чтобы родители поселились в ее новом городе, поэтому она выделила им лучшую квартиру в лучшем доме, а после показала все самые значимые достопримечательности Террановы – Висячие сады, небесные лестницы, морские гроты, искусственные пляжи, смотровые площадки, широкие проспекты, достающие до неба дома, движущиеся дорожки, фонтаны и скверы, высотные рестораны и бары, с которых открывался удивительный вид на город и океан, пребывавший в вечном движении. В городе уже был театр, кинотеатр и музей, посвященный, разумеется, истории его строительства. Родители то и дело вскрикивали от изумления и восхищения, ничего подобного им видеть не приходилось. Этот необычайный футуристический пейзаж удивлял даже бывалых дизайнеров и конструкторов, что уж говорить о пожилой чете, которая привыкла жить в континентальной Испании, почти не выходя за пределы своего дома.

Самым удивительным в Терранове было то, что все, что обычно уродует пейзажи больших мегаполисов – промышленные предприятия, котельни, заводы и электростанции, складские комплексы и вокзалы, большие автострады и железнодорожные пути – здесь были надежно спрятаны от глаз горожан. И спрятано, разумеется, под водой. Изумленным взглядам открывалась лишь прекрасная, сверкающая верхушка айсберга, но сердце города будущего оставалось скрытым в пучинах океана – опускаясь на прозрачных лифтах на нижние этажи, жители и визитеры Террановы могли видеть огромные естественные аквариумы, подводные галереи, музеи и парки, а если опускались еще ниже – то оказывались на настоящих подводных улицах, где, как и мечтал некогда Даниэль, были свои поезда, автомобили, мчащиеся внутри водонепроницаемых тоннелей. Еще ниже располагались источники энергии, промышленные предприятия – то есть все то, что давало городу жизнь, а еще ниже – те самые опоры, к которым крепились платформы, державшие всю эту колоссальную, не поддающуюся ни воображению, ни описанию конструкцию. Опоры, установленные по проекту Даниэля Сантьяго.

– Все-таки, не зря ты – дочь строителя, – удовлетворенно заметил Сергей Серов, после осмотра города.

Кристина улыбнулась.

– И будущая жена архитектора, – хотела добавить она, но промолчала, предпочитая не строить планов.

Даниэль был представлен чете Серовых, они понравились мужчине, а он понравился им. В глубине души Татьяна и Сергей мечтали, чтобы их дочь связала судьбу с соотечественником, но с другой стороны, прожив столько лет в чужой стране, Кристина сознанием уже не могла считать себя полностью русской, чужая культура наложила отпечаток на ее речь, на манеру держаться, говорить, мыслить. Теперь она отличалась от других испанских аристократок разве что яркими рыжими волосами, да слишком стальным голосом, который благодаря встрече с Даниэлем теперь несколько смягчился.

Однако, несмотря на то, что Даниэль был рожден на острове Лансароте и его менталитет был несколько чуждым для Серовых, они приняли его с радостью, он нравился им больше загадочного, непонятного и слишком уж взрослого Антонио Манрике, ведь он был их ровесником! Кристина постоянно говорила, что ее теперешний спутник гениальный архитектор, приписывала ему все новые и новые достижения и подвиги, что совершенно расположило к нему Серовых. К тому же, как и любые родители, они мечтали, чтобы рядом с дочерью появился надежный защитник, способный поддержать ее после их ухода из жизни. И конечно, как и любые родители, они мечтали о внуках. А учитывая, что кроме Кристины других детей у них не было, рассчитывать в этом отношении они могли только на нее.

Но, как уже было сказано, восторженное отношение к Да-

ниэлю Кристины нравилось далеко не всем. Одним из самых больших недоброжелателей стал его бывший начальник Венсан Сенье, чья слава великого архитектора рушилась на глазах, словно карточный домик. Он мучился от зависти, боялся, что все его достижения будут признаны достижениями Даниэля и потому стремился избавиться от соперника любой ценой. Вместе с другими директорами холдинга они образовали группу, которая всеми силами пыталась «дружить против Даниэля», но открыто говорить о нем что-то негативное перед Кристиной они не могли, понимая, что она их просто не услышит.

Как уже было сказано, Кристина и Даниэль ничего этого не замечали, они наслаждались внезапно обрушившимся на них счастьем, Кристина думала, что ее жизнь сложилась так, как она и мечтать не смела. Она добилась всего: выполнила просьбу мужа, сохранила его состояние, построила город, где могли жить сотни тысяч жителей, и нежданно-негаданно встретила чудесную любовь, о которой боялась и помыслить. Даниэль полностью разделял ее счастье. Когда-то стать архитектором Террановы было для него несбыточной мечтой, а сама Кристина казалась небожительницей, но теперь она была рядом, любимой и близкой, и он готовился к тому, чтобы предложить ей руку и сердце. Он медлил, потому что боялся, что Кристина может неверно истолковать его предложение, ведь ему нечего дать самой богатой женщине Испании, кроме своей искренней любви и заботы, но поверит ли она в

его искренность? Не возникнет ли у нее хоть на миг подозрение, способное бросить тень на всю их будущую жизнь? Поэтому он решил не торопить события, однако теперь больше не скрывали своих отношений и жили вместе в двухэтажной квартире Кристины, где места было столько, что им можно было со временем завести целый легион детей.

Кристина не знала, сможет ли она иметь наследников, ведь она была уже не так молода, да и в молодости у них с Антонио не было детей, однако надеялась, что в случае необходимости лучшие врачи сумеют помочь ей, ведь медицина теперь шагнула далеко, в том числе и в области деторождения. И если раньше дети, рожденные искусственным путем, казались чем-то вопиющим, противоречащим божественному замыслу, то теперь это постепенно становилось мировым трендом и ученые официально говорили о том, что в скором времени количество детей, рожденных естественным путем, будет снижаться, а со временем и вовсе подобное событие превратится в единичный случай.

Даниэль мечтал о детях, сколько себя помнил, но это всегда была далекая мечта, он думал, что однажды, когда-то, нескоро, обязательно станет отцом... но до этого нужно еще столько всего совершить! И вот теперь, понимая, что достиг вершины в карьере и в жизни, он впервые ощутил, что мечта приблизилась и уже больше не является видением за горизонтом. Они иногда говорили с Кристиной о появлении будущих наследников семьи Манрике, в шутку даже приду-

мывали им имена, размышляли, сколько именно детей нужно для счастья, но пока это оставалось лишь разговорами. В основном они по-прежнему были заняты работой и друг другом, причем второй составляющей было неизменно больше. Они проводили вместе целые дни и ночи, и все равно им казалось, что проведенного вместе времени слишком мало, их взаимное притяжение не угасало, а возникшая душевная близость все сильнее связывала.

Так было до того рокового дня, когда Венсан Сенье появился в офисе Кристины. Он с таинственным видом сообщил, что ему нужно поговорить с ней наедине, а потом рассказал, что у него есть важные личные сведения для хозяйки города. Кристину несколько насторожила его таинственность, но любовь придавала ей силы и чувство защищенности, поэтому она легкомысленно предложила Венсану сесть и согласилась выслушать его.

– Даже не знаю, с чего начать, – начал он нерешительно...
– Никогда бы я не стал делать этого... Признаться, не люблю вмешиваться в чужую жизнь и узнавать чужие тайны. Но, учитывая, сколько вы сделали для меня, сеньора Кристина и видя вас такой счастливой в последние дни... Я просто не могу допустить, чтобы вы совершили роковую ошибку, и потому пришел вас предупредить.

– Я слушаю, – Кристина нахмурилась и скрестила руки на груди. – Это касается Террановы?

– Это касается Даниэля Сантьяго.

– Что?! – она резко выпрямилась и посмотрела ему в глаза. – Что вы хотите этим сказать?

– Вам не кажется странным, что появившийся неизвестно откуда человек, который прибегал к разным способам, чтобы добиться этой должности в Терранове, в конечном счете не только стал работать на самом впечатляющем проекте мира, не имея для этого ни опыта, ни знаний, но еще и завоевал вашу благосклонность столь стремительно? У вас это не вызвало недоверия?

– Разумеется, нет. Что касается должности – он прекрасный архитектор. Вам ли не знать! А что касается благосклонности – это мое личное дело, кому дарить свою благосклонность, не так ли?

– Так-то оно так... – протянул Венсан задумчиво. – Но только если этот человек не обманщик. Пытающийся выдать себя за блестящего архитектора, а еще и столько лет разыгрывающий безнадежно влюбленного.

– Венсан, при всем уважении, с какой стати! – возмущенно воскликнула Кристина. – Даниэль Сантьяго – мой будущий муж, и я попросила бы не говорить о нем подобным образом!

– Вот это-то меня и пугает. Что после умнейшего и благороднейшего из людей – графа Антонио Манрике, вашим мужем может стать этот поистине мерзавец... Не перебивайте, сеньора, я никогда не осмелился бы прийти сюда без доказательств.

Лицо Кристины мгновенно стало суровым, словно упало забрало, и на месте сияющей от счастья влюбленной женщины снова появилась прежняя Железная Крис.

– И где же они? – сухо спросила она.

– Первое доказательство, – с этими словами Венсан Сенье распахнул портфель и вытащил оттуда многочисленные папки с бумагами. Все они были исписаны его почерком, чертежи были выполнены его рукой, кое-где к бумагам была приложена их корпоративная переписка с Даниэлем. Вся эта кипа бумаги свидетельствовала об одном – все изобретения, на которых держалась Терранова, принадлежали не Даниэлю, а исключительно Венсану Сенье. Это было неоспоримо. Растерянная, Кристина перебирала бумаги. На миг ей показалось, что Даниэль приписал все себе, чтобы произвести на нее впечатление, чтобы добиться ее уважения и любви. Но довольно-таки скоро и это было разрушено безжалостной рукой Венсана Сенье. Он протянул ей телефон, украденный у Даниэля, старый, не тот, который Кристина видела у него в руках, но очевидно и этот телефон оставался в ходу, звонки и сообщения были совсем недавними. В этом телефоне она увидела его переписку с некой Кармен с острова Лансароте, и письма эти свидетельствовали о связи между этими двоими: они содержали просьбы незнакомки о скорейшем возвращении Даниэля домой и его недвусмысленно выраженное желание поскорее вернуться к ней.

Кристина почувствовала себя совершенно раздавленной.

Она смогла пережить предательство Леонардо и даже предательство Рея, но Даниэль – совсем другое дело. Она верила ему и любила его. Их любовь давала ей силы и дарила необычайное счастье. И для чего? Для того, чтобы узнать, что ее любимый был обманщиком, который нисколько не разделял ее чувств, стремился вернуться к другой женщине, да еще и присвоил себе чужие изобретения?

Кристина была настолько убита горем, что не задумалась о том, почему Даниэль не выдавал изобретения Венсана за свои с самого начала, почему не просил почестей, отказался от названной в его честь улицы... она попросила Венсана уйти, еще долго изучала его документы, а потом приняла решение – созвать Совет, чтобы выяснить, что именно они думают о поступках своего коллеги.

Для нее стало сюрпризом, что почти у каждого члена Совета нашлось, что добавить по этому вопросу, и теперь ей стало очевидным, что она одна была слепая и не видела, что ее обманывали, а потому чувствовала себя глупой, маленькой, наивной и доверчивой. И бесконечно несчастной. Оказывается, все знали о том, что Даниэль мало смыслит в архитектуре, постоянно присваивает чужие идеи, выдает изобретения других за свои, отличается редкостной скрытностью и неумеренными амбициями, а также хитер и беспринципен. Они отводили глаза и пожимали плечами, словно говорили: мы знали, но молчали из солидарности, из уважения к твоим чувствам! Кто-то даже упомянул, что у него поддельный ди-

плом архитектора, что он окончил курсы актерского мастерства и танцевал в баре. Молчал только Луис Торреальба. Он казался мрачным, сосредоточенным и не проронил ни слова.

После того, как директора разошлись, Кристина долго сидела одна в тишине, а потом сняла трубку телефона и безжизненным голосом попросила вызвать Даниэля. Тот явился, как всегда в последние дни сияющий от счастья, и был очень смущен ее холодным приемом. Она уже успела взять себя в руки и потому отстранилась, не позволив ему себя поцеловать, а потом, облокотившись на стол, сухо произнесла:

– Даниэль, у меня есть всего несколько свободных минут и мне надо задать тебе пару вопросов. Хорошо?

– Конечно, – он с готовностью опустился на стул напротив нее.

– У тебя правда поддельный диплом? – Кристина посмотрела ему в глаза, и Даниэль смутился.

– Ну, не совсем... – начал было он, покачав головой, и растерянно замолчал.

– Значит, правда, – вздохнула она, – и ты правда посещал курсы актерского мастерства?

– Да, в молодости, – он кивнул. – Хотел даже поступать в академию искусств, но передумал.

– И танцевал в барах?

Он растерянно пожал плечами.

– Не знаю... Если только спьяну пару раз... А к чему собственно все эти вопросы?

– Кто придумал конструкцию для создания искусственных пляжей, ты или Венсан? – она выбрала наугад один из проектов.

– Венсан, – спокойно ответил Даниэль. – Но я никогда и не отрицал этого.

Кристина нервно постукивала по столу длинными пальцами, с отличным маникюром, она медлила, размышляя об услышанном. Значит, все эти утверждения были правдой... А она-то надеялась, что сейчас он найдет тысячу аргументов, чтобы их опровергнуть!

– Хорошо, – Кристина сделала паузу, прежде чем продолжить и задать самый сложный вопрос, – Когда ты жил на Лансароте у тебя была любовная связь с девушкой по имени Кармен?

– Не понимаю, откуда ты об этом узнала... Ты что, наняла детективов, чтобы следить за мной? Да, у меня была подруга с таким именем. Но это было давно, Кристина, очень давно! Она была красива и нравилась мне, мы встречались довольно долго. Но сейчас она уже и думать забыла обо мне, как и я о ней. Мы давно не общаемся. Если ты ревнуешь, поверь, нет никакого повода...

– Хватит, – Кристина прервала его. – Время закончилось, и я узнала все, что хотела. Сообщаю вам, сеньор Сантьяго, что вы уволены с проекта. Можете возвращаться на материк.

– Что?! – он изумленно вскочил со стула, – Кристина, что происходит! Я ни черта не понимаю! Объясни, в чем дело!

– Как я уже сказала, у меня сейчас следующая встреча. Уходи, Даниэль. Больше не хочу тебя видеть. И да, когда соберешься уезжать, заberi в кадрах свой диплом. В моем городе не нужны подделки.

– И за что же ты меня увольняешь? – спросил он, едва сдерживая охвативший его гнев. Венсан предупреждал, что так будет! Что Кристина избавится от него, как только поймет, что он сделал для города все, что мог! – Потому что я сделал все, что мог и больше не нужен тебе? Или потому что ты нашла другого жениха, получше?

– За несоответствие занимаемой должности, – спокойно ответила Кристина.

– Давай разберемся, дай мне хотя бы что-то объяснить... Но она снова прервала его. Объяснить? Зачем? Чтобы он снова повторил перед ней то, что усвоил на курсах актерского мастерства? В отличие от архитектуры, к этому у него действительно был талант. А она-то поверила, что он полюбил ее саму, а не ее деньги, ее положение, ее славу!

– Уходи, пожалуйста, – повторила она. – Ты больше здесь не работаешь.

Пораженный ее внезапным равнодушием, он, не сказав ни слова, повернулся и вышел.

Когда Даниэль ушел, Кристина попыталась заплакать, но не смогла. Слез по-прежнему не было.

Сейчас она ощущала такое отчаяние, какого не чувствовала никогда прежде, даже когда умер Антонио, даже когда

прочли его завещание, даже когда тонули один за другим ее корабли, даже оставшись в шлюпке с мертвым телом Максимино Флореса посреди бескрайнего океана. Никогда прежде. В ее жизнь впервые за много лет вошло счастье, но оно оказалось фальшивым и теперь уходило, забирая с собой всю радость, весь свет, надежды и мечты. Ее душа сейчас напоминала мертвые долины Лансароте, что после шестилетнего извержения вулкана навсегда покрылись толстым одеялом из серого пепла. Тогда, раньше, теряя и страдая, она могла хотя бы плакать, и от слез приходило облегчение, словно капли дождя, они гасили пожар, что бушевал внутри. Но теперь спасительных слез не было, лишь выжженная серая пустыня, простиравшаяся до горизонта и за горизонт.

Даниэль, потерянный, не знающий, что делать, словно человек, из которого вдруг ушла жизнь, в этот же день договорился с пилотом улетавшего в ночь легкого самолета, что он возьмет его на борт и доставит на материк. Если его любовь и его карьера окончились, то он немедленно вернется домой на Лансароте. Хоть что-то в его жизни было постоянным.

Когда, уже совсем поздним вечером, Кристина все еще сидела за столом и работала, в дверь ее кабинета постучали и на пороге появился Луис Торреальба. Он беспокоился за свою подопечную и пришел ее проведать. Как и полагал пожилой сеньор, Кристина была грустна, бледна, но продолжала работать. Ему пришло в голову, что даже если бы она сегодня умерла, то и мертвой продолжала бы все так же сидеть

за столом и работать, работать, работать без конца.

Она предложила ему сесть, они молча выпили по чашке кофе, а потом Кристина вдруг спросила:

– Дон Луис, что вы думаете обо всем этом? О том, что говорили члены Совета, об обвинениях против Даниэля? После того, как они ушли, ко мне зашел наш главный бухгалтер, который обвинил Даниэля в растратах при закупке материалов для строительства зданий. Может ли быть такое? Еще и это... Хотя, ничему не удивлюсь. Он отличался редкой настойчивостью в достижении целей, не останавливался ни перед чем.

Луис лишь пожал плечами, словно показывая, что он не знает ответа.

– И все-таки! – настойчиво повторила Кристина. – Только вы молчали на заседании! Но вы – мой советник, и я хочу знать ваше мнение. Что вы думаете?

– Я думаю... – Луис помедлил, – Что, разумеется, не знаю всей правды. У меня нет доказательств, чтобы защищать Даниэля, как нет доказательств, чтобы его обвинять. Он был мне симпатичен, чисто по-человечески, но мы часто склонны ошибаться и доверять обаятельным мерзавцам. Вспомни хотя бы Рея... Поэтому у меня нет уверенности ни в чем. Но, думаю я, что все-таки эта история напоминает мне другую историю. Из давнего, давнего прошлого. Историю о том, как члены того же Совета пытались избавиться от неудобного человека. Тогда в ход шло все: подлоги, несправедливые

обвинения и даже покушения на убийство. Ты помнишь ту историю, Кристина? Помнишь, как ты любила Антонио, а все газеты пестрели заголовками, обвиняющими тебя в браке по расчету? Помнишь, как говорили, что ты убила мужа, чтобы завладеть его состоянием? Как называли тебя никуда негодным управляющим, как топили твои корабли, как пытались убить тебя саму? Разве ты в чем-то была виновата тогда? Нет. Но ты была неугодна... я думаю, что Даниэль неугоден многим. Люди завидуют тому вниманию, которым ты его окружила. Завидуют, что он скоро дотянется до твоего состояния. Завидуют вашей любви.

– Но документы... которые принес Венсан, это же доказательства! – воскликнула Кристина.

– Разве мало было сфабрикованных отчетов в те годы, – пожал плечами Луис. – Бумага же не краснеет. А вспомни, что было на суде! Сколько ложных, фальшивых историй и подложных улик! Леонардо Манрике вышел бы сухим из воды, да еще засадил бы за решетку тебя, если бы у Алехандро в последний момент не сдали нервы! Он не выдержал и подставил их обоим, выложил всю правду в надежде на снисхождение судей. И потому, замечу, уже через пару лет выйдет на свободу, а Леонардо возможно останется в тюрьме до конца своих дней. Хотя это еще вопрос – кто из них больше виновен! Вспомни все то, что было, Кристина, все, что ты пережила тогда! В общем, на твоём месте я бы не стал верить слухам и попытался бы объясниться с Даниэлем.

– Я попыталась. Он лишь подтвердил мои подозрения.

Луис пожал плечами.

– В любом случае, уже поздно. Он уволен и сегодня покинет Терранову, – закончила Кристина. – К тому же, Венсан показывал мне его переписку с какой-то Кармен с Лансароте, к которой он хочет вернуться. Вот пусть к ней и возвращается.

Однако разговор с Луисом заронил в душе женщины сомнения, и теперь она раздумывала, не была ли слишком поспешна в своих выводах. В конце концов, Луис прав, когда она была молода, ее в чем только не обвиняли! Называли выскочкой, говорили о ее непомерных амбициях, о расчете в любви... Разве не в этом же обвиняют и Даниэля? Она была неповинна ни в чем, она и думать не думала о браке по расчету, напротив, состояние Антонио пугало ее. Как возможно Даниэля теперь пугает ее собственное состояние. И насчет сфабрикованных отчетов Луис прав. Как прав и в желании конкурентов избавиться от Даниэля. Хорошо, что пока они не додумались топить корабли!

Холодная рука ужаса сжала сердце Кристины. Внезапно, совершенно отчетливо она осознала, что они никогда не смогут быть вместе. Ведь соперники не остановятся, они пойдут на все, чтобы уничтожить Даниэля. И если донье Лурдес было с руки топить корабли, то Венсан Сенье и другие управляющие могут обрушить опоры, чтобы доказать несостоятельность теорий Даниэля. И тогда высотные дома, вме-

сте с заселившимися в их квартиры жителями, рухнут прямо в океан, и трагедия будет иметь куда большие масштабы, чем когда тонули первые корабли «Калины Интернешнл». И, как и тогда прежде, Проклятый капитан будет здесь совершенно ни при чем.

Снова и снова призрак города будущего отнимал у нее возможность быть свободной и счастливой, снова и снова ставил крест на созданных отношениях, чтобы Кристина душой и телом принадлежала только Терранове.

Глава 3. Кристиэль

Кристина вышла из душа, замотавшись полотенцем, потом взяла небрежно брошенный на стул белый халат, надела его и вышла на балкон, собираясь подышать перед сном морским воздухом. Возможно, хоть так ей удастся немного успокоиться и все-таки уснуть. А утром, когда наступит новый день, все станет чуточку легче, и боль потери тоже приглушится, так бывает всегда.

Квартира Кристины находилась на самом верху Башни Аполлона, она назвала небоскребы именами древних богов. Здесь были Башня Афродиты и Башня Зевса, Башня Гефеста и Башня Гермеса. Башня Гелиоса из золотого стекла и серебристая Башня Селены.

Сама Кристина жила в самом высоком и комфортабельном здании Террановы, Башне Аполлона, увенчанной лирой на крыше, балкон Кристины находился точно под лирой: отсюда открывался чудесный вид на только что построенный город, где все вокруг пока еще сверкало новизной. Большинство домов не были освещены, ведь они стояли пустыми, но кое-где горел свет, по центральной улице бежали редкие электромобили. Кристина подумала о том, что же она будет делать, если таких машин станет слишком много, но не успела придумать решение. Она вышла в темноту балкона и вздрогнула от неожиданности. Потому что увидела мужскую

фигуру и лишь секунду спустя узнала Даниэля. Она понимала, что тот никак не мог пройти через дверь, потому что пока она оставалась в квартире, дверь никто не открывал. А до этого на балконе было совершенно пусто. И почему же он не уехал!

– Ты что, снова рассчитал точки опоры? – тихо спросила она. – И поднялся по отвесной стене?

– Нет, – он приглушенно рассмеялся. – На этот раз не пришлось ничего считать. Когда я планировал строительство этой башни, я уже знал, где будет твоя квартира. Поэтому сразу предусмотрел возможность оказаться на твоём балконе. Но сейчас я не полз по стеклянной стене, все куда проще. Я спустился сверху. С лиры.

– Я всегда знала, что от этой лиры добра не жди, – слабо улыбнулась Кристина.

Повисло молчание, они смотрели друг на друга, не зная, с чего начать разговор.

– Не бойся вторжений. Спуститься сюда могу только я, другие не умеют так рассчитывать точки опоры, ты же знаешь. Они не спустятся даже с помощью веревок.

– Почему ты не уехал? – спросила она.

– Потому что мой самолет улетает через час. Я зашел попрощаться.

Снова повисло долгое тягостное молчание, которое нарушил Даниэль.

– Крис, после всего, что было между нами, я понимаю,

что не смогу уйти со спокойным сердцем, не выяснив, что произошло! Мы же думали пожениться, разве нет? Знаю, об этом не было сказано ни слова, но ведь все к этому шло... Я знаю, что бы кто ни говорил, что был небезразличен тебе. Ты не смогла бы так притворяться! Да и зачем! Так в чем же дело? Ведь не из-за диплома же! Про диплом: прости, что не сказал. На собеседовании это было неуместно, а потом тем более. Диплом не совсем поддельный. Я честно отучился и сдал все экзамены. А после отказался от диплома сам. По политическим соображениям. В Испании была забастовка профсоюзов, я поддержал их, за это меня отправили на несколько дней за решетку, а потом еще и отчитали в университете. Я разозлился, развернулся и ушел. Глупо, конечно, по-детски. Мы все максималисты в студенчестве! Потом я подумал, что без диплома вы вряд ли мне обрадуетесь, как впрочем, и с дипломом, но на всякий случай решил его подделать. На первое время, пока вы не поймете, что я правда умею работать. Прости, что обманул!

– Причем тут диплом! Хотя это, безусловно, тоже не красит тебя.

– А что еще?

– Венсан показал мне чертежи, которые ты выдавал за свои, но все они были нарисованы его рукой... и вашу переписку, подтверждающую его авторство!

– Венсан жулик, – спокойно ответил Даниэль. – Да, мы вели эту переписку. По его просьбе. Потому что иначе мои

идеи никогда не достигли бы воплощения. А мне было все равно чьи они, мои или его. Главное – чтобы город был построен. Понятно, что теперь я для него – неугодный свидетель. Да еще пытающийся окрутить богатую невесту.

– А ты пытаешься?

– Разумеется, – он уверенно кивнул. – Я здесь, потому что не откажусь от нашей любви без борьбы.

– А как же Кармен? – вспыхнула Кристина. – От нее ты тоже не готов отказаться!

– Послушай, это безумие! У нас с Кармен никогда не было ничего серьезного. Это было много лет назад, мы давно расстались, я же не попрекаю тебя русским актером! Да, у меня были и другие женщины, помимо Кармен, если тебе интересно! И их было много, ведь я прожил до сорока лет холостяком, чего же ты хочешь. Но все это было давно! С Кармен мы уже много лет не виделись и не общались.

– Не нужно меня обманывать! – воскликнула Кристина с возмущением, она совершенно не переносила ложь, – Я видела вашу переписку! И замечу, она была совсем свежая! Всего неделю назад Кармен звала тебя назад на Лансароте, говорила, что скучает по тебе и даже назвала котенком! А ты ответил, что тоже надеешься вернуться к ней как можно скорее, что очень скучаешь и любишь ее! Или скажешь, что этого не было?!

Даниэль задумчиво почесал затылок, потом повернулся и посмотрел в сторону аэродрома. Ему уже следовало торо-

питься.

– Нет, это было, не стану отрицать, – ответил он. – Но это другая Кармен. Не та, что была много лет назад.

– Другая Кармен?! Ничего себе! Мне от этого не легче! И много у тебя их, этих Кармен?

– Да всего-то две. – Даниэль улыбнулся. – Первая Кармен – девушка, с которой я расстался перед тем, как перебраться в Барселону. Та, о которой я тебе рассказывал. Вторая Кармен – это моя мама.

– Что?! – глаза Кристины округлились от изумления. – Что ты врешь опять! Ты же говорил, что твою маму зовут Сильвия?

– Да, ее зовут Сильвия. Точнее, она сама назвала себя Сильвией и требует, чтобы так ее звали все. Моя мама весьма эксцентричная особа, не зря же я таким уродился! И мы зовем ее Сильвией. Все знакомые зовут ее Сильвией. Ей кажется, что это очень красивое имя и оно ей подходит. Но по документам ее зовут Кармен Мария Сантьяго Диаз, нравится ей это или нет. И да, я писал ей, что хочу побыстрее вернуться домой. Потому что это правда. И если я прямо сейчас не потороплюсь, то самолет улетит без меня.

Несколько секунд Кристина смотрела на него, потрясенная. За эти мгновения вся жизнь, словно лента из киноаппарата промелькнула перед ней, и лишь сейчас иллюзорные призраки вдруг рассеялись, отступили и впервые она отчетливо увидела все, что произошло: много лет назад она сту-

пила на опасный путь, став женой Антонио Манрике. А потом, выполняя волю покойного супруга, примерила на себя чужую судьбу. Она решила сделать чужую мечту своей и посвятить жизнь ее исполнению. Она считала Терранову своим городом и своей мечтой. Ради нее она претерпела столько опасностей, столько работала и страдала, отдавая силы и годы. Но это была чужая мечта. И чужой город. И сейчас судьба пошла по второму кругу спирали, повторяя те же события и те же испытания.

А значит, у нее снова есть выбор. Остаться здесь и жить в чужом роскошном платье жизнью Кристины Алькасар, но отпустить Даниэля, потому что их союз подвергает опасности всех жителей Террановы. Или же уйти с ним сейчас и начать новую, свою собственную жизнь под именем Кристины Сантьяго.

Он снова взглянул на часы.

– Мне пора.

– Ты опять уйдешь через лиру? – спросила она.

– Нет, я надеюсь, что ты любезно выпустишь меня через дверь, как и тогда.

– Хорошо, конечно.

Снова повисло молчание.

– Ты не хочешь хотя бы поцеловать меня на прощание? –

Даниэль приблизился.

– Нет, – Кристина покачала головой, и он снова растерянно отступил. – Но я хочу задать тебе один вопрос.

– Задавай.

– Сколько человек вмещает твой самолет?

– Не помню... Кажется, около пяти, не считая пилота. Я никогда не разбирался в самолетах. А что?

– И сколько вас летит?

– Всего трое, я и два пилота.

– Отлично. – Кристина торопливо кивнула. – Тогда подожди минут десять.

С этими словами она метнулась обратно в комнату.

– В чем дело?! – крикнул он растерянно, понимая, что происходит нечто очень важное.

– Нет времени объяснять! – откликнулась Кристина. Она сбросила халат, на миг представ перед его глазами обнаженной, но потом быстро натянула свитер и брюки, замотала волосы в узел, схватила сумку с документами и небольшой дорожный саквояж, куда бросила несколько памятных вещей, блокнот и зарядку для телефона.

– Все, я готова, пошли, – заявила она, торопливо хватая его за руку.

– Куда ты решила лететь? На материк? – растерялся он.

– А куда летишь ты?

– Наш самолет летит в Севилью. Оттуда я еду в Кордову.

– Отлично. Значит, я еду в Кордову, – сообщила Кристина. – Теперь хотя бы знаю. Пошли, скорее!

Она взяла его за руку, вывела из квартиры и ушла, ни разу не обернувшись на Башню Аполлона.

Когда самолет взлетел, Кристина смотрела на исчезающую вдаль Терранову и думала о том, что этот этап ее жизни закончился. Она построила город. А дальше – у него есть мэр. Есть администрация. Есть управляющие компании. А у нее есть Даниэль. И ей давно пора подумать о семье и простом женском счастье.

Огни потонули в море, скоро все исчезло в черной бездне, море слилось с небом, и было непонятно, где заканчивается одно и начинается другое.

– Что ты забыл в Кордове? – спросила она, повернувшись к Даниэлю. – Почему не летишь на Лансароте, к маме Кармен-Сильвии?

– Потому что самолет летит в Севилью. А я всегда мечтал увидеть Кордову. Подумал, что если окажусь рядом, почему нет. Этот город – настоящий кладезь идей для архитектора.

Кристина понимающе кивнула и положила голову ему на плечо. Через некоторое время она заснула.

На следующий день они были уже в Кордове. Словно влюбленные подростки бродили по городу, вели себя, когда шумно, а когда вызывающе, целовались на каждом углу, шутили, громко смеялись, ели уличную еду, пили вино, но не забывали и осматривать то, зачем пришел сюда Даниэль.

Они бродили по улочкам старого города, с его лабиринтами, выложенными голубыми изразцами, поднимались в замок крестonosцев, бесчисленное количество раз прошли по величественному римскому мосту, обошли все площади и

улучки, считали башни и ворота. И, конечно же, посетили знаменитую Мескиту. Во времена мавров здесь была большая мечеть, но после реконкисты ее переделали в церковь, сохранив, однако арабские надписи и не тронув оригинального восточного убранства. В результате получился уникальный памятник архитектуры, застывший между двумя мирами, но так и не примкнувший ни к одному из них. Сравнить его можно было разве что с собором Ая-София в Стамбуле, но он, напротив, перешел из рук византийцев в руки мусульман, перестав быть собором, но так и не став мечетью.

В результате оба храма превратились в центр паломничества, но паломничества не религиозного, а туристического, привлекая каждый год сотни тысяч человек и внося свой немаловажный вклад в пополнение городской казны.

Посетив основные достопримечательности, они пошли просто гулять по городу, опьяненные счастьем внезапно обретенной свободы, а потом добрались до очередного римского фонтана, украшавшего площадь. Прямо перед ним располагался величественный собор, куда они, не сговариваясь, решили зайти.

Оказалось, что было время начала мессы, и несмотря на то, что католические храмы так и не стали Кристине родными, она, слушая молитву священника, молившегося за всех, кто есть в мире, за тех, кто далеко и кто близко, кто болен и кто здоров, кто в пути и кто дома, за верующих и не верующих, думала, как же это прекрасно: знать, что в любую ми-

нуту в какой-либо части земного шара есть кто-то, кто молится за тебя.

Как только они вышли из храма, у нее зазвонил телефон: ее разыскивали менеджеры «Калины Интернешнл», потерявшие свою хозяйку и потому растерянные.

Кристина ответила, что она в Кордове, в ответ ей сообщили, что готовится спуск на воду нового корабля, с которым однако возникли проблемы. И Кристина поняла, что возвращение Даниэля на Лансароте придется отложить. Они должны вернуться к работе, в Барселону.

Когда с их приезда в Барселону прошло несколько месяцев, Кристина и Даниэль тайно поженились. На свадьбе не было никого, кроме них двоих и престарелого священника, который обвенчал графиню Манрике де Алькасар с безродным архитектором из города Арресифе. Уже после свадьбы они устроили скромное торжество, куда были приглашены только Луис и Габриэль с семьями, Джайса с детьми, и Рауль с Ортанс, ведь других знакомых у Даниэля в Барселоне не было. И если гости со стороны невесты были счастливы за нее и сердечно поздравляли Даниэля, то Рауль с Ортанс, раскрыв от изумления рты и широко распахнув глаза, разглядывали легендарную Железную Крис, не в силах поверить, что она стала женой их приятеля, неудачника-Даниэля, который к сорока годам не успел ни создать семью, ни построить карьеру. Но теперь-то его неудачи в прошлом – он поймал синюю птицу за хвост, отныне его жизнь уже не будет прежней!

Кристина видела, что друзья жениха стесняются ее, и с легкой улыбкой вспоминала, как сама некогда стеснялась всех без исключения родственников Антонио и даже прелестную Джайсу, ставшую теперь ее лучшей подругой.

– Как мне называть тебя, Даниэль, – шутила Ортанс, – Зо-лушк? Или как это бывает в мужском роде? Синдерелл? Вот уж повезло, так повезло!

Кристина и Даниэль весело смеялись вместе с ней.

Став мужем Кристины, Даниэль получил в свое распоряжение кабинет в офисе «Калины Интернешнл».

– Маргарита, мне стало так легко теперь, – радостно сообщила Кристина своей ассистентке, – Теперь, когда Даниэль мне помогает! Он словно снял с моих плеч тяжелую ношу, с тех пор, как я передала ему часть своих обязанностей, у меня появилось столько свободного времени, столько сил, чтобы заниматься собой! Я просто порхаю, почти летаю, такую чувствую легкость и свежесть! Как будто бы мне снова шестнадцать! Бываю в свете, опять начала заниматься спортом, много гуляю, читаю книги, смотрю фильмы, общаюсь с друзьями! Это просто удивительно, жизнь засияла совершенно другими красками теперь, когда у меня снова есть время для себя!

– Рада за вас, донья Кристина, – улыбнулась сидевшая за своим рабочим столом Маргарита, обернувшись к хозяйке холдинга. – Я давно говорила, что вам следует делегировать полномочия, нельзя делать все самой!

– Ты как всегда была права, ты такая умная, Маргарита!

– Могу я узнать, что именно будет делать теперь вместо вас сеньор Даниэль и понадобится ли ему моя помощь? – деловито поинтересовалась женщина.

– Да, разумеется. Даниэль делает за меня квартальный отчет для собрания акционеров. Пока это все, что я могу ему доверить.

Маргарита высоко-высоко вскинула брови, продемонстрировав таким образом высшее изумление, сжала губы, но не произнесла ни слова: она была настоящим профессионалом и не позволяла себе комментировать слова начальства. И лишь когда Кристина вышла, Маргарита вскинула брови еще выше, скептически улыбнулась и пожалала плечами.

Она отлично знала, что квартальный отчет делается один раз в три месяца и его подготовка занимает не более тридцати минут, ну или час, если очень постараться и работать максимально медленно. Можно, конечно, потратить на него и полдня, но это нужно быть совсем уж гениальным человеком! Кристина Алькасар всегда справлялась с ним за двадцать минут. Через пару месяцев проблемы со спуском на воду нового торгового судна, которое было создано специально для «Калины» и считалось новаторством в мире судостроения, были решены, и спуск был назначен в ближайшие недели.

Кристина позволила мужу руководить подготовкой спуска, ведь только на таких несложных делах и следует учиться

управлять, не все должны попадать, как некогда она, в экстремальные условия, принимая на себя ответственность за весь холдинг целиком.

За два дня до официальной даты спуска Даниэль вернулся домой с таинственным видом и протянул жене небольшую коробочку для украшений.

– Что это? – с улыбкой спросила Кристина.

– Это тебе, небольшой подарок. Открой.

Она подняла крышку и на черном бархате увидела кулон в форме сердца, сделанного будто бы из тонкой паутины, сверкающей, отражающей и преломляющей солнечные лучи и электрический свет включенной лампы. На самом деле это были тончайшие ниточки белого золота, украшенные бриллиантовой крошкой. Сердце состояло из двух словно соединенных половинок. В одной из них будто было написано имя «Кристина», а в другой «Даниэль». Но потом эти половинки кто-то сломал и соединил в одно целое сердце, взяв от каждого слова лишь по частице имени. Внутри было сплетено слово «Кристиэль».

– Я подумал, что будет забавно соединить наши имена, – пояснил Даниэль. – Чтобы подчеркнуть, что мы составляем единое целое.

– Спасибо! – Кристина благодарно поцеловала его. – Это очень красиво! И да, отличная идея!

– Это еще не все, – заметил Даниэль. – Ты не поверишь, но я пошел чуть дальше и сделал еще кое-что.

– Покажешь?

– Для этого тебе придется выйти из дома... – он снова загадочно улыбнулся и подмигнул.

Когда они ехали в машине, Кристина вдруг вспомнила тот день, когда Рей решил устроить сюрприз и пригласил ее отметить день влюбленных. В тот вечер произошло нечто очень важное: она впервые поняла, что Терранова должна стать воплощенное Атлантидой, городом, поднявшимся с морского дна. Неужели, сейчас опять произойдет нечто важное? Но что, ведь город построен, Даниэль рядом, они женаты... Ей больше нечего желать.

Однако машина направилась не в горы, как тогда, а спустилась вниз, к портовым докам, где ждал своего часа новый корабль.

– Спуск назначен через два дня, – заметил Даниэль, пока они шли по порту. Мимо них сновали рабочие, везли грузы, в воздухе трудились бесконечные портовые краны, разгружавшие прибывшие и загружавшие уходящие суда. Вокруг царил чудесная суматоха, которую так любила Кристина. Ведь порт – это удивительное место, и его мало с чем можно сравнить. Она с самого первого дня полюбила приходить сюда, но потом, когда начали тонуть ее корабли, почувствовала смешанный с отвращением страх. Теперь он прошел, ее любовь к портовым зданиям вернулась, и Кристина радостно улыбалась, чувствуя, что постепенно, словно отогревается, становясь собой прежней.

Наконец они приблизились к дальнему доку, где находился новый корабль. Даниэль и Кристина вошли внутрь, рабочие узнавали ее и приветливо здоровались с хозяйкой компании. Она, улыбаясь, отвечала им.

Под руку с Даниэлем она шла вдоль черного борта корабля. В море он покажется крошечной точкой однажды, но здесь казался невероятной скалой, возвышающийся над ними, устрашающий и величественный. В доке пахло гарью и свежей краской, здесь постоянно варили, жгли, красили, снова варили. Кристина поймала себя на том, что за эти годы она настолько привыкла к запаху стройки, что даже не замечала его. Она все время что-то строила. Секунду спустя ту же самую мысль высказал и Даниэль. В последнее время у них часто совпадали мысли.

Наконец они, пройдя вдоль казавшегося бесконечным черного борта, остановились там, где находился нос корабля. И снова Кристина подумала о старинной каравелле, на носу которой была деревянная скульптура сирены с развевающимися волосами – единственной женщины, что должна приносить удачу кораблю. Лишь ей позволено отправиться в плавание вместе с командой мужчин.

На носу этого гиганта, разумеется, никакой сирены не было, но он был напигован новейшими механизмами, улучшающими навигацию и позволяющими управлять кораблем дистанционно.

– Он прекрасен! – воскликнула Кристина. – Мне уже не

терпится подняться на борт! Создатели говорят, что это будет самый совершенный корабль в истории! Подобных ему еще не существует. Знаешь, дорогой, я люблю создавать новое, быть первопроходцем. Наверное, в этом и есть цель моей жизни....

Она снова огляделась по сторонам, разглядывая пустоту огромного дока.

– Но зачем ты привел меня сюда? Чтобы показать корабль, который я и без того собиралась увидеть завтра? Ведь завтра официальная демонстрация для руководства «Калины»! Мы могли бы провести вечер дома, вдвоем, вместо того, чтобы ехать на ночь глядя в порт...

– Нет-нет, я привел тебя вовсе не за тем, чтобы продемонстрировать корабль, – тут же заверил ее Даниэль. – Я пришел, чтобы кое-что показать и заодно предупредить. Чтобы завтра, на демонстрации, это не стало сюрпризом. К тому же, вдруг ты не одобришь мою затею!

– О чем ты? Почему не показываешь?

– Всему свое время! Не будь такой нетерпеливой, – он наклонился и ласково поцеловал ее.

Кристина обернулась. Вокруг не было ни души. Рабочие куда-то разошлись, почему-то ей вспомнилась трагическая смерть Рейнальдо, который вот также, опрометчиво, пришел ночью в порт. Но она полностью доверяла Даниэлю, да и опасности для них никто не представлял. Времена изменились, теперь Кристину ценили и никто не искал ее смерти.

Поэтому она крепче прижалась к мужу и прошептала ему на ухо:

– Здесь никого нет... Мы одни! Еще немного и я подумаю, что ты намеренно заманил меня ночью в порт с целью коварно соблазнить меня прямо здесь!

– Звучит очень заманчиво, – рассмеялся Даниэль. – Но нет, дорогая. Ты снова не угадала. Вспомни подарок, который я вручил тебе сегодня. Сегодня – ровно три месяца со дня нашей свадьбы. Поэтому я решил сделать сюрприз. И заказал эту подвеску. А потом, когда увидел сердце, мне так понравилось получившееся слово... Его придумал ювелир, соединив наши имена... Что, в общем... В общем, я решил назвать этим именем наш новый корабль. Надеюсь, ты не в обиде!

Кристина обернулась и только сейчас увидела, что на борту, у самого носа были выбиты золотые буквы, которые сложились в слово «Кристиэль». Теперь этот корабль словно принадлежал им и соединял их так же, как могли бы соединить общие дети, если бы они у них были.

– Ты подумала сейчас, что этот корабль – будто наш общий ребенок? – угадал Даниэль.

Кристина кивнула.

– Как тебе моя идея? Одобряешь?

– Мне кажется, отличная идея, – она вздохнула. – У меня четыре корабля флотилии носят имя Антонио и два – Максимино Флореса. Пора перестать жить прошлым. Пусть но-

вый корабль носит наше имя! Одно на двоих.

Счастливым, что его затея понравилась, Даниэль поцеловал жену, после чего, еще раз обойдя вокруг корабля, они направились домой, собираясь по дороге заехать в ресторан, чтобы отметить три месяца со дня свадьбы, а также готовящийся спуск корабля на воду.

Сидя в ресторане, Даниэль спросил жену после того, как они осушили несколько бокалов отличного красного вина:

– Ты чувствуешь, что достигла всего, о чем мечтала? Что все твои желания исполнились? Я, готов официально заявить, что абсолютно счастлив и мечтать мне больше не о чем!

Кристина задумалась.

– Разумеется, я очень счастлива. У меня есть ты. Есть моя работа. Есть город, который мы построили. А теперь у нас есть еще и корабль «имени нас». Мы наконец-то женаты, мой траур окончен. Но это не все, о чем я мечтала бы... нет, далеко не все!

– Что же еще?

– Например, у нас пока нет детей. А я бы хотела родить хотя бы одного ребенка. Чтобы у нас появился сын или дочка.

– Это непременно, – согласился Даниэль.

– А еще я не так давно вспоминала об игре. Помнишь, я рассказывала тебе. Туда водил меня Антонио. Он умер на следующий день после одной из партий... Я до сих пор счи-

таю, что между игрой и его смертью, между игрой и смертью Максимино существует какая-то связь. И я хотела бы разгадать эту тайну, понять, в чем смысл, и если возможно – выиграть. Представляешь, там звучит чудесная, необыкновенная музыка. А карты появляются прямо из воздуха! Их раздает участникам невидимая рука... Я бы очень хотела, чтобы ты это увидел. Но слишком боюсь идти туда с тобой...

– Думаешь, я тоже умру наутро? Что за мной придет Газир, ангел с черными крыльями, который так ужасает тебя? – Даниэль накрыл ее ладонь своей. – Даже не рассчитывай. Я не боюсь никакого Газира! Я пойду с тобой – и вместе мы раскроем все загадки этой таинственной игры, обещаю!

Кристина потянулась через стол, благодарно поцеловала его, в ответ он поцеловал ее руку, которую продолжал удерживать. Повисла тишина.

– А еще я бы очень хотела снова научиться плакать. Когда-нибудь, – продолжила она. – В ту ночь, когда ты уходил, мне было так больно. Я думала, что ты предал меня. Хотела заплакать – но не смогла. Это ужасно, когда внутри все разрывается от боли, но слез нет... Ничто не приносит облегчения!

– Надеюсь только, ты будешь плакать от радости, – заметил Даниэль.

Ужин подошел к концу, они снова сели в машину и направились домой, в ту самую квартиру, куда Даниэль однажды поднялся по отвесной стене, мечтая даже не увидеть Кристи-

ну, но лишь побыть рядом с ней, там, где в зимнем саду когда-то стояла она, где жила ее аура, где сама атмосфера была пропитана воспоминаниями о той, что притягивала его словно магнитом и заставила так безрассудно рисковать жизнью. Подъем по стене – был самым безумным, и в то же время самым разумным поступком в жизни Даниэля Сантьяго. Шанс всегда приходит на грани безумства и рассудка, а удача любит лишь смелых.

Глава 4. Игра.

Алоиза снова была в этом зале. Теперь здесь не было никого их тех, кто играл прежде, но сама обстановка ничуть не изменилась. Другие люди, но та же музыка, те же стены, тот же зеленый стол и бессмысленно вылетающие карты.

На этот раз она пришла с Александром, которого считала своим женихом и первой настоящей любовью, несмотря на то, что мужчин в жизни женщины было предостаточно. Но ни с кем она так и не решилась связать судьбу, пока не встретила его, и в эту минуту все изменилось, засверкало совершенно другими красками и Алоиза почувствовала, что готова перейти черту, отделяющую братство замужних женщин от братства вечных невест.

Они пришли чуть раньше, поэтому, пока игра не началась, Алоиза отвела жениха в сторону, туда, где возле двери по-прежнему висел белый листок с непригодными правилами. Сквозь смех поведала она ему историю о том, как однажды решила играть по этим правилам и чуть было не проигралась в пух и прах, получила всеобщее осуждение и осталась бы без копейки, если бы ее не спас итальянский скрипач Микеле, которого все вокруг считали подлецом и воплощением дьявола.

– Он давно умер, – заметила Алоиза. – У него была неизлечимая болезнь. Он вытянул ту же страшную карту, что и

мой опекун Рони. И знаешь, до сих пор я боюсь не проиграть, не остаться без денег, но вытащить того джокера... или подобное изображение. Не знаю, что будет тогда со мной!

– Мне кажется, в этих правилах есть рациональное зерно, – заметил между тем Александр, но Алоиза, рассмеявшись, покачала головой.

– Ты просто не начал играть! Все так думают. На самом деле, они совершенно непригодны. Поверь и не повторяй моих ошибок! Идем, игра скоро начнется. Я показала тебе правила больше ради шутки, а вовсе не затем, чтобы ты им следовал.

Вместе они вошли в игровой зал и смешались с толпой – сегодня увлеченных азартными играми было почему-то больше обычного. Возможно за годы, что Алоиза не посещала этот зал, игра приобрела существенную популярность.

Она разглядывала этих незнакомых, нарядно одетых мужчин и женщин, пыталась угадать, кто из них новичок, а кто давно и хорошо знаком с игрой, но сделать выводы было сложно, как и прежде лица участников были скрыты масками.

Все также играла негромкая чудесная музыка, приводящая Алоизу в неизменный восторг.

– Нигде я не слышала подобных чарующих звуков, только здесь, – шепнула она жениху, – Они словно переносят меня в Средневековье.

– Согласен, музыка, действительно, превосходная, – со-

гласился Александр, хотя обычно их музыкальные вкусы сильно различались.

Они разместились за столом, поприветствовали других участников, сказали несколько вежливых дежурных фраз и стали ожидать начала игры. Постепенно яркий свет померк, а музыка стихла. Игра началась.

Александр приглушенно вскрикнул, когда прямо из воздуха появились карты, которые принялась точно и мерно раздавать чья-то невидимая рука. Ее движения были удивительно плавными, но в то же время четкими. Александр был предупрежден Алоизой, однако увидеть это зрелище впервые и не опешить – не удавалось еще никому, поэтому он тоже, слегка приоткрыв рот от изумления, во все глаза смотрел на разлетающиеся с легким свистом карты.

– Я же говорила, – радостно шепнула ему Алоиза. – Слушай меня!

Едва начался первый сет, как Александр, обладавший живым умом, наблюдательностью и отличной памятью, заметил, что Алоиза, действительно, совершенно не соблюдает правила, которые были написаны на белом листке у двери, но девушка играла уверенно, она действовала так, как подсказывали ей опыт и интуиция, блестяще просчитывала комбинации и к концу первого сета успела сформировать приличный резерв, который мог быть израсходован ею, если в следующих играх повезет меньше. Сам же Александр почти все время пасовал и присматривался, и потому перед нача-

лом второго сета остался при своих.

Остальные игроки делились на три категории: такие же осторожные новички, как он сам, новички, но, напротив, бесшабашные и выбрасывающие одну за другой крупные ставки, в надежде на благосклонность фортуны и существенный выигрыш, а третьи – опытные игроки, проводившие за этим столом долгие годы, такие, как Алоиза. Они играли со знанием дела, совершали обдуманные ходы, явно опираясь на какую-то логику, позволявшую им время от времени выигрывать, но они тоже не соблюдали правила, наоборот – играли словно наперекор.

Александр сделал несколько ходов, пару раз проигрался, но у него все еще оставалось достаточно ставок, а Алоиза опять выиграла. Девушка радостно улыбнулась ему из-под маски, он увидел, как блеснули ее ровные белые зубы, словно кусочки мелких жемчужин, и она сделала торжествующий жест.

Невидимая рука раздавала карты снова и снова, в какой-то момент Александр, продолжая больше следить за игрой других, чем играя сам, заметил: несмотря на то, что здесь была игра без правил, определенная логика все же прослеживалась, причем прослеживалась с совершенно определенным постоянством. А именно: чем больше игрок нарушал то, что было записано на листке у двери, чем более беспринципной была его манера игры, чем чаще он делал противоположное предусмотренному, тем существеннее и надеж-

нее оказывался его выигрыш. Иногда эти игроки тоже проигрывали, но потом быстро восполняли потери и увеличивали свое состояние, иногда вдвое и втрое. Те же, кто пытались следовать правилам, напротив, проигрывали, потому что сама логика игры, то, как была она построена, правилам полностью противоречила. Неудивительно, что наивные бедняги, решившие следовать постулатам с белого листка, проигрывались в пух и прах, зачастую пуская по ветру все свое состояние.

Выигрывающие же, напротив, получали деньги проигравших, праздновали успех, и так продолжалось из игры в игру, без малейших изменений, пока одному из них не выпадала черная карта – шутовской колпак на полированном черепе.

– Ты часто видела, как появляется черный джокер? – шепотом спросил Александр у Алоизы, и она, на миг вздрогнув, словно от набежавшего холодка, кивнула.

– Да, часто.

– И было, чтобы он доставался проигравшим?

Алоиза напрягла память, не понимая, зачем жених задает такие странные вопросы и отвлекает ее от игры. Но постепенно с изумлением поняла, что не припоминает ничего подобного: джокер всегда доставался только выигравшим. Хотя, возможно, это было лишь на тех играх, где довелось присутствовать ей.

– Вероятность получить джокера у проигравшего куда ниже, – вмешался играющий по другую руку от Александра

мужчина с щегольскими усиками и в черной классического фасона шляпе, – Ведь проиграв все, они уже не могут вернуться сюда. А выигрывающие приходят постоянно. Но такие случаи были.

– Было ли, что получивший черного джокера возвращался на игру снова? – Александр повернулся к мужчине в шляпе, но тот вместо ответа лишь посмотрел на него, как на идиота, словно Александр спросил нечто совершенно несуразное.

Он задумался. Итак, получивший черного джокера не возвращается на игру. Не возвращается, потому что получает метку смерти. И получают ее выигравшие. Александр сжал руку Алоизы и прошептал ей на ухо:

– Мне кажется, уже хватит, пойдем отсюда! Эта игра мне не нравится.

– Брось, – рассмеялась девушка. – Осталось всего пару сетов. Скоро закончится.

Ему оставалось только молиться, чтобы рука крупье не выкинула черного джокера, и в этот раз, действительно, обошлось.

Когда они покинули зал, вышли на улицу и свернули в парк, пошли по его тенистым прохладным аллеям, Алоиза внимательно слушала своего спутника, и здесь, вдали от игрового зала и колдовской музыки, его слова уже не казались ей абсурдом. Она понимала, что в них есть здравый смысл, если бы она была внимательнее, то давно уловила бы эту закономерность.

Значит, игра была вовсе не тем, чем казалась на самом деле...

– Ты просто гений! – воскликнула Алоиза, обнимая его, – Как же ты смог догадаться?

– Я не догадался. Мне сказали об этом, перед началом игры. Тебе это тоже говорили, когда ты играла в первый раз. Просто ты забыла, а я – нет.

– Значит, мы больше не пойдем туда?

– Почему же! Обязательно пойдем. Но на этот раз будем играть иначе.

Алоиза печально улыбнулась. Многие собираются в следующий раз играть иначе, но едва войдя в зал, околдованные его изменчивостью, его не позволяющими расслабиться не на секунду чудесами, царящим в нем драматизмом, и натуральностью совсем не игровых переживаний, -вновь и вновь забывают обо всем.

Ночь уже сгустилась над поднимающейся к небу горой Монжуик, и в темноте потонул замок, исчезли силуэты канатной дороги, стихли крики попугаев, автомобильные гудки и веселый смех. Отстучали колеса трамваев – под такими колесами некогда погиб великий архитектор Антонио Гауди. Барселона готовилась ко сну.

Глава 5. Проклятый капитан

Барселона готовилась ко сну. А «Кристиэль», не так давно торжественно спущенный на воду, отправился в свое первое плавание.

Кристина и Даниэль, решившие провести на борту уникального судна импровизированный медовый месяц, стояли, обнявшись, на палубе, наслаждаясь ночной прохладой и глядя на удаляющиеся огни большого города.

Бухту обрамляли маяки: их свет ярко вспыхивал на долю секунды, а потом снова исчезал, и все вокруг погружалось в полную темноту. Потом снова вспыхивал спасительный свет, и так – бесконечно, пока не взойдет солнце. На блестящей в лунном свете поверхности моря отражались неяркие точки звезд, но если поднять глаза к небу – они казались россыпью сияющих бриллиантов на черном бархате плаща небесной царицы, окутавшего землю непроницаемым покровом.

– Изумительно, – выдохнула Кристина. – Каждый год я смотрю на звездное небо и не перестаю удивляться его красоте! А какое красивое небо над Террановой, особенное небо, помнишь?

– Мы вернемся туда однажды, – пообещал Даниэль. – Но пока тебе нужно увидеть, как прекрасно небо над Лансароте! Мы, наконец-то, плывем домой.

– Хорошо, конечно, – она ласково улыбнулась ему.

Повисла недолгая пауза, а потом Кристина, снова глядя на отражение звезд на водной глади, продолжила:

– Так значит, смысл игры вовсе не в том, чтобы выиграть... И даже не в том, чтобы избежать встречи с черным джокером, потому что никто из игроков не защищен от нее...

– Да, – подтвердил Даниэль. – Смысл игры в том, чтобы пройти ее, не забывая следовать правилам, какими бы безумными они не казались.

– Но они и вправду безумны!

– В том-то и вся сложность. О них говорят между делом, они написаны на прищипленном в углу незаметном листочке, их не замечаешь, забываешь, пораженный убранством игровой залы, волшебными спецэффектами, вроде невидимой руки и тому подобными фокусами, очарованный неземной музыкой, равной которой не сочинят и ангелы... Да еще эти таинственные знакомые незнакомцы под масками! Ты смотришь на них, пытаешься угадать, кто они, но не можешь узнать никого, хотя они постоянно кого-то напоминают. А потом приходит азарт, ты выигрываешь, проигрываешь, соревнуешься с соперниками... А правила не дают преимуществ, они топят тебя, вынуждают делать неверные ходы, противоречат тому, что происходит на зеленом сукне игрового поля... Потому что...

– Потому что выигрыш находится за пределами игры, вне ее, – тихо продолжила Кристина. – Подумать только! От те-

бя нужно так мало, всего лишь следовать озвученным правилам. Ведь их никто не скрывает... и никто не справляется. Игра слишком захватывает...

– Она просто мастерски сделана, – заметил Даниэль. – Я бы сказал, что у нее был отличный архитектор. Куда талантливее меня и даже самого Гауди. Дьявольски хитрый мозг...

– Это точно, – согласилась Кристина. – Зато теперь я знаю главное. Антонио умер не потому, что женился на мне. Не потому что старался угодить слишком молодой жене. Эта мысль долгие годы мучила меня, не позволяя покончить с трауром...

– Он получил джокера? – догадался Даниэль.

Она молча кивнула. Вспомнила о муже, снова попыталась заплакать и снова не получилось. Осталось еще три желания: подарить Даниэлю сына или дочь, спасти Проклятого капитана и вновь научиться плакать. И у нее еще есть время, чтобы их исполнить, ведь черный джокер на этот раз так и остался в колоде.

Постояв еще немного, они отправились в каюту: было уже очень поздно.

Прошло несколько дней, проведенных в спокойном плавании. Кристина и Даниэль наслаждались полной свободой и обществом друг друга, они подолгу гуляли по палубе, смотрели на море и на проплывающие мимо суда, среди которых Кристина даже без бинокля безошибочно узнавала те, что принадлежали «Калине Интернешнл»: ведь она столько лет

жила одной лишь работой.

Они общались с командой, те с улыбкой наблюдали за счастливым лицом хозяйки корабля и шутили между собой, что для того, чтобы изменить ее железный характер, нужен был всего-то лишь мужчина, посмеивались над банальностью ситуации, но все-таки радовались за свою Крис: моряки уважали ее, хотя и немного побаивались раньше.

На третий день плавания «Кристиэль» прошел через Гибралтарский пролив и направился в сторону Лансароте. Даниэль с тайным ликованием представлял, как вернется в родной город, который покинул никому неизвестным нищим художником, вернется на борту роскошного корабля, носящего частицу его имени, в компании самой чудесной женщины в Испании, а может быть – и во всем мире. Вернется всемирно известным архитектором, строителем уникальной Террановы, семейным человеком, но главное – бесконечно влюбленным и счастливым. Примерно о том же думала Крис. Они мечтали и строили планы. И как это часто бывает – этим планам не суждено было сбыться.

Ночью, на подходе к Канарским островам, корабль накрыла смертоносная буря, тайфун был такой силы, каких и не видели в этих краях прежде. Молнии переламывали небо напополам, струи дождя хлестали по палубе, словно поливали из сотен тысяч пожарных шлангов, а волны безумствовали в страшном ритуальном танце, взмывая к облакам и обрушиваясь вниз, увлекая за собой несчастное судно. От одно-

го из разрядов молнии система навигации вышла из строя, и потому «Кристиэль» оказался беспомощной игрушкой не на шутку разгневавшегося Посейдона – корабль швыряло из стороны в сторону и все ближе и ближе несло в сторону прибрежных скал, где он рисковал разбиться о выступающие из воды утесы или же сесть на мель, что тоже не предвещало ничего хорошего.

Кристина чувствовала страх, она боялась, что это Проклятый капитан все-таки пришел за ней, но ее успокаивало присутствие Даниэля рядом. В конце концов, они вместе. И если смерть придет, они встретят ее вместе. Они построили Терранову и город останется как вечно живое доказательство исполненной клятвы Кристины, как доказательство ее любви к мужу и любви к Даниэлю, и как свидетельство ее пребывания на этой земле. Уверенности женщине придавала и мысль о том, что все-таки ни один из них не вытащил карту с джокером. С другой стороны, они поняли принцип игры, как знать, не полагалось ли и за это суровое наказание?

Лежа в каюте, крепко прижавшись к Даниэлю, она слушала бешеные удары волн, заглушающие почти столь же сильные удары ее сердца, и думала о любви. Она искренне любила Антонио, в этом не было никаких сомнений. Долгие годы она не могла смириться с его смертью, каждое мгновение вспоминала о муже, жила этими воспоминаниями, не открывая никому своего сердца. И однако, эта любовь бесконечно отличалась от того чувства, которое она теперь испы-

тывала к Даниэлю. Любовь к Антонио была подобна тихому свету, наполненному восхищением, благодарностью, нежностью и теплотой. В ней совсем не было той огненной страсти, что она чувствовала сейчас, не было непреодолимого притяжения, что влекло ее ко второму мужу. Но не этим своеобразным градусом чувства, отличалась ее новая любовь от прежней. С Антонио она словно узнавала чудесного нового человека: с его милыми особенностями, с достоинствами и недостатками. Она училась принимать недостатки и восхищаться достоинствами. С Даниэлем же смотрела на скрытого под черным бархатом маски давнего знакомого, вглядывалась в него, не узнавала и узнавала одновременно. Их словно связывали долгие годы, проведенные где-то вне большого игрового зала, что зовется жизнью, словно когда-то вместе они читали правила, написанные на крошечном белом листе, пришпиленном в углу, а потом, все также вдвоем, прошли сквозь массивные двери и оказались внутри – но почему-то потеряли друг друга в толпе, чтобы затем – обрести вновь.

Едва ей пришла в голову эта мысль, как она еще крепче обняла мужа.

– Спишь? – прошептала она.

– Да кто может спать в такой шторм, – он повернулся к ней и улыбнулся. – Если только найдем и выпьем на двоих боценок пиратского рома. В противном случае – здесь не уснуть.

– Как ты думаешь, мы утонем?

– Глупости. Ты все еще веришь в эти ваши семейные ле-

генды? Прекрати, Крис, ты же смелая девочка!

Он придвинулся ближе и поцеловал жену, она снова почувствовала, как ее охватывает знакомый жар, а Даниэль заметил, что если корабль все-таки пойдет ко дну, то лучше не терять последние минуты понапрасну, а посвятить их друг другу. Кристина с готовностью согласилась, она словно пыталась получить все, что упустила за долгие года молодости, проведенные в одиночестве. Однако и этим планам не суждено было сбыться, потому что практически сразу же раздался громкий стук в дверь, перекрывающий шум шторма.

– Сеньора Алькасар! Эй! – крикнул мужской голос, и они узнали голос старшего помощника. – Откройте дверь!

Вздохнув, Даниэль соскользнул с кровати и распахнул дверь.

– Простите за беспокойство, сеньоры, – произнес помощник, едва оказавшись на пороге, – Но капитан считает, что на судне небезопасно. Мы спускаем шлюпки, пассажиры и обслуживающий персонал должны сойти на берег. Шторм чуть утих, но корабль относит все ближе к скалам.

– А команда? – Кристина вскочила с кровати, прикрываясь одеялом и длинными волосами, но старший помощник даже не взглянул на нее. Сейчас было не до рыжеволосых женщин, даже если это сама хозяйка судоходной компании.

– Команда пока останется на борту. Надеюсь, нам удастся доставить «Кристиэля» в порт без повреждений.

Кристина и Даниэль спешно бросились одеваться и со-

бирать вещи, и женщина не могла не думать о том, как часто в истории кораблестроения, именно корабли, казавшиеся непотопляемыми, те, чьего спуска на воду ждали так долго, шли ко дну уже в первом плавании, являя собой насмешку коварной судьбы, беспощадной в своем жестоком озорстве.

Через некоторое время шлюпки спустили на воду, Кристина и Даниэль находились в одной из них вместе с третьим помощником капитана, который взял управление на себя, а также с горничной, коком и одним из младших механиков. Сидя на скамье, тесно прижавшись к Даниэлю, она смотрела на бушующие за бортом волны, подкидывающие внушительных размеров шлюпку, словно крохотную скорлупку, и вспоминала похожую ночь, тоже проведенную в шлюпке много лет назад. Тогда она еще не была Железной Крис, тогда с ней не было ни помощника капитана, ни Даниэля. Она была всего лишь насмерть перепуганной слабой девочкой, оказавшейся посреди океанской пустыни в компании умирающего Максимино Флореса.

И тогда она впервые увидела каравеллу. Кристина закрыла глаза и погрузилась в воспоминания, подробно представляя себе призрачное судно, воскрешая в памяти каждую его деталь, его потемневшие от времени паруса, высокие борта, перекрестье матч, и буквы на его борту, сложившиеся тогда в незнакомое, но легко произносимое слово. Кристиэль. Так было написано на борту каравеллы!

Кристина широко распахнула глаза, вздрогнув от неожиданности. Корабль Проклятого капитана назывался точно так же, как называлось то судно, которое они покинули только что! Судно, где собирались провести медовый месяц, с которым связывали свои надежды на счастье и успех!

В эту секунду Кристина уже отчетливо знала, что команде не удастся привести корабль в порт. «Кристиэль» найдет последнее пристанище на морском дне и через десятки лет будет служить точкой притяжения дайверов и туристов. Вздрогнув от ужаса она закрыла глаза. Сквозь бешеный рев волн Кристина отчетливо слышала тихий вкрадчивый шорох черный крыльев – самый жуткий из всех существующих в мире звуков.

Едва шлюпка коснулась дна, крепкие руки мужчин помогли ей выбраться и перенесли ее на берег, хотя их все равно окатило волной, и Кристина полностью промокла, да еще и наглоталась соленой морской воды.

– Что нам делать? – спросила она у помощника капитана. – Где мы?

– Это остров Ла-Гомера, – ответил тот. – Идите по тропинке, здесь прямо на берегу есть отель, скоро вы его увидите. Думаю, они дадут вам приют и окажут помощь.

Кристина успела прихватить с собой сумочку и надеялась, что деньги и кредитные карточки не намокли. Она понимала, что потерпевших крушение промокших людей примут и так, однако привыкла платить по счетам и не желала делать

никаких исключений из этого правила даже теперь. Дрожа от холода на пронизывающем ветру, под безжалостными струями дождя, они медленно брели по размытой дороге в гору, Даниэль бережно поддерживал жену, и путь этот для измученных штормом людей казался бесконечным.

Помощник капитана оказался прав, действительно, они увидели белую громаду отеля, выступавшую из темноты. Здание имело очень странную форму: оно представляло собой прямоугольник, заканчивающийся гигантской ладьей, поднимающейся вверх и обращенной к морю.

Пострадавших любезно приняли, а узнав Кристину и ее мужа, еще и отдали им лучшую комнату, располагавшуюся как раз на самом верху ладьи.

В отеле почти не было постояльцев, здесь было мрачно, промозгло и как-то жутковато. Да и кому захочется поселиться в таком месте, среди постоянного рева океанских волн! Внутри посетителей встреча тесный холл, белые стены, узенькая стойка и висевший над ней деревянный штурвал – единственное украшение, что здесь было.

– Как хоть называется это место? – устало спросила Кристина приветливого портье.

– Наш отель называется «Торребланка», сеньора Алькасар, – с достоинством ответил тот и слегка поклонился.

Торребланка. Белая башня. Все это было каким-то удивительно знакомым – на миг у Кристины возникло чувство дежавю, словно она бывала здесь когда-то прежде. Но нет, она

вообще никогда не была на Канарских островах, тем более в этой совершенно заброшенной части острова, в примостившемся на круче полупустом старом отеле. И, тем не менее, все вокруг отчего-то казалось невероятно знакомым!

Приветливый портье проводил их в комнату и оставил одних. Кристина бросила вещи на кровать и тут же направилась в ванную комнату. Когда она приняла душ и вышла, Даниэль уже крепко спал крепким сном, не потрудившись даже снять рубашку, лишь стянул промокшие брюки и снял ботинки.

Кристина подобрала брюки с пола, повесила их на стул, накрыла мужа одеялом и завернулась в махровый банный халат. Спать не хотелось. Она чувствовала невероятное нервное напряжение, граничащее с паническим ужасом, вызванное трагическим предчувствием скорой беды.

Но она не привыкла отворачиваться от правды, напротив, привыкла искать ее. И потому Кристина вышла из номера и спустилась вниз, где, как и ожидала, все тот же приветливый портье сообщил трагическую весть о гибели ее корабля. «Кристиэль» пошел ко дну, прихватив с собой нескольких членов экипажа.

– Неужели это никогда не закончится! – прошептала Кристина.

– Что именно сеньора? Мне правда очень жаль! – портье посмотрел на нее своими большими темными глазами, и по табличке на груди она узнала, что его зовут Руфус.

– Спасибо, Руфус. Я говорила о проклятье, что тяготеет над моими кораблями. Они все обречены на гибель! Возможно, брат моего мужа был прав: я совершила ошибку, когда пошла в судоходный бизнес. Большую ошибку... Прошу вас, разместите всех, кто доберется сюда, всю команду. Я все оплачу.

– Разумеется, у нас найдутся комнаты для ваших людей, – кивнул портье. – Примите мои соболезнования.

Кристина поблагодарила его и снова поднялась в башню, но после полученного известия сон сбежал окончательно, и, повинаясь какому-то непонятному ей самой желанию, она толкнула дверь, расположенную на балконе их номера: за ней находилась лестница, ведущая наверх, на крышу. Кристина поднялась по ней и оказалась под ночным небом, под воющим ветром. С ней была лишь белая башня и вместе они противостояли бушующей стихии, которая все никак не хотела сдаваться.

Она понимала, что Даниэль давно уже спит, ведь уже поздно, очень поздно, а они столько пережили за последние сутки, но никак не могла уйти, все смотрела и смотрела на ревущие волны, на черное, бушующее море, в эту минуту оно напоминало взбесившегося яростного зверя, агрессивного, непредсказуемого. Что если подобные этим удары морских валов, поднимающиеся к самым небесам, однажды разрушат гигантские сваи, разорвут сцепки платформ – и Терранова погрузится в пучину, вместе со всеми жителями и

домами! Это было ее самым большим кошмаром, страшнее, чем тонущие корабли, страшнее, чем мучающие по ночам зловещие сны... И в это мгновение Кристина вдруг поняла, что именно так напоминало ей происходящее сейчас, но мысль стремительно мелькнула в сознании и погасла – потому что в это мгновение у нее зазвонил телефон, который она положила в карман халата.

Как ни странно, это оказался Руфус, она дала ему номер на случай, если будут известия о ее команде или спасательной операции.

– Сеньора Кристина, здесь какой-то человек. Он говорит, что вы незнакомы, но ему очень нужно с вами поговорить немедленно, – произнес его голос в трубке. – Говорит, что это срочно, так как у него мало времени.

Кристина вздохнула. Началось... Назойливые журналисты, которые словно мухи преследуют после каждого крушения! Надо же, как он только разыскал ее в этом заброшенном глухом месте! Или, того хуже, вездесущие агенты страховой компании, которые не хотят выплачивать деньги за затонувший груз и корабль! Хотя, груз, вероятно, еще можно будет поднять на поверхность. Зависит от того, что с кораблем.

– Как его зовут?

Руфус что-то ответил, но рев ветра заглушил его слова.

– Я наверху, на крыше, – крикнула Кристина. – Пусть поднимается сюда.

В конце концов, она не может вечно прятаться от всех.

Рано или поздно, ей придется поговорить с миром о крушении считавшегося непотопляемым корабля.

Через некоторое время раздались размеренные шаги, очевидно незнакомец, так сильно жаждавший встречи с ней, никуда не спешил – шел он медленно.

Кристина обернулась. Ветер развевал ее рыжие волосы и полы белого махрового халата. Она смотрела в туман, пытаюсь разглядеть выступающий из него силуэт. Но долго, очень долго никого не было, лишь только раздавался размеренный стук шагов. Наконец показался мужчина. В темноте она могла видеть лишь, что он довольно высокий и сухощавый, крепкий. У него были длинные темные волосы, которые были повязаны банданой. На нем была белая рубашка, сверху темный жилет и брюки до щиколотки. Да весьма странные сапоги – с длинным носом и каблуком, очевидно именно этот каблук и издавал тот цокающий звук, когда мужчина шел ей навстречу. Его лицо в темноте казалось странно знакомым, хотя она готова была поклясться, что никогда прежде не видела его. И он совершенно не походил на страхового агента, да и на журналиста не очень, если только местного, из какой-нибудь захолустной газетенки.

– Доброй ночи, сеньора, – приветствовал он ее и женщину поразил странный акцент, с которым он произносил слова, словно говорил на старом, очень старом языке, что вышел из обихода много сотен лет назад: очевидно перед ней был не просто журналист, а большой оригинал! Однако она по-

нимала его слова, с трудом, но понимала.

– Не очень-то она вышла доброй, – сухо ответила Кристина.

– Это кому как!

– Да, все относительно, – согласилась она. – Так кто вы и зачем вам так срочно понадобилось меня видеть? О чем вы пришли просить? Чтобы я рассказала вам о крушении, для какой-то вашей газеты или сайта? Хотите сделать первым эксклюзивное интервью? Или вы пришли предложить услуги вашей компании по поднятию груза с затонувшего корабля? Я угадала? Конечно, угадала! Для чего еще вы могли прийти среди ночи! Вероятно, это вам необходимо или же просто выгодно!

Она замолчала и посмотрела ему в глаза. Он ответил ей спокойным, полным достоинства взглядом, странно глубоким и значительным – никогда прежде не видела она таких глаз! И она уже не чувствовала больше пронизывающего ветра, не дрожала от холода и пережитого страха.

– Вообще-то, я пришел, чтобы поцеловать вам руку, – ответил он, четко выговаривая каждое слово, и его тихий голос почему-то перекрывал бешеный шум моря.

С этими словами он галантно взял в обе руки ладонь совершенно растерявшейся Кристины, прижал к губам, задержав на несколько секунд. Потом выпрямился, выпустил ее руку, сорвал с головы бандану и церемонно поклонился, словно это была не бандана, а шляпа, украшенная длинными

перьями.

– Прощайте, прекрасная донья, благодарю вас, – ответил он и, повернувшись, сделал шаг, чтобы уйти.

Как зачарованная, Кристина смотрела ему вслед, застыв от неожиданности, но все-таки она успела очнуться раньше, чем он ушел: сказалась многолетняя тренировка воли, позволявшая взять себя в руки в любой ситуации. Даже мертвой, она готова была подняться, чтобы продолжать свой путь к цели.

– Дон Августин! – окликнула она, когда он уже почти скрылся за пеленой тумана. – Подождите! Он обернулся. Кристина бросилась к нему и в порыве схватила за руку, не позволяя уйти вновь.

– Объясните же, что произошло! Прошу вас! Ведь я ничего не сделала! Как же удалось снять проклятье?

На лице пирата мелькнула легкая улыбка.

– На самом деле, рассказчики, передавая эту легенду из уст в уста, упускают важные детали, – ответил он. – Неудивительно, ведь в живых осталось мало свидетелей той сцены, и те были слишком взволнованы случившимся – схваткой, гибелью корабля, – чтобы запомнить все дословно. А дело было так. Умирая, капитан Бартоломео Сантьяго проклял меня и сказал, что мне суждено скитаться по морям, обрекая своих потомков на гибель. Я же, ни на секунду не поверив в его проклятье, взглянул на него и лишь усмехнулся.

– Возможно, проклятье можно и снять? – спросил я у уми-

рающего с издевкой.

– И не мечтай, – прошептал он, – не раньше, чем затонет «Кристиэль». Не раньше, чем будет забыта вражда и мои сыновья преклонятся перед твоими потомками и поведут под венец дочерей проклятого рода Манрике, чтобы сочетаться с ними священными узами брака. Твой муж – Даниэль Сантьяго – прямой потомок убитого мною капитана. Его кумир, Сесар Манрике, перед которым он преклонялся всю жизнь – прямой потомок моего рода, как и твой муж Антонио. Ты же – единственная наследница всего достоинства Манрике, и хоть ты не принадлежишь к ним по крови, ты прожила жизнь, что была суждена для Манрике, чужую жизнь. Ты – больше Манрике, чем все они остальные, взятые вместе. Волею судьбы вы сочетались узами брака и дали кораблю то же имя, что носил мой проклятый корабль. Сегодня ночью оба условия были исполнены – и теперь я свободен уйти. Сегодня же ночью я уйду в море, чтобы никогда не вернуться вновь. Сегодня же ночью, если позволит Господь, я встречу своих сыновей и своих матросов.

– И мои корабли не будут больше тонуть? И никакой шторм не разрушит мой город? – с надеждой спросила Кристина, продолжая удерживать его руку. – Не отпущу, пока не дадите мне слово! Больше никаких крушений! Иначе – прокляну вас вновь!

– Никаких крушений. Отпусти.

Кристина разжала пальцы, выпустив его руку. Дон Авгу-

стин снова с достоинством поклонился ей и скрылся в тумане.

Глядя на удаляющуюся фигуру Проклятого капитана, слыша, как стучат по камням его каблуки, Кристина понимала, что эту сцену, эту крышу, этот туман и этого человека, она почти каждую ночь видела в кошмарных снах долгие годы, но уже никогда больше не увидит вновь.

И вдруг Кристина почувствовала, как неудержимой волной из глаз хлынули слезы, они текли по щекам, смешиваясь с каплями дождя, с солеными брызгами моря, она содрогалась от рыданий, и не в силах стоять больше, опустилась на каменный пол, прижавшись спиной к каменной стенке башни, обхватила голову руками и зарыдала еще пуще. Казалось, она могла бы сейчас затопить слезами весь мир, наполнить не один океан и не одно море. С ее плеч скатился огромный камень, давивший непосильным грузом все эти долгие годы. Отныне, как и Проклятый капитан, она была свободна. Чужая жизнь закончилась. Впереди лежала ее собственная.

Глава 6. Калина Интернешнл

С этого дня никто не слышал о Проклятом капитане. Как и обещал, дон Августин Хулиан Манрике ушел за горизонт и никогда больше не появлялся вновь. Никому отныне не встречался силуэт мрачной деревянной каравеллы, предвестницы несчастья. Кристина, много лет размышлявшая над тем, почему в ту ночь, когда она видела каравеллу впервые, ракеты запускались прямо над палубой старинного судна низко-низко, догадалась, что, вероятно, далеко в море, шел корабль спасателей, и эти ракеты запускались с него. Но каравелла находилась между шлюпкой и кораблем, она была прозрачным призраком, и ракеты светились сквозь нее, создавая оптическую иллюзию, помешавшую спасателям обнаружить потерпевших вовремя.

Кристина была счастлива разгадать и эту загадку, после чего постаралась больше никогда не вспоминать о злосчастном пирате, преследовавшем ее столь долгие годы.

Корабли, принадлежавшие ей, теперь спокойно пересекали моря и океаны, обходили вокруг земного шара и благополучно возвращались в порт, несмотря на ураганы, мели и суровые штормы, ведь проклятье семьи Манрике навеки ушло в прошлое. И крепкие опоры, созданные Даниэлем для Террановы, продолжали стоять недвижимо, превратив город в морскую крепость, непреступную и неподвластную влиянию

времени. Отныне над именем Манрике вновь засияло солнце, хотя Кристина давно уже отказалась от этой фамилии, как и от фамилии Алькасар. Теперь во всех ее документах значилось: Кристина Серова-Сантьяго.

Но это не имело никакого значения: даже если бы Кристина Серова поменяла фамилию еще сто раз и еще тысячу раз вышла бы замуж, ничто бы не изменилось. Для людей она была и навсегда осталась Железной Крис, ибо создав себе репутацию единожды, ее уже невозможно создать вновь.

Они с Даниэлем вернулись на Лансароте, и с первого взгляда Кристина влюбилась в покрытые пеплом пустыни и причудливые черные горы, словно расположенные у входа в преисподнюю, в огнедышащие кратеры и красные скалы, и поняла, что только здесь хочет провести те дни, что ей остались. Они купили довольно-таки большой дом на берегу, где и поселились. Со временем у них родились дети, сын и дочь, как и мечтала Кристина. Отныне все ее мечты были исполнены.

Джайса отдала детей в университет, а сама присоединилась к христианской миссии, которая объезжала самые горячие точки, страны, где царил послевоенная разруха или продолжались непрекращающиеся войны, где случались стихийные катастрофы: ураганы, землетрясения, наводнения. Она окончила курсы первой помощи и курсы психологов и старалась помочь, чем могла, открывая свое сердце всем и каждому. Замуж в четвертый раз она не вышла. Двое из ее

детей получили медицинское образование и последовали по стопам матери, и лишь один из сыновей получил юридическое образование и со временем вошел в правление холдинга «Манрике Норте».

Адвокат Алехандро Монтанья вышел из тюрьмы, но был лишен возможности заниматься адвокатской практикой пожизненно. Леонардо Манрике оставался в тюрьме до семидесяти шести лет и вышел на свободу глубоким стариком – пребывание в заключении и пережитые события серьезно подорвали его здоровье.

Донья Лурдес через несколько лет после описанных событий мирно скончалась в психиатрической лечебнице, и ее сознание не прояснилось даже в последние минуты перед смертью.

В скором времени отошел в мир иной и дон Габриэль Ортис, а дон Луис намного пережил своего товарища, став крестным отцом сына Кристины, названного, разумеется, Антонио. Ну а дочь назвали, разумеется, Сильвией, как всегда мечтала мать Даниэля. Родители Кристины наотрез отказались переезжать на Лансароте, им нравилась жизнь в Терранове, но Кристина и Даниэль навещали их насколько возможно часто, ведь самолеты и корабли курсировали между Террановой и Лансароте непрерывно. Но об этом чуть позже.

Дон Алваро так и прожил свою жизнь холостяком, написал еще несколько сценариев к ставшими успешными фильмам, и еще больше – к неуспешным, после чего удалился на

покой, поселившись в квартире, которую Кристина выделила ему на окраине Террановы. Она предлагала ему жилье в самом центре, в одном доме с ее родителями, но старый отшельник предпочел обосноваться на окраине, объясняя это желанием тишины и покоя. Тем не менее, он принимал довольно активное участие в общественной жизни города, периодически встречался с журналистами, устраивал творческие встречи, а также подружился с мэром и другими заметными персонами. Поддерживал он отношения и с родителями Кристины, иногда навещая их – ведь других родственников в Терранове у него не было.

Архитектор Венсан Сенье вскоре после инцидента с Даниэлем был уволен со своего поста за многочисленные растраты и нарушения и ему был найден достойный приемник. Даниэль же отказался от должности главного архитектора, несмотря на все уговоры городской администрации. Вернувшись на родной остров, он бы ни за что не позволил выманить себя отсюда вновь, отныне он хотел жить только здесь, с любимой женой и подрастающими детьми.

Любовь между Даниэлем и Кристиной не стала ни на каплю меньше и с годами, напротив, приобрела новую, неведомую им обоим прежде глубину и стала сильнее, чем прежде, связав их узами родства и привычки, общими воспоминаниями, пройденными вместе испытаниями, препятствиями, которые они преодолели, вершинами, на которые поднялись, пережитыми моментами счастья, секретами и тайнами. От-

ныне они представляли собой словно одного человека, Кристина иногда говорила, что они с Даниэлем – это двуглавый дракон, у которого одно общее тело, общее сердце и общая кровь. Назвали этого дракона, разумеется, Кристиэль.

Они давно уже понимали друг друга без слов, с одного только взгляда, а иногда и без него, Кристина чувствовала настроение мужа на расстоянии, она знала, если где-то, на другом краю мира, он устал, раздражен, приболел или наоборот счастлив и полон сил. Больше всего на свете она боялась, что однажды, услышит шорох зловещих черных крыльев, увидит мелькнувшее в темноте невзрачное лицо Газира, и потеряет мужа так же, как некогда потеряла Антонио, и теперь мечтала лишь о том, чтобы этого никогда не случилось, или чтобы хотя бы она первой оставила этот мир. Поэтому иногда она просыпалась по ночам и в страхе хватала мужа за руку, чтобы убедиться, что с ним все в порядке. Хотя, как и положено таким влюбленным, они должны были бы жить долго и счастливо и умереть в один день.

Кристина никогда не жалела о том, что прожила чужую жизнь: в этой чужой жизни ей удалось сделать так много, а потом хватило времени и на свою. И даже если истинное счастье приходит поздно – пройдет совсем немного времени и уже кажется, что оно было с тобой всегда, поскольку время, в сущности, понятие эфемерное, оно течет то быстро, то медленно, то сжимается, то разжимается и прожитые трудные годы зачастую превращаются в одно-единственное мгнове-

ние, сжавшееся в крошечную горошину, плохое забывается, тонет в бездонном океане памяти, а счастливое настоящее пребудет вечно, постоянным и нерушимым.

Кристина и Даниэль посвятили свое время, – кроме, разумеется, времени проведенного с детьми, родными и друг с другом, созданию различных новшеств – хотя, на самом деле, всеми этими новшествами занимался только Даниэль, Кристина же исполнила еще одну свою мечту: теперь она преподавала математику в одной из школ Лансароте – и учиться у нее считалось чрезвычайно престижным, многие семьи даже переезжали с других островов архипелага, лишь бы только их дети попали к ней в ученики.

А Даниэль построил на Лансароте новый большой порт, оборудованный по последнему слову техники – порт будущего. Этот порт и связывал остров с Террановой, сюда приходили корабли только из города на воде и ниоткуда больше.

И город, и порт, и курсирующие между ними корабли: современные, техничные, быстрые и комфортабельные, – словно отделились невидимой стеной от всего остального мира, деградирующего и разрушающегося: их не касался окружающий декаданс. В Шлюпочном квартале по-прежнему предоставляли место нуждающимся, тем, кто устав от ужасов творившихся в родном краю, приходил сюда в надежде обрести мирную жизнь, получить крышу над головой, послужить дальнейшему развитию Террановы и внести свой вклад в создание лучшего мира.

Все вместе, слившись в единое целое: Терранова, – вновь обретенная человечеством Атлантида, -новейшие бесшумные корабли, совершенно безвредные для окружающей среды, безопасные морские пути, современный, прекрасно оборудованный порт на Лансароте, работающие на полном цикле энергосбережения предприятия, расположенные в Европе и Азии, бескрайние океанские шельфы, также принадлежавшие компаниям Кристины, занятые заповедниками, где разводили редкие и исчезающие виды животных, птиц, рыб и растений, являли собой пространство гармонии и безопасности, возникшее благодаря атмосфере, созданной мастерством Даниэля Сантьяго, который, разгадав секрет таинственной игры, сумел-таки догнать, а может быть и превзойти великих архитекторов прошлого. Получив новые знания об устройстве мира, вспомнив забытые прежде правила, он вернулся к тому, чем стремился заниматься с рождения: используя материалы, что дарил природа, мастер превращал любой ландшафт в удивительные произведения искусства, один вид которых дарил спокойствие и умиротворение, восхищая точностью линий и совершенством форм – тысячи людей со всего мира приезжали на острова Канарского архипелага, чтобы увидеть эти рукотворные чудеса, имя Даниэля Сантьяго стало известно многим, а на родном острове его поставили в один ряд с его прежним кумиром Сесаром Манрике. Каменные дольмены и выложенные из веток деревьев или ракушек гигантские картины, чтобы запечатлеть

которые туристы поднимались на воздушных шарах и самолетах, удивительные комнаты в гротах, поражающие красотой пещерные и древесные дома, необычные узоры и декоративные украшения из застывшей лавы, парки скульптур, вырезанных из растущих деревьев и кустарников, – отныне его искусство с легкой руки Железной Крис тоже получило название «калина интернешнл».

Это словосочетание постепенно стало именем нарицательным, обозначавшим любую территорию, где царствовал союз человека и природы, мир, достойный потерянных садов Эдема, казавшийся недостижимым прежде рай на земле. Кристина и Даниэль потратили отведенные им судьбой годы, не жалея ни сил, ни времени, используя те таланты, что были дарованы каждому из них, чтобы доказать, что недостижимого не существует, и создать этот цветущий первозданный край.

А в игровом зале, по-прежнему, собираются люди. Годы и десятилетия, пролетающие мимо, не имеют власти над волшебной музыкой, над зеленым столом, над приколотым у входа белым листком бумаги – он не темнеет, не выцветает и не рвется. Не имеют они власти и над не знающей усталости невидимой рукой, которая словно вечный двигатель, продолжает раскидывать карты, одну за другой, и вершить судьбы тех, кто приходит попытать удачу. Здесь проигрывают и состояние, и жизнь, – ведь время не властно и над черным джокером, смотрящим пустыми глазницами, черными

дырами, выделяющимися на белоснежной поверхности черепа, на гладко отполированном затылке которого по-прежнему зловеще громоздится шутовской колпак.

Снова люди приходят в этот зал, нарушают правила, чтобы приблизиться к заветному выигрышу, добиться успеха в непознанном ими поединке, получают черного джокера, выбрасывают деньги на ветер, хотя истинная победа заключается в возможности покинуть игровой зал навсегда, как написано на маленьком белом листе. Как и изумрудная скрижаль, которой поклонялись философы и мистики древности, этот листок отличается именно своими малыми размерами: ведь чтобы донести истину, не требуется много слов.

Антонио, Даниэль, Максимино Флорес, Кристина и другие ее соратники мечтали победить неумолимого крупье и построить идеальный город. И если в ту ночь, когда Кристина впервые услышала о мечте мужа, она показалась ей необычной и даже странной, то теперь она отчетливо понимала, к чему именно стремился Антонио. Построить город – где все пойдет иначе, не будет вывернуто наизнанку, где возможен логичный, закономерный ход событий. Об этом мечтал и Максимино Флорес, умирая, он рассказал ей это. Кристина чувствовала, что к этому стремилась она сама – когда строила свой город, не осознавая, но интуитивно. К этой цели шел в силу врожденного исключительной силы чувства прекрасного Даниэль. И все они потерпели поражение. Потому что и здесь, в созданном Даниэлем и Кристиной совер-

шенном краю калины интернешнл, жизнь неумолимо течет по тем же законам, что и в зловещем игровом зале. Они просачиваются, минуя всевозможные барьеры и препятствия: здесь так же идут игры со смертью, в них кто-то выигрывает, а кто-то проигрывает, кто-то покидает зал, чтобы вернуться вновь, а кто-то – уходит навеки.

И здесь, так же, как и в любом поселении мира, от современных мегаполисов, до крошечных горных деревень, от островных государств до затерянных оазисов в пустыне, говорят друг с другом, улыбаются, шутят, соперничают и соперничают скрывающие свои лица под масками, неузнанные никем знакомые незнакомцы.

Они пришли сюда, чтобы излечиться от болезненного желания играть без правил единственным возможным способом – Игрой без правил.

Обложка создана с использованием нейросети Kandinsky
2.1